

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

СУЕТИНА Олеся Геннадьевна

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ РЕШЕНИЙ ВЕРХОВНЫХ СУДОВ СТРАН
АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Серебрякова
Светлана Васильевна

Ставрополь – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретические основания исследования юридического текста: общетекстовые параметры и специфические характеристики текста решения суда	14
1.1. Междисциплинарный характер исследования текстов юридического дискурса: история вопроса и современное состояние.....	14
1.2. Типологические характеристики судебного решения как жанра официально-делового стиля.....	26
1.3. Функциональные особенности текстов судебных решений в странах англо-саксонской правовой системы.....	40
1.4. Типы интертекстуальных связей в текстах судебных решений....	57
Выводы по первой главе.....	65
Глава 2. Структурно-семантические и прагматические аспекты текстов судебных решений	68
2.1. Структурно-композиционные особенности текстов судебных решений.....	68
2.1.1. Реализация принципов сегментации и архитектоники в текстах судебных решений.....	68
2.1.2. «Особое мнение» как структурно-функциональный элемент судебного решения.....	79
2.2. Специфика реализации основных принципов семантической организации текстов судебных решений.....	88
2.3. Особенности функционирования ономастических терминов в текстах решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы.....	99

2.4. Коммуникативно-прагматическая специфика речевых стратегий и тактик в аспекте реализации категории аргументации в текстах судебных решений.....	105
2.5. Лингвопрагматические особенности идиостиля судей Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы.....	116
2.6. Универсальные и культурно-специфические особенности текстов судебных решений стран англо-саксонской правовой системы	143
Выводы по второй главе	155
Заключение.....	158
Список литературы.....	163

Введение

В современном мире сложно переоценить феномен права, выполняющего роль ключевого координатора взаимоотношений между гражданами внутри государства, а также между гражданином и государством. При этом неотъемлемой составляющей регулирования отношений в правовом государстве является законное, обоснованное и справедливое судебное разбирательство. В ситуации объективного роста правосознания и правовой культуры граждан разных стран неизбежен интерес лингвистики к проблемам судебной коммуникации, правильная интерпретация которой может сказаться положительно на решении ряда социально-политических проблем.

Актуальность многоаспектного исследования текстов судебных решений Верховных судов, действующих в странах англо-саксонской правовой системы, обусловлена активным взаимодействием России с зарубежными странами во всех сферах, включая область правового сотрудничества, которое ставит перед российскими лингвистами важную задачу осмысления специфики англоязычного юридического дискурса. Исследование текстов судебных решений носит междисциплинарный характер, так как они попадают в фокус интереса ряда гуманитарных наук, таких как юриспруденция, социология, психология, прагмалингвистика, теория специального перевода и др. Описание структурно-семантических особенностей юридических документов англо-саксонской правовой системы способно также обеспечить адекватность перевода в сфере права, что актуализирует постановку вопроса.

Кроме того, актуальность изучения лингвопрагматической специфики современного англоязычного судебного дискурса детерминирована дидактическими целеустановками, поскольку результаты подобных

исследований способствуют оптимизации подготовки специалистов в области международного права.

Таким образом, судебное решение как многоаспектный текстовый феномен предполагает обращение к разным уровням текста как семантического единства в соответствии с избранным направлением и аспектом исследования. Интерес для нашей работы представляют научные труды российских и зарубежных ученых, прежде всего, в области лингвистики и юриспруденции.

Степень разработанности проблемы. Значительный пласт отечественных научных трудов последнего времени посвящен исследованию теоретико-методологических и технико-юридических аспектов судебного дискурса, теоретическому обоснованию судебного решения как источника права (Гурвич, 1955; Алексеев, 1966; Коваленко, 2009; Зайганова, 2008; Изварина, 1999; Евстигнеева, 2007), как типа текста (Винник, 2009), а также отдельных требований, предъявляемых к нему (Князев, 2004; Хахалева, 2005; Пономаренко, 2007). Разноаспектные особенности англосаксонского юридического дискурса исследовались также в трудах зарубежных ученых (Tiersma, 1993, 2005, 2015; Solan, 2015; Cotterill, 2002; Coulthard, Johnson, 2007).

Компаративный анализ структурных особенностей текстов судебных решений, а также влияния на них правовых и культурных традиций осуществлен в работах М.М. Лейкиной (2003), М.А. Orts (2015).

Достаточно широкое освещение в отечественной и зарубежной научной литературе получила юридическая терминология как ключевое звено языка права (Абрегова, 2005; Глинская, 2002; Хасина, 2003; Босов, 2009; Гамзатов, 2012; Tiersma, 2015; David, Davy, 1969). В работах затрагиваются также вопросы аргументации как способа речевого воздействия в юридическом дискурсе (Лукашевич, 2005; Сушенцова, 2014; Василенко, 2011; van Eenbergen, 2004), прагматические аспекты манипулирования в судебном дискурсе

(Андрющенко, 2005; Беляева, 2009; Месропян, 2014; Исхакова, 2013; Мальцева, 2011).

Особый интерес для нашей работы представляют немногочисленные исследования отечественных ученых (Шевырдяева, 2008; Винник, 2009; Лейкина, 2003; Сушенцова, 2014; Василенко, 2011), материалом для которых послужили решения судов различных уровней США и Великобритании.

Как показал анализ литературы, тексты судебных решений стран англо-саксонской правовой системы изучены в лингвистическом плане фрагментарно и, несомненно, нуждаются в дальнейшем комплексном исследовании. Специального внимания в сопоставительном плане заслуживают тексты судебных решений Верховных судов Канады и Австралии, входящих в англо-саксонскую правовую семью, что подчеркивает актуальность исследования с точки зрения лингвокультурологии и лингвоконцептологии.

Таким образом, **актуальность** предпринятого исследования текстов судебных решений, принимаемых Верховными судами англо-саксонской системы права, обусловлена научным акцентом не только на структурно-семантических, но и на коммуникативно-прагматических и культурно-специфических особенностях текстов данного типа.

Объектом исследования выступает юридический судебный дискурс, представленный текстами решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы (США, Великобритании, Австралии, Канады).

Предметом исследования являются структурно-семантические и прагматические особенности текстов решений Верховных судов в странах англо-саксонской правовой системы.

Цель исследования – выявление структурно-семантических и прагматических особенностей текстов решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы.

Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих конкретных **задач**:

- предложить и обосновать определение судебного решения как специфического жанра судебного дискурса;
- определить структурно-композиционные особенности текстов судебных решений, а также место и роль особого мнения как их архитектурного и аргументативного компонента;
- исследовать типы интертекстуальных связей в текстах судебных решений в аспекте формирования единого дискурсивного континуума;
- описать характер реализации основных принципов семантической организации текстов судебных решений, установить особенности функционирования ономастических терминов;
- определить специфику реализации категории аргументации в текстах рассматриваемых судебных решений;
- дать определение идиостиля судьбы, выделить его основные конституирующие параметры;
- дифференцировать универсальные и культурно-специфические особенности текстов судебных решений в рамках обеспечения адекватного межкультурного правового взаимодействия.

Материалом исследования послужили тексты решений Верховных судов США, Великобритании, Австралии и Канады, вынесенных за период с 1919 по 2020 гг. (всего 40 судебных решений общим объемом более 2000 страниц). Переводы контекстов, приводимых в диссертации, выполнены автором работы.

В методологическом плане настоящее исследование выполнено в рамках антропоцентрического подхода, акцентирующего внимание на речевой деятельности человека в различных коммуникативных ситуациях с учетом доказанных в современной лингвистике положений о взаимосвязи языка и мышления, языка и общества, языка и культуры.

Согласно принципу системности в ходе анализа были использованы следующие **методы**: описательный метод, заключающийся в выделении характерных для данного типа текста лингвистических особенностей;

контекстологический метод, основанный на изучении языка в узком и широком лингвистическом и юридическом контексте; дефиниционный метод, нацеленный на изучение понятий и категорий, связанных с темой исследования; компаративный метод; метод лингвостилистического анализа, позволяющий акцентировать единство языковых средств и приемов формирования знаний о закономерностях функционирования языка в различных регистрах общения.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области семантики текста: М.М. Бахтин (1986, 1996), Н.С. Болотнова (2004, 2009), В.В. Виноградов (1963, 1971), J. Cotterill (2002), а также институционального дискурса: И.С. Алексеева (2001), И.Р. Гальперин (2006), М.Н. Гордеева (2013), В.В. Дементьев (2010), Ж. Женетт (1997), С.Т. Золян (1989), В.И. Карасик (1991, 2002), Ю.Н. Караулов (2010), О.В. Косоногова, М.В. Малащенко (2014 2015), М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский (2008), С.В. Серебрякова (2007, 2018), Л.И. Хасина (2003), Т.А. Ширяева (2006), M. Coulthard, A. Johnson (2007), J. Olsson (2008).

В работе мы также опирались на труды, посвященные исследованию юридического дискурса, О.В. Барабаш (2014), И.В. Беляевой (2009), М.Г. Гамзатова (2012), Н.П. Глинской (2002, 2013), Н.Д. Голева (1999), Р.Р. Исхаковой (2013), М.В. Коноваловой (2008), О.А. Крапивкиной (2011), D. Mellinkoff (2004), L. Solan (2015), P.M. Tiersma (1993, 2005, 2006, 2015), D. Vargas (1984), а также судебного дискурса – А.С. Александрова (2000, 2003), С.В. Винника (2009), Л.Ю. Василенко (2011), Е.И. Галяшиной (2003), Л.М. Месропян (2014), Т.В. Сушенцовой (2014), Л.Н. Шевырдяевой (2008), C.L. Langford (2009), W. O'Barr (1982).

Гипотеза исследования заключается в следующем тезисе: несмотря на общность, выражающуюся в принадлежности к институциональному типу дискурса и единой правовой семье, тексты решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы обнаруживают, помимо универсальных,

также и специфические черты, детерминированные культурно-историческим базисом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Судебное решение представляет собой социально и профессионально значимый, структурно-организованный, первично-информативный, интердискурсивный письменный речевой жанр юрисдикционного подстиля официально-делового стиля, реализующий через систему взаимосвязанных категорий, а также универсальных и культурно-специфических характеристик, основную координативно-разъяснительную интенцию судопроизводства – представить законное, обоснованное и мотивированное судебное решение.

2. Визуально-пространственная сегментация и фиксированность расположения компонентов текста (ключевые слова, краткое изложение содержания решения, содержания параграфов с нумерацией, перечня источников, послуживших основанием для вынесенного решения) являются прагматически значимыми принципами организации текста судебного решения, позволяющими наиболее оптимально организовать и направить восприятие и интерпретацию информации реципиентом.

3. Интертекстуальные связи в текстах судебных решений представлены такими разновидностями, как гипертекстуальность, архитектстуальность, метатекстуальность и интекстуальность. При этом интертекстуальные включения в текстах судебных решений воплощаются в виде названий, краткого пересказа содержания и собственно цитирования: материалов дела, прецедентной базы, нормативных правовых актов различных уровней, источников доктринального толкования, правовых доктрин и максим, а также особых мнений судей.

4. Идиостиль судьи в текстах решений Верховных судов стран англосаксонской правовой системы воплощается в таком факультативном, структурно-функциональном элементе судебного решения, как особое мнение, и представляет собой систему лингвистических характеристик, уникальная

совокупность которых детерминирует индивидуально-авторский способ реализации языковой и когнитивной картины мира, в которой находят свое отражение профессиональные, социальные, доктринальные и политико-правовые взгляды конкретного судьи. К конституирующим параметрам идиостиля судьи относятся: доминирующий тип аргументации, персонифицированность повествования, диалогичность, модальность, интертекстуальность, экспрессивность и характер системной организации актуальных концептов и правовых ценностей конкретного судьи.

5. В текстах судебных решений категория аргументации реализуется посредством привлечения речевых стратегий (основных и вспомогательных) и вариативного использования соответствующих им тактик. Успешность реализации параметра мотивированности, предъявляемого к судебному решению, в значительной мере зависит от адекватного выбора стратегий и тактик речевого воздействия.

6. К универсальным характеристикам судебных решений относятся: информативность, императивность, перформативность, терминологичность, официальность, информационная емкость, логичность, структурированность, грамматическая усложненность, интертекстуальность, денотативный характер семантики единиц языка, волюнтаривная тональность, а также индуктивно-дедуктивный метод построения аргументации.

К культурно-специфическим особенностям исследуемых текстов были отнесены: характер сегментации текста решения; специфика аргументации и идиостиля судьи, детерминируемой историческими, культурными, социальными, политическими факторами правоприменительной действительности; степень и характер реализации категории диалогичности; использование национально-маркированных онимов и терминонимов, а также реализация социально-культурных концептов и ценностей.

Научная новизна работы обусловлена многоаспектным описанием речежанровой специфики текстов судебных решений как единого дискурсивного пространства, составляющего англо-саксонскую правовую

семью, определением их типологических и функционально-прагматических особенностей. Впервые произведен лингвопрагматический анализ судебных решений, вынесенных Верховными судами Канады и Австралии.

В процессе анализа установлены типологически значимые интертекстуальные связи, инновационным является определение интертекстуальной интеграции как имманентной черты, присущей такому специфическому типу текста, как судебное решение. Установлены разновидности интертекстуальных связей, описаны способы их воплощения в текстах судебных решений.

Системный характер изучения судебного дискурса Верховных судов стран англосаксонской правовой семьи позволил установить структурно-композиционные и лексико-семантические особенности текстов судебных решений, обосновать специфику функционирования онимов и терминонимов. Определена прагматическая значимость таких принципов организации текста судебного решения, как визуально-пространственная сегментация и архитектоника, позволяющих наиболее оптимально организовать и направить восприятие информации реципиентом.

Впервые установлены место, роль и прагматическая значимость особого мнения как компонента текстов судебных решений, отражающего профессиональные, социальные, доктринальные и политико-правовые взгляды конкретного судьи, описаны конституирующие его лингвокогнитивные параметры. Установлен характер реализации категории аргументации посредством привлечения основных и вспомогательных речевых стратегий и вариативного использования соответствующих им тактик.

В процессе анализа были дифференцированы универсальные и культурно-специфические особенности текстов решений Верховных судов США, Великобритании, Австралии и Канады.

Теоретическая значимость определяется вкладом, который настоящее исследование вносит в теорию дискурса, углубляя имеющиеся знания относительно функционирования институциональных дискурсов с учетом

ограничений, накладываемых сферой деятельности как на уровне структурно-композиционной специфики, так и семантики судебных актов. Результаты исследования дополняют новыми наблюдениями представление об интертекстуальности текстов судебного дискурса.

Кроме того, теоретическая значимость обусловлена широким охватом эмпирического материала – текстами судебных решений Верховных судов англо-саксонской правовой семьи (Великобритании, США, Канады, Австралии) как единого дискурсивного пространства. Материалы исследования и результаты, полученные при сопоставлении судебных решений Верховных судов разных стран, принадлежащих одной правовой системе, могут быть использованы для дальнейшей разработки теоретических основ официально-делового стиля, институционального дискурса, юридической лингвистики и терминологии, теории права, прагмалингвистики.

Практическая ценность работы видится, в первую очередь, в возможности использования ее результатов при разработке теоретических курсов по лингвокогнитивистике, лингвокультурологии, институциональному дискурсу и юридическому переводу, практических курсов английского языка для студентов юридических факультетов, а также в международной правоприменительной практике. Кроме того, результаты исследования могут найти применение и в других областях научно-практического знания, при разработке курсов по культурной антропологии, международному праву, конституционному праву зарубежных стран.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается актуальной теоретико-методологической базой, доказанными положениями на защиту, репрезентативностью и социокультурной значимостью эмпирического материала, использованием адекватных методов его многоаспектного анализа.

Апробация теоретических положений и результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационной работы регулярно обсуждались на заседаниях кафедры теории и практики перевода ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», на международных

(Ставрополь, 2017, 2019; Симферополь, 2020; Майкоп, 2021; Москва, 2021) и университетских научно-практических конференциях (Ставрополь, 2017, 2018, 2021). Всего по теме диссертации издано 13 работ, 4 из которых опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК МНиВО Российской Федерации, 1 статья – в издании, включенном в международную систему цитирования Web of Science.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы и источников материала.

Глава 1. Теоретические основания исследования юридического текста: общетекстовые параметры и специфические характеристики текста решения суда

1.1. Междисциплинарный характер исследования текстов юридического дискурса: история вопроса и современное состояние

Антропоцентрический подход, определяющий методологию современных гуманитарных наук, во многом способствовал динамичному развитию ряда междисциплинарных областей гуманитарного знания, одной из которых стало научное направление «право и язык». В отечественной науке принято считать, что данная отрасль междисциплинарных исследований возникла в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого века в Соединенных Штатах Америки (Лёзов, 1986; Барабаш, 2014; Моисеенко, 2017). Вместе с тем, проведенный в ходе исследования анализ научной литературы позволяет согласиться с точкой зрения Э.В. Будаева о том, что невозможно однозначно определить момент возникновения научного направления, поскольку «всякое научное направление формируется в течение определенного времени» (Будаев, 2017, с. 7). Данный тезис справедлив и для правовой лингвистики. Подтверждением этому служат различные факты, например, тот, что еще в 1948 г. Э.Б. Стейсеном были изданы лекции председателя Верховного суда штата Нью-Джерси А.Т. Вандербильта, объединенные названием «Men and Measures in the law» («Люди и меры в законе»), в которых автор впервые поднимает проблему лексической избыточности юридического языка, отмечая

необходимость изменить юридическую процедуру так, чтобы избавиться от потока слов, угрожающего поглотить юридическое мышление (Stason, 1948).

В 1949 г. британским юристом Ф. Филбриком была издана работа «Language and the Law. The semantics of forensic English» («Язык и право. Семантика судебного английского языка») (Philbrick, 1949), не получившая широкого признания современников, но затрагивающая вопросы судебного дискурса и его видов, а также проблемы интерпретации и аргументации в ходе судебного процесса. Известно также, что сам термин *Forensic Linguistics* был впервые употреблен швейцарским ученым, профессором Яном Свартвиком в 1968 г. в книге «The Evans statements: A case for forensic linguistics» («Показания Эванса: прецедент для судебной лингвистики») (Olsson, 2008, p. 4).

Со временем новая отрасль стала привлекать к себе все большее внимание научного сообщества в других странах мира. Так, в 1978 г. на Всемирном социологическом конгрессе в Упсале была создана рабочая группа «Язык в правоприменительной деятельности», а в 1988 г. Федеральным ведомством уголовной полиции Германии было инициировано проведение Конференции по юридической лингвистике.

Необходимо отметить, что становление рассматриваемой отрасли в науке связывают со странами англо-саксонского права, где возникли первые импульсы для взаимодействия этих двух областей. В Великобритании интерес к новому направлению возник в связи с проблемой аутентичности свидетельских показаний, в США – в связи с процессом допроса в рамках дела *Miranda v. Arizona* (1966) и разбирательствами по вопросу торговых марок по делу *Quality Inns International v. McDonald's Corp* (1988), а в Австралии – в связи с трудностями, возникающими при допросе владеющих креольским языком аборигенов, плохо понимающих «white English» (Надеина, 2019, с. 264).

В отношении истоков исследования правового языка отметим, что они неизбежно будут связаны с вопросом о сущности права, поскольку язык права

невозможно исследовать исключительно с позиции отдельных разделов лингвистики (семантики, стилистики, грамматики, теории дискурса и др.). В науке существует мнение о том, что интерес к логической и языковой стороне права исторически возник преимущественно в связи с позитивистской правовой теорией, центром которой является нормоцентричное мышление о праве, а задачей – истолкование права. При этом, если для большинства разновидностей правового позитивизма было характерно толкование правового текста и дефиниции юридических терминов, то в рамках аналитического позитивизма на первый план вышло изучение внутренней логики правового языка (Лёзов, 1986, с. 10).

Важной вехой в развитии позитивистской теории права явились работы Г. Харта, теоретика и философа права, внесшего значительный вклад в развитие юриспруденции XX в. С его работой «The Concept of Law» («Понятие права») (Hart, 1961) связывают становление аналитической теории и философии права, а также произошедший в ней «лингвистический поворот» (Оглезнев, 2012, с. 8). В свете нашего исследования важно сделать акцент на двух положениях неопозитивистской теории Г. Харта. Во-первых, обратившись к теории речевых актов Дж. Л. Остина, Г. Харт ввел в позитивистскую модель права понятие «перформативная функция языка», представляющая собой всякое изменение правового положения посредством использования языка, и привнес тем самым в исследование языка права лингвистический фактор (Харт, 2017, с. 149). Другим важнейшим выводом ученого явился открытый характер объема и содержания дефиниций юридических понятий, что приводит к заключению о возможности выбора между несколькими правовыми решениями и обосновывает, таким образом, свободу судебного усмотрения.

В отличие от аналитического позитивизма представители правового реализма мыслили язык права в виде оболочки, убрав которую можно увидеть суть права – поведение людей в определенных ситуациях. Одним из наиболее ярких представителей реалистических воззрений в праве явился

Д. Меллинкофф, рассматривавший язык права как «профессиональное аргю, предназначенное для того, чтобы скрыть подлинный механизм функционирования права» (Mellinkoff, 2004, p. 18). В связи с этим закономерен вывод о том, что в результате использования юридического языка возникает диссонанс между обыденным и профессиональным лингвоправовым сознанием, свидетельствующий об отсутствии коммуникативного равенства между членами общества. В своей работе автор, будучи неоднократно привлекаем к участию в судебных заседаниях, призывал «совмещать пресловутую “точность” юридического языка со здравым смыслом и нормами естественной речи» (цит. по: Будаев, 2017, с. 7).

Вместе с тем, очевиден тот факт, что непонимание или отсутствие понимания правового текста может иметь трагические, судьбоносные последствия для человека. Подтверждением этому служит функционирование широко известного Правила Миранды («Miranda Warnings»), возникшего в связи с решением Верховного суда США по делу *Miranda v. Arizona* (1966) в уголовном правосудии США и представляющего собой юридическое требование об уведомлении задерживаемого о его правах и получении положительного ответа об их понимании. При наличии сомнений в понимании зачитываемых прав полученная в ходе допроса информация не может считаться приемлемым доказательством.

Аналитический позитивизм и правовой реализм стали отправной точкой для возникновения социолингвистических исследований права. Основоположник данного направления У. Проберт считал право одним из видов коммуникации и предлагал концепцию права как «юридической речи» («law talk»), акцентируя тем самым внимание на его коммуникативной динамике (Probert, 1972, p. 65).

Эмпирическим исследованиям судебной коммуникации посвящена работа У. О'Барра, содержащая значительный критический потенциал. Сочетая социолингвистические методы с антропологическими, тщательно описывая речевое поведение говорящих в суде, ученый стремился доказать,

что в условиях состязательности судебное дело часто выигрывает не тот, кто прав по сути, а тот, кто искуснее применяет речевые стратегии и тактики, коррелирующие с поставленной целью (O' Barr, 1982, p. 31).

Его выводы разделяет и развивает Т. Либез-Плезнер, утверждавшая, что обвинение и защита направляют свои усилия на создание диаметрально противоположных образов происходящего (Liebes-Plesner, 1984, p. 173), а суду представляется лишь свобода выбора между ними. При этом основная задача суда – преподать обществу нравственный урок, поддержав установившуюся в нем систему ценностей. Следовательно, «суд занимается поддержанием и конструированием социальной реальности» (Лёзов, 1986, с. 50). Становясь создателем реальности *ex officio*, суд привносит в правовую ситуацию нечто новое, а именно, авторитетную и имеющую важные социальные последствия интерпретацию. Для настоящего исследования данный вывод представляет особую ценность, поскольку коллегиальное принятие решения простым большинством, а также наличие особых совпадающих и несовпадающих мнений судей Верховных судов в странах англо-саксонской системы права коррелирует с представлением исследователей о состязательном процессе как о «переговорах о том, что считать реальностью» (Лёзов, 1986, с. 51).

Исследование правовой лингвистики на современном этапе невозможно без обращения к трудам американского ученого П.М. Тиерсмэ, научному мышлению которого был свойственен фактор междисциплинарности. Его фундаментальные труды «Legal Language» («Язык права») (1999) и «Parchment, Paper, Pixels: Law and the Technologies of Communication» («Пергамент, бумага, пиксели: право и технологии коммуникации») (2010) стали знаковым событием в правовой лингвистике. В его работах исследуются сложные процессы эволюции права как общественного института, охватывающие период, начиная с развития письменности и заканчивая прогнозами относительно языка права на фоне технологических реалий современности. По мнению С.В. Власенко, ученый «доказательно

проиллюстрировал корреляцию юридического термина как знака и юридического текста как макрознака с правовым сознанием, правовой культурой и правовой традицией» (Власенко, 2015, с. 253). Именно богатый лингвистический инструментарий позволил П.М. Тиерсме проанализировать эволюцию институтов права, основополагающим маркером при этом оказалась динамика языковых форм, посредством которых объективируется комплексное правовое сознание.

Для целей нашего исследования особое значение приобретают исследования П.М. Тиерсмой судебного дискурса. В частности, в работе «The judge as a linguist» («Судья как лингвист») автор акцентирует внимание на общности профессиональной деятельности судей и лингвистов в части анализа языка, что «убедительно свидетельствует о том, что каждый может учиться у другого» (Tiersma, 1993, p. 270).

Основные направления современной зарубежной судебной лингвистики охарактеризованы в таких пособиях, как «The Routledge Handbook of Forensic Linguistics» («Раутледжский справочник по судебной лингвистике») (Coulthard, Johnson, 2010) и «The Oxford Handbook of Language and Law» («Оксфордский справочник по языку и праву») (Tiersma, Solan, 2012). К наиболее значимым зарубежным периодическим изданиям по данной проблематике можно отнести следующие журналы: «Rechtslinguistik – Studien zu Text und Kommunikation» (Германия), «International Journal for the semiotics of the law» (Нидерланды), «The international Journal of Speech, Language and the Law» (Великобритания).

В 1993 г. была создана и функционирует по сей день Международная ассоциация судебных лингвистов (IAFL), специализация которых включает такие сферы, как язык права, атрибуция авторства, проблемы использования товарных знаков, спорные признания и др. Дважды в год ассоциация проводит международные конференции и редактирует «Международный журнал по речи, языку и праву» («International Journal of Speech, Language and the Law»), ранее журнал назвался «Судебная лингвистика» («Forensic Linguistic»). Важно

подчеркнуть, что в новом названии отражено расширение как географического ареала распространения научной области, так и ее предмета.

В отечественной лингвистике язык права был выделен как обособленный предмет исследований лишь в последние десятилетия. Основоположником отечественных комплексных исследований на рубеже языка и права является Н.Д. Голев (1999), определивший в своих трудах данную область знаний как «юрислингвистика». Возникновение в отечественной науке молодой отрасли обусловлено различными факторами, среди которых можно выделить экстралингвистические, общенаучные и собственно лингвистические.

До определенного времени, как отмечает Н.Д. Голев, развитие отечественной юрислингвистики носило стихийный характер, хотя «незамечание» юридического аспекта языка все более явственно обнаруживало себя на разных уровнях, среди которых активная разработка научной области в западноевропейской и американской литературе, а также сама юриспруденция, самостоятельно разрабатывающая лингвистический аспект права (Голев, 1999). К экстралингвистическим предпосылкам возникновения юрислингвистики ученый относит социальную заявку на разработку юрислингвистических вопросов в разных областях социальной практики (там же).

Становление юрислингвистики обусловлено естественным взаимодействием языка и права, поскольку «конфликтогенность языка требует вмешательства права, язык же является единственно возможным способом существования права, стремящегося к точности, однозначности, дискретности» (Матвеева, 2004, с. 15). Объект изучения юрислингвистики может быть определен как «зона пересечения языка и права, а предметом выступают правовые явления, обладающие потенциалом конфликтогенности» (Барабаш, 2014, с. 16).

К общенаучным предпосылкам возникновения юрислингвистики, безусловно, можно отнести усиление процессов интеграции в науке. Особая

роль лингвистики в этом процессе обусловлена двумя взаимонаправленными тенденциями: расширением лингвистикой своих границ, с одной стороны, а с другой – общенаучный поворот в сторону языка. По меткому замечанию А.С. Александрова, лингвистика «стала для современных гуманитариев тем же, чем была, например, биология для интеллектуалов в XIX веке. Лингвистика – наука наук» (Александров, 2000, с. 101). Активно включаясь в этот процесс, юриспруденция начинает познавать правовые феномены с помощью языка, происходит экспансия лингвистики в правовую сферу с целью системного анализа процесса юридизации естественного языка.

Экстралингвистические предпосылки возникновения юрислингвистики усиливаются собственно лингвистическими факторами и потенциалом языка как средства коммуникации. Социолингвистика, будучи дисциплиной лингвистической, исследует в качестве одной из составляющих своего предмета юридический аспект языка. По мнению ученых, задача социолингвистики состоит в том, чтобы «вскрыть системную корреляцию языковой структуры и структуры социальной и, возможно, даже обнаружить каузальные связи в том или ином направлении» (Брайт, 1975, с. 34). Так, при исследовании юридизации конфликтных текстов юрислингвистика взаимодействует, с одной стороны, с таким разделом прикладной лингвистики, как судебное речеведение, а также с речевой конфликтологией, инвектологией, лингвистической экологией, ортологией, лексикографией, юридической конфликтологией, судебной экспертологией, криминалистикой. Юрислингвистика соприкасается с политической лингвистикой в части исследования «незаконных» инструментов языка в политике. Кроме того, она взаимодействует с целым комплексом дисциплин юридического цикла, таких как судебная лингвистика, законодательная стилистика, теория государства и права, а также с гражданским и уголовным правом и процессом. В отечественной науке на сегодняшний день исследования юридического аспекта языка и лингвистического аспекта права

представлены в таких изданиях, как «Юрислингвистика» (с 1999 г.) и «Юридическая техника» (с 2007 г.).

Специфика процесса юридизации языка детерминировала тенденцию юрислингвистики к самостоятельности (Матвеева, 2004, с. 18). Н.Д. Голев видит задачу в исследовании как юридических аспектов языка (соотношение естественного и юридического языка, закономерностей естественного языка для создания и понимания законов, проблем юридизации как насыщенности текста юридическими терминами и его клише), так и лингвистических аспектов права (язык как предмет судебной лингвистической экспертизы) (Голев, 1999).

Формирование юрислингвистики обусловлено также необходимостью решения прикладных задач. Использование лингвистических знаний в судебной практике привело к развитию многочисленных практикоориентированных дисциплин, таких как психолингвистическая экспертиза, фоноскопическая экспертиза, юридическая психолингвистика, юрислингвистическая экспертиза и др. Одной из важнейших прикладных дисциплин на данном этапе является судебное речеведение (Галяшина, 2003, с. 18), в задачи которого входят атрибуция текста, анализ текста на основании разработанных компьютерных программ: Prostyle, США (программа стилистического анализа, позволяющая выявить расхождение между двумя документами), ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС (программа В.И. Батова, позволяющая выявлять особенности речевого поведения), ВААЛ В.П. Белянина (диагностика акцентуации характера), индекс Флеша-Кинкейда (мера определения сложности восприятия текста читателем), а также научных методик (например, составление психологического портрета на основании прагмалингвистического анализа текста, а также гендерная идентификация автора текста).

Одним из наиболее эффективных лингвистических подходов к решению судебных задач, применяемых в последние годы, оказался новый метод, разработанный и внедренный М. Кулхардом для анализа текста:

сопоставление ряда аспектов исследуемого речевого произведения с системой порождающего его языка (Coulthard, 2004).

В отношении лингвистического анализа правового языка в науке выделяют следующие направления: язык закона (понимание и интерпретация законов), язык юридических процессов (язык как инструмент аргументации, в том числе при вынесении судебного решения), а также лингвистические исследования разных уровней юридического дискурса (лексико-семантический, дискурсивно-прагматический, фонетико-фонологический и др.) (Моисеенко, 2017, с. 10).

Описывая внутритекстовые связи в разных жанрах письменной юридической речи, американский антрополог Д. Варгас показывает существование двух типов юридического дискурса: нарративный (оперирующий лицами и событиями, близкий к обыденной речи, более легкий для восприятия) и дескриптивный (научнообразный, оперирующий категориями участников, находящихся в определенных состояниях и связях). При этом «лингвистические характеристики дескриптивного дискурса в значительной степени совпадают с конститутивными чертами юридического языка» (Vargas, 1984, р. 9), порождающими наибольшие трудности для восприятия. По мнению Е.А. Шейгал, дискурс является деятельностным, процессуальным, речепроизводным процессом, а текст (в нашем случае – текст судебного решения) – его продуктом, имеющим завершенную и зафиксированную форму (Шейгал, 2000, с. 19).

Американский исследователь правового языка Дж. Йовел выделил три парадигмы использования языка в судебном дискурсе – риторическую, репрезентативную и перформативную (Yovel, 2001), каждая из которых преобладала в разные исторические периоды. Так, исторически первой явилась риторическая функция, возникшая вместе с правом и существовавшая до середины Средневековья. На смену ей пришла репрезентативная функция, берущая начало в средневековой схоластике, согласно которой язык служит для именованя объектов, действий, а также для формулирования правовых

норм. В начале XX в., в свете когнитивного понимания роли языка как инструмента мышления, ее сменила перформативная модель, в которой язык приравнивается к действию: «...язык не представляет действие, он его осуществляет» (Yovel, 2001, p. 25).

В современном языкознании сложились три основных подхода к изучению дискурса. Рассмотрим судебный дискурс в свете каждого из них. В социолингвистическом ракурсе судебный дискурс, исходя из ситуации общения и статуса коммуникантов, может быть охарактеризован как статусно-ориентированный и институциональный. Институциональный дискурс представляет собой «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума», при этом ключевым признаком данного вида коммуникации становится «статусная, представительская функция человека» (Карасик, 2002, с. 195). В судебном дискурсе в качестве представителей социального института (агентов коммуникации – по В.И. Карасику) выступают, в первую очередь, судьи, а ее адресатом – граждане государства. Исходя из асимметричности статусно-ролевых позиций коммуникантов, речевые акты судебного дискурса могут быть охарактеризованы как статусно-фиксированные с нисходящим статусным вектором говорящего (директивы) (Карасик, 1991, с. 122).

С прагмалингвистических позиций судебный дискурс можно охарактеризовать как ритуальный, с присущими ему специфичной ролевой структурой, сценарностью и театральностью, которые требуют строгого соблюдения последовательности этапов и действий в ограниченном пространстве и времени. Коммуникантам предлагается набор клишированных речевых штампов и фраз в условиях сюжетно-ролевого сценария.

Когнитивный же подход позволяет перейти к моделированию структур сознания участников коммуникации через анализ концептов и фреймов дискурса, идеологем, стереотипов и метафорических моделей, лежащих в основе ориентации языковой личности. По мнению

Г.Г. Матвеевой, «текст может рассматриваться как своеобразная копия, оттиск, модель действительности, и как некоторая проекция индивидуальной языковой системы, корректируемая условиями данной коммуникативной ситуации» (Матвеева, 1984, с. 35).

Судебный дискурс, охватывающий всю совокупность текстов, создаваемых в ходе или в связи с судебным процессом, может быть определен как «деятельность судей по правовому регулированию и регламентации действительности, получающую конечное выражение в их речи, а именно создаваемых ими текстах судебных решений» (Шевырдяева, 2008, с. 21).

Особый интерес для нашей работы представляют исследования текстов решений судов различных уровней США и Великобритании, выполненные отечественными учеными Л.Н. Шевырдяевой (судебные решения Верховный суд США) (Шевырдяева, 2008), С.В. Винником (англоязычные тексты судебных решений) (Винник, 2009), М.М. Лейкиной (судебные решения судов разных уровней США) (Лейкина, 2003), Т.В. Сушенцовой (судебные решения по гражданским делам судов Шотландии, Уэльса, Англии, Северной Ирландии) (Сушенцова, 2014), Л.Ю. Василенко (судебные решения апелляционного суда седьмого судебного округа США) (Василенко, 2011).

Таким образом, критический анализ литературы показал, что формирование научной отрасли на стыке языка и права происходило в течение длительного исторического периода, уходя корнями в исследования вопросов о сущности права. Пройдя путь от позитивистской правовой теории до современных социолингвистических исследований, эта междисциплинарная область знаний окончательно оформилась в самостоятельную научную отрасль под такими «зонтичными» наименованиями, как «forensic linguistics» (в зарубежных исследованиях) и «юрислингвистика» (в отечественной науке). Интеграция разноплановых феноменов на стыке языка и права позволила по-новому осмыслить исследуемые объекты и, соответственно, получить новое теоретическое знание.

В отечественной науке формирование юрислингвистики связывают с рядом предпосылок, таких как: активная разработка научной области в западноевропейской и американской литературе, самостоятельная разработка лингвистического аспекта права в юриспруденции, социальная заявка на разработку юрислингвистических вопросов, юридизация естественного языка, необходимость решения прикладных задач в правовой сфере и др.

В настоящее время в отечественной науке принято выделять юридический аспект языка и лингвистический аспект права. При этом одним из направлений лингвистического анализа правового языка в науке является исследование различных уровней и составляющих юридического дискурса. Судебный дискурс, являющийся объектом нашего научного интереса, выступает разновидностью дискурса юридического, охватывает всю совокупность создаваемых в связи с судебным процессом текстов, получая выражение в окончательных версиях текстов судебных решений.

1.2. Типологические характеристики судебного решения как жанра официально-делового стиля

Для глубокого и всестороннего понимания природы текста судебного решения важнейшим ракурсом исследования представляется изучение его разноуровневых характеристик с точки зрения его жанровой принадлежности. Задача данного раздела – охарактеризовать основные типологические черты текста судебного решения как жанра официально-делового стиля, а также предложить собственное определение текста судебного решения.

В современной лингвистической науке функциональной разновидностью языка, обслуживающей сферу права, власти, правовых

отношений внутри государства и между государствами, является официально-деловой стиль. Витальная потребность общества в эффективном правовом регулировании и управлении обуславливает высокую социокультурную значимость официально-делового стиля как функциональной разновидности языка. Ввиду того, что судебное решение является актом органа, осуществляющего правосудие, содержащим решение правового спора по существу, а в странах англо-саксонской правовой системы – также и прецедентом, а, следовательно, источником права, становится очевидной высокая значимость данного речевого жанра в рамках профессионально-ориентированной правовой коммуникации.

В работе М.М. Бахтина, посвященной проблемам речевых жанров, указывается на отсутствие завершенной типологии речевых жанров и принципа построения такой номенклатуры: «богатство и разнообразие речевых жанров необозримо» (Бахтин, 1996, с. 159). Причина тому кроется в развертывании в науке диалектического единства противоречащих тенденций: расширительной и сужающей. Последователи расширительного подхода полагают жанровый тип системности – базовым, что, с одной стороны, делает все остальные виды речевой системности (в том числе и стиль) вторичными или даже избыточными, а с другой – приводит к размыванию понятия «речевой жанр» в целом. Одновременно с этим идея расширительного понимания данного явления приводит к неизбежности сложной дифференциации разных типов жанров. Сужающая тенденция, напротив, стремится ужесточить дефиницию речевого жанра и ограничить его от генетически схожих языковых явлений (Дементьев, 2010, с. 143).

В науке отмечается, что проблема жанровой классификации имеет очевидные аналогии с трудностями биологической таксономии и учением о таксономических категориях, базирующимся на двух основных подходах: натуралистическом и социокультурном. Натуралистический подход репрезентирован статической (классифицирующей многообразие живых организмов) и эволюционной (обнаруживающей эволюционные связи между

таксонами) вариантами таксономий (Баринава, 2012, с. 17). При этом в науке проводится параллель между канонической жанровой традицией и статической таксономией: «Существование жанров мыслится по аналогии с существованием тел» (Аверинцев, 1996, с. 194). Вместе с тем, С.С. Аверинцев указал на проблему классификации, связанную с биологическим пониманием жанра и заключающуюся в том, что «если живое существо принадлежит к одному виду, оно тем самым не может принадлежать к другому виду» (Аверинцев, 1996, с. 198). Однако определенный жанр, принадлежащий к своему виду по теме, может не быть таковым по форме. Таким образом, речь идет либо об утрате первоначальных критериев классификации, либо о невозможности создания классификации как таковой.

В социокультурной парадигме наряду с выявлением природных особенностей таксонов представлен также и деятельностный элемент. Согласно такому подходу, человек, познавая некоторые объективные явления, одновременно взаимодействует с ними и влияет на них, что, очевидно, в большей степени коррелирует с гуманитарной классификацией, а также с данными проведенного нами исследования, свидетельствующего о значительной роли судей в конструировании текстов судебных решений в странах англо-саксонской правовой системы (Суетина, 2021 а, с. 56).

В отечественной науке принята внутрителивая дифференциация официально-делового стиля, коррелирующая с трехзвенным делением государственной власти на сферы: законодательную (законодательный подстиль), осуществления правосудия (юрисдикционный подстиль) и государственного управления (административный подстиль) (Дускаева, 2011, с. 275). В рамках каждого из названных подстилей происходит дальнейшая дифференциация текстов, а именно, отнесение их к тому или иному жанру. Исходя из вышеизложенного, судебное решение как официальный правоприменительный документ, принятый по результатам судебного процесса, отвечающий обязательным требованиям законности,

обоснованности и мотивированности, является жанром юрисдикционного подстиля официально-делового стиля.

Специфика официально-делового стиля обусловлена базовым комплексом экстралингвистических стилеобразующих факторов, к которым относятся: назначение права (регулирование правоотношений в обществе), тип содержания (устанавливающие отношения правовые нормы), цели и задачи (выражение предписания государства, констатация правового статуса и др.)

В настоящее время в отечественной науке отсутствует единый подход к набору стилевых черт, характеризующих официально-деловой стиль. Так, в стилистическом энциклопедическом словаре русского языка под редакцией М.Н. Кожинной перечислены основные стилевые черты официально-делового стиля, детерминированные экстралингвистическими факторами: императивность, точность, не допускающая интолкувания, стандартизированность, неличность и связанные с ней официальность и безэмоциональность (Дускаева, 2011, с. 274). Дополняет список стилевых черт А.А. Евтюгина, причисляя к ним также стандартизированность (консервативность), точность изложения и однозначность высказываний, строгость (официальность) тона, грамматическую усложненность текста (Евтюгина, 2018, с. 57).

Помимо вышеперечисленных стилевых черт, М.М. Лейкина также указывает на преимущественно письменную форму манифестации, широкое использование терминов и клишированных лексических и синтаксических языковых средств, логичность и полноту информации (Лейкина, 2003, с. 28).

Критический анализ литературы позволяет заключить, что указанные выше стилевые черты в полной мере характерны и для текстов судебных решений. Так, информативность текста судебного решения детерминируется конструктивным принципом рассматриваемого жанра – предписывающе-долженствующим, императивным характером, предполагающим содержательно-фактуальную информацию в тексте как единственно

возможную и не допускающим имплицитную подтекстовую информацию. Принимая во внимание то, что интенция автора репрезентируется в тексте судебного решения максимально эксплицитно, речь идет о реализации признака первичной информативности (адресат легко распознает авторский замысел) (Братухина, 2012, с. 79).

Клишированность языковых средств в текстах судебного дискурса отмечает в своей работе П.М. Тиерсма, который указывает на ее взаимосвязь с исторически сложившейся ритуальностью судебного процесса (Tiersma, 2005, р. 9). Вместе с тем, принимая во внимание объект нашего исследования, предполагающий значительную степень свободы судей в выборе языковых средств, представляется правомерным согласиться с позицией О.В. Никитиной о том, что в текстах судебных решений имеет место скорее сочетание клишированности с индивидуальным авторским творчеством (идиостилем конкретного судьи) (Никитина, 2012, с. 26).

Решению задачи наиболее полного и однозначного выражения мыслей, исключения любой двусмысленности служит грамматическая усложненность текста, а именно, сложные синтаксические конструкции, отличающиеся «полнотой структур, разнообразием средств, оформляющих логические связи» (Алексеева, 2001, с. 217).

Представляется правомерным согласиться также с позицией В.А. Марковой, которая, диалектически соединяя такие противоречивые стилевые черты официально-делового стиля, как обстоятельность (полнота) и лаконичность (краткость), предлагает использовать термин «информационная емкость», трактуемую как «особенность текста, обусловленную компактным предъявлением содержания, выражением его с помощью минимального количества языковых средств для облегчения восприятия информации» (Маркова, 2018, с. 66).

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в разных правовых системах требования параметров точности и четкости могут модифицироваться, исходя из особенностей правовой системы, культурологической традиции и

сложившейся юридической практики. Так, в американской традиции в процессе составления юридического текста (*legal drafting*) юристы пользуются методическими рекомендациями по стилистике правового текста. Одним из наиболее авторитетных из них является издание Б. Гарнера, в котором прописаны рекомендации от орфографии и пунктуации до выбора наиболее подходящих стилистических приемов, при этом внимание акцентируется на ключевом принципе – развитии собственного стиля как отражения авторской индивидуальности (Garner, 2001).

В отечественной лингвистике проблема функционально-стилевой принадлежности текстов судебных решений до настоящего времени не нашла своего окончательного решения. Авторитетные исследователи в области стилистики подчеркивают отсутствие четких границ между функциональными стилями, интеграцию и взаимодействие разностилевых признаков. Так, М.Н. Кожина указывает, например, что такой специфический признак, как логичность, характеризует разные функциональные стили, в каждом из которых он актуализируется самобытно: логичность построения образа – в художественной речи, предельная строгость логичности в рассуждениях и доказательствах – в научной речи и логика «совсем иного характера (деонтическая, модальная) как по содержанию, так и по средствам и способам выражения, в том числе лингвистическим)» – в деловой речи (Кожина, 2008, с. 146).

Мы разделяем точку зрения исследователя судебного дискурса Л.Н. Шевырдяевой о сходстве стилиевых черт и функций судебных и научных текстов, что «позволяет характеризовать жанр судебного решения как в значительной степени близкий стилю научного изложения» (Шевырдяева, 2008, с. 56).

Об интегративном характере судебного дискурса свидетельствует многоаспектное исследование текстов решений Верховных судов стран англосаксонской правовой системы, подтверждающее, что судебный дискурс выступает доминантным по отношению к включенным в него элементам

научного и политического типов дискурса, что позволяет характеризовать жанр судебного решения как сложное интердискурсивное образование (Суетина, 2021 а, с. 56).

Так, общеизвестно, что целью научной литературы является исследовательский поиск, направленный на решение научной проблемы. Процесс же создания автором (судьей) текста судебного решения является поиском ответа на спорный вопрос в сфере права (правовую проблему). Следовательно, деятельность судейского корпуса по правовому анализу и осмыслению правовой проблемы может быть соотнесена с деятельностью ученых по постижению разных сторон действительности.

Однако правотворческая функция судов является не самостоятельной, а производной от других, таких как интерпретационная, апелляционная и контрольная функции (Сафонов, 2016, с. 87). Поскольку одной из основополагающих функций текстов Верховных судов, являющихся объектом нашего анализа, помимо правотворчества, является также интерпретация конституционных положений, результатом ее реализации нередко становятся научные концепции и направления, в чем, безусловно, проявляется сходство с научным дискурсом. Ярким примером развития научной концепции в рамках судопроизводства явилась теория «нового текстуализма» судьи Верховного суда США Антонина Скалиа (1936-2016), являвшегося сторонником строгого и однозначного толкования буквы закона и «непримиримым противником судейского гиперактивизма» (Петербургский, 2016, с. 5).

Другим признаком сближения судебного и научного типов дискурса является специфический лексический состав. Приоритетное место в тексте судебного решения занимает когнитивная информация, представленная преимущественно юридической терминологией, что обеспечивает тесную взаимосвязь таких стилевых черт судебного решения, как информативность и терминологичность. Лексический состав судебного решения включает в себя, в частности: общенаучные термины (*test, condition, examination, scale, presumption, analysis*); юридическую терминологию (*compensation, solicitor,*

claimant, negligence, treaty, evidence, appeal, judgment, breach of duty, loss, amendment, statute, cross-examination, precedent), в том числе термины философии права (*concept of individualized suspicion, separation-of-power principle*), а также термины (Chevron doctrine, Skidmore deference) и терминологию из других профессиональных областей: *Hand-Arm Vibration Syndrome* (мед.), *loan* (эконом.), *tax* (эконом.), *hedge* (эконом.), *investment* (банк.), *physician-assisted suicide* (мед.), *election* (полит.), *ballot* (полит.), *electors* (полит.).

Для научного изложения характерна высокая степень номинализации, свойственная научному мышлению, проявляющаяся также и в судебном дискурсе. При этом достаточно велика доля абстрактных, отвлеченных категорий (*fairness, welfare, will, chaos, tension*).

Еще одной стилевой чертой, сближающей научный и судебный типы дискурса, является высокий уровень структурированности текстов с точки зрения композиционной организации. Тексты судебных решений характеризуются членением на самостоятельные компоненты, что обусловлено задачами их стандартизации и унификации. При этом традиционная композиция любого судебного решения имеет трехчастную структуру (вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная части), обеспечивающую связность и логичность суждений, что также сближает его с научным стилем изложения в его основных текстовых реализациях.

Мы разделяем точку зрения Л.Н. Шевырдяевой, отмечающей, что текстам судебных решений присущи и другие свойства, традиционно относящиеся к научному дискурсу, такие как диалогичность и интертекстуальность (Шевырдяева, 2008, с. 60).

Учитывая социокультурную динамику судебного дискурса, отметим, что письменному судебному решению исторически предшествовала устная речь судей, содержащая не только само решение, но и развернутую аргументацию, обоснование. Таким образом, именно устная публичная речь явилась прототипом современных текстов решений судов, в которых она присутствует

в настоящее время в виде разнообразных средств выражения диалогичности (вопросительные предложения, в том числе риторические, вопросно-ответный комплекс, пересказ чужой речи, ссылки в виде прямой цитации, императивы как обращения к адресату, сближение планов автора и читателя и др.) (Кожина, 1987, с. 79).

Принимая во внимание тот факт, что в странах англо-саксонской системы права судьи Верховных судов являются публичными фигурами, а вынесенные ими судебные решения приобретают силу закона, очевидно высокое предназначение суда в системе государственного управления. Поскольку судебные решения по резонансным делам освещаются прессой, судьи имеют возможность использовать вынесенные решения, равно как и особые мнения, для влияния на общественное мнение, пропаганды собственных взглядов, идей, ценностей, что делает судебный дискурс прагматически еще более сложным образованием. Точное знание адресата, по мнению Т.А. Ширяевой, позволяет адресанту «говорить на “одном языке” с читателем, информируя и влияя на его восприятие» (Ширяева, 2006, с. 75).

Категория диалогичности реализуется в текстах судебных решений посредством императивов, оценочных и образных средств, призванных сбить план автора и план читателя, профессионализмов, разговорной лексики, восклицательных предложений, восклицательных знаков или курсива как способа интонационно выделить в тексте значимую информацию, имитируя устную речь.

Первостепенную важность в процессе исследования диалогичности приобретает категория интертекстуальности. Феномен интертекстуальности представляет собой присущее текстовой и дискурсивной реальности универсальное свойство, сущность которого заключается «в способности текстов ссылаться друг на друга, заимствуя содержательные и формальные элементы, принадлежащие другим текстам» (Коновалова, 2008, с. 6). Очевидно также, что интертекстуальные включения являются одним из базовых средств, обеспечивающих воплощение основной интенции судебного

дискурса – обоснование правильности избранной позиции и «изменение ментальной картины адресата» (Исхакова, 2013, с. 17).

Важно отметить значительное усиление экспрессивности, характерное для текстов судебных решений по делам, имеющим широкий общественный резонанс в связи с их политической подоплекой, что, безусловно, в данном контексте, сближает судебный дискурс с медийно-политическим, наделяя его высоким прагматическим потенциалом. Судьи активизируют образное восприятие читателей путем использования имитации интонационного выделения элементов текста (курсив), вопросных комплексов, прямых императивных обращений, оценочной лексики, эпитетов, метафор (Суетина, 2021 а, с. 57).

Таким образом, текст судебного решения представляет собой комплексное интердискурсивное образование, сочетающее в себе доминирующие черты судебного дискурса, а также признаки научного и медийно-политического дискурса.

Другим важным ракурсом исследования судебного решения как жанра официально-делового функционального стиля является акцент на реализации его текстовых категорий. Как высшая коммуникативная единица судебное решение представляет собой систему взаимосвязанных категорий, под которыми понимаются свойства, ключевые признаки текста, имеющие типизированный и универсальный характер. Проведенное на примере решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы исследование свидетельствует о ярко выраженном характере реализации в текстах судебных решений таких базовых текстовых категорий, как связность, информативность, членимость, ретроспекция и модальность (Суетина, 2020, с. 170).

Так, по мнению О.Н. Копытова, неотъемлемым элементом целостности, являющейся «признаком и главным требованием текста» (Копытов, 2012, с. 28), выступает текстовая категория связности. На тесную взаимосвязь этих двух категорий указывает также М.Н. Гордеева, подчеркивая, что в связности,

являющейся ядром целостности, последняя получает материальное выражение. Целостность представляет собой свойство результата восприятия текста, а связность, в свою очередь, позволяет достичь этого свойства (Гордеева, 2012, с. 128). С учетом объекта нашего изучения важно подчеркнуть, что «цельность текста в определенном жанре обеспечивают композиция и стиль» (Копытов, 2012, с. 28).

В своем исследовании М.Н. Гордеева указывает на существование микрополей лексической и грамматической когезии, что обусловлено выполнением языковыми средствами связующей функции (Гордеева, 2012, с. 129). Опираясь на указанную классификацию, подробнее остановимся на релевантности для текста судебного решения каждого из названных видов связности.

Связность на лексическом уровне может проявлять себя разными способами, первый из которых – это явление повторной номинации, характерное для официально-деловой речи. Важно обратить внимание на то, что повтор является «востребованным средством лексической связанности в официально-деловой документации», обеспечивающим «создание предельной ясности», «предельное понимание при прочтении текста» (Гордеева, 2012, с. 130). К числу повторов относится и прономинальная референция, где местоимения выполняют дейктическую функцию.

Исследователи отмечают, что помимо лексического повтора идентичность также может обеспечиваться синонимией, что, на наш взгляд, в текстах официально-делового стиля недопустимо, поскольку синонимия наполняет речь различными смысловыми оттенками, что идет вразрез с выполнением задачи достижения предельной точности в текстах, содержащих правовую квалификацию, носящую неизбежный и общесистемный характер (Катышев, 2018, с. 25).

Еще одним значимым типом связности является инклюзивность, сущность которой заключается в соотношении понятий, различающихся по объему (Гордеева, 2012, с. 132). Связанность тексту придают также такие

вводные слова, как *however, therefore, nonetheless, in conclusion* и др. Логическими средствами когезии выступают различные формы перечислений (Гальперин, 2006, с. 78), как, например, членение текста на разделы, разделов – на абзацы, которые в свою очередь могут быть пронумерованы.

Еще одной базовой текстовой категорией является информативность, которая «подразумевает отражение в тексте степени/меры ожидаемости, предъявляемых адресату смысловых образований» (Жаббарова, 2011, с. 761). В науке указывается на наличие в юридических текстах когнитивной информации, которую несут в первую очередь юридические термины, способные обеспечить «интерпретационно значимое единство когнитивного опыта» (Серебрякова, 2018, с. 139): *judgment, respondent, appellant, claimant, cross-examination, witness, evidence, causation, professional negligence* и другие. Кроме того, данному типу текста свойственно наличие оперативной информации, имеющей предписывающий характер, которая в тексте судебного решения объективируется в резолютивной части.

Прагматически значимой текстовой категорией является членимость, связанная с композиционной и логической организацией текста судебного решения, в котором она реализуется в максимально полном объеме в рамках традиционной трехчастной структуры (вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная части).

Функционально значимыми текстовыми категориями, имеющими специфическое воплощение в текстах судебных решений, являются проспекция и ретроспекция. Ретроспекция характеризуется И.Р. Гальпериным как грамматическая текстовая категория, консолидирующая языковые формы, отсылающие к предшествующей сущностной фактической информации (Гальперин, 2006, с. 106). В научной литературе указывается также на такие функции ретроспекции, как сообщение, восстановление, актуализация, переосмысление событий, произошедших в прошлом. На основании изложенного необходимо отметить тесную взаимосвязь ретроспекции с когезией.

Для текстов судебных решений текстовая категория ретроспекции является, очевидно, наиболее значимой по ряду причин. В первую очередь, значительная часть текста судебного решения представляет собой описание фактической стороны дела, которая, по сути, содержит события прошлого, послужившие поводом для судебного процесса.

Совершенно очевидно, что текст любого судебного решения несостоятелен при отсутствии цитирования нормативно-правовой базы, в связи с чем согласимся с мнением И.Р. Гальперина о том, что цитата, «не претендуя на сообщение новой информации, отсылает читателя к уже известному с целью развить мысль, подкрепить свою мысль, выразить несогласие и т.д.» (Гальперин, 2006, с. 110). Таким образом, цитирование нормативно-правовых актов является еще одной прагматически значимой формой реализации ретроспекции в тексте судебного решения.

В текстах судебных решений также отмечена реализация категории модальности, подчеркивающей отношение автора текста к предмету сообщения. В рамках текстоцентрической концепции в науке выделяют интерсубъективную, субъективно-оценочную и референтивную модальность (Братухина, 2012, с. 80).

Интерсубъективная модальность в тексте судебного решения находит отражение в деонтической, эпистемической и аксиологической составляющих (Братухина, 2012, с. 80). Ведущим, при этом, является деонтический компонент, поскольку главной целью рассматриваемого документа является вынесение решения по существу дела. Проведенный анализ свидетельствует также о наличии в тексте аксиологической составляющей модальности, поскольку все действия участников процесса оцениваются с точки зрения прецедентного права, являющегося основным источником права в странах англо-саксонской правовой системы, о чем свидетельствуют многочисленные отсылки к текстам вынесенных ранее судебных решений.

В отношении субъективно-оценочной модальности необходимо отметить, что для судьи как автора данного речевого произведения характерна

убежденность в собственной аргументации при вынесении судебного решения, о чем свидетельствует использование таких выражений, как *clearly, more importantly, unnecessary, sufficient, undoubtedly, appeal should be allowed* и др.

Референтивная же модальность судебного решения находит выражение в достоверном и полном соответствии содержания текста фиксируемым фактам и событиям реальности, что является обязательным признаком его законности.

Таким образом, критический анализ научной литературы позволяет выделить основные типологические признаки судебного решения как жанра официально-делового стиля, а именно: письменная форма, информативность, официальность, императивность, перформативность, логичность, безэмоциональность, точность изложения и однозначность высказываний, терминологичность, высокая степень номинализации, стандартизированность, неличностность, клишированность лексических и синтаксических языковых средств, информационная емкость (как диалектическое сочетание точности и избыточности), интердискурсивность, диалогичность, интертекстуальность.

В заключение отметим, что судебное решение представляет собой социально и профессионально значимый, структурно-организованный, первично-информативный, интердискурсивный, письменный речевой жанр юрисдикционного подстиля официально-делового стиля, реализующий через систему взаимосвязанных категорий, а также универсальных и культурно-специфических черт, основную координативно-разъяснительную интенцию судопроизводства – представить законное, обоснованное и мотивированное судебное решение.

1.3. Функциональные особенности текстов судебных решений в странах англо-саксонской правовой системы

Принимая во внимание различающиеся исторические условия создания и функционирования Верховных судов, являющихся источниками рассматриваемых нами текстов, полагаем необходимым предварить исследование специфики функционального потенциала текстов судебных решений анализом особенностей юрисдикции Верховных судов Великобритании, США, Канады и Австралии как характерных представителей англо-саксонской правовой системы (Ручкина, 2018, с. 23). Раскрытие функциональных особенностей рассматриваемых судебных решений позволит обосновать детерминированность данными особенностями их структурно-семантических и прагматических характеристик.

Создание современного Верховного суда Великобритании (UKSC), начавшего функционирование в 2009 г., закреплено статьей 23 Акта о Конституционной реформе 2005 г. (далее – Акт). Важно отметить, что Верховный суд Великобритании полностью заменил собой Апелляционный комитет Палаты лордов (UKHL), а также получил некоторые полномочия Судебного комитета Тайного совета.

Согласно положениям Акта, Верховный суд является последней апелляционной инстанцией Великобритании по гражданским и уголовным делам из Англии, Уэльса и Северной Ирландии, а также по разрешению апелляционных жалоб только по гражданским делам из судов Шотландии. Судом слушаются дела, имеющие большую конституционную или социальную важность, решение которых затрагивает все население государства. Под юрисдикцию суда попадают апелляции по вопросам защиты прав человека, семейного, коммерческого права, иски против государственных структур о судебном пересмотре. В исключительных случаях суд

рассматривает апелляции по уголовным делам из Высокого суда юстиции (апелляционный суд по уголовным делам в Шотландии) в отношении «вопросов передачи полномочий». Важным полномочием Верховного суда становятся также «devolution matters» – дела, связанные с разрешением конфликтов компетенций между центральной и региональной властями (Иванова, 2006, с. 123).

Если юрисдикция Верховного суда Великобритании представлена достаточно четко и лаконично, то в отношении Верховного суда США в научной литературе отмечается, что «ни один другой суд не обладает такой широтой полномочий и такими возможностями принимать активное участие в жизни государства, как Верховный суд США» (Севостьянова, 2013, с. 156). Верховный суд США (USSC) выступает как кассационная инстанция, однако в ряде случаев (например, касающихся дипломатических работников) он может выступать и судом первой инстанции. Его реформаторская роль и активное правотворчество в сфере государственной политики и управления обусловлены исторически и «олицетворяют собой теснейшее переплетение права и политики» (Севостьянова, 2013, с. 160). Помимо функции властного средства, направленного на поддержание порядка, Верховный суд США выполняет функцию толкователя Конституции, принимает решения о конституционности законодательных актов Конгресса, правительственных органов и штатов, он также вправе приостанавливать действие законов или административных актов, признанных неконституционными. Сама конституционная модель США, по мнению американского правоведа П. Уолла, предполагает «расщепление национального правительства, создает вакуум власти, который часто использует Верховный суд для того, чтобы выносить решения по главным вопросам публичной политики и тем самым создавать политику» (Woll, 1981, p. 100). Под юрисдикцию Верховного суда США подпадают дела о разрешении споров между самостоятельными составными частями государства, о преступлениях высших должностных лиц,

дела, касающиеся дипломатических представителей, споры между государствами и др.

В отношении Верховного суда Канады (SCC) необходимо отметить, что учрежденный Актом парламента Канады в 1875 г. он имел общую апелляционную юрисдикцию в отношении гражданских, уголовных и конституционных дел, однако в строгом смысле слова он долгое время не был «Верховным», поскольку статус конечной апелляционной инстанции принадлежал Судебному комитету Тайного совета Великобритании (в переходный от империи к Содружеству период), а «источник полномочий судов находился не в самой конституции (как в случае Верховного суда (ВС) США), а в традициях общего права и права справедливости Англии» (Мазуркова, 2017, с. 144). Апелляции в Судебный комитет были окончательно упразднены только в 1949 г., и с тех пор Верховному суду Канады принадлежит важнейшая в федеративной системе роль высшей апелляционной инстанции и независимого арбитра по вопросам федерально-провинциальной юрисдикции.

Верховный суд Австралии (HCA) учрежден Конституцией Австралии 1901 г. Юрисдикция суда описана в Конституции и включает в себя: апелляционное производство и рассмотрение дел по первой инстанции, судебный контроль за актами федерального парламента и парламента штатов и территорий, а также вопросы, затрагивающие применение и толкование Конституции, вопросы о признании положений нормативных актов неконституционными (Конституция Австралии, 1901).

Таким образом, в самом общем плане можно заключить, что компетенция рассмотренных судов включает в себя высшее апелляционное или кассационное производство, в некоторых случаях – решение правовых споров по первой инстанции, вопросов признания конституционными/неконституционными нормативных актов, разрешения правовых споров между федеральными и региональными властями, а также вопросов толкования и применения конституций.

При всем многообразии видов и форм вербальной коммуникации элементарная триада «автор-текст-реципиент» является необходимым и единственным условием самого ее существования. Полноценный коммуникативный акт в отсутствие хотя бы одного из элементов данной цепочки невозможен. Универсальным средством, обеспечивающим функционирование конкретной коммуникативной системы, выступает при этом текст. Поскольку в разных ситуациях для реализации коммуникативной интенции используются разнообразные языковые средства, исследование коммуникативного акта необходимо осуществлять при этом с учетом выполняемых им функций. Указанное в полной мере относится и к текстам судебных решений, для выделения сущностных функций которых необходимо определить их коммуникативные задачи.

Переходя непосредственно к анализу функционального потенциала текстов судебных решений, отметим, что в самом общем плане текст судебного решения выполняет функцию правового регулирования взаимодействия людей, организаций и государств в разных областях общественной жизни. Как коммуникативному инструменту судебному решению присуще выполнение таких базовых функций, как информационная (сообщение объективной информации о предметах, процессах, явлениях и их свойствах) и прагматическая (передача коммуникативной установки, определяющей характер влияния на коммуниканта и его адекватную реакцию). В данном контексте задача адресанта может быть определена как «введение в текст в процессе его порождения гипотетической программы, которая определяет его функционирование как единства» (Конецкая, 1997, с. 44).

Разделяя точку зрения С.В. Винника, отметим существование трех текстовых функций речевой коммуникации: социальной (организация социального взаимодействия), системной (организация акта речевой коммуникации) и регулятивной (управление коммуникативной деятельностью реципиента) (Винник, 2009, с. 88).

Проиллюстрируем характер реализации указанных функций на примере судебного решения Верховного суда Австралии по делу *Bell Lawyers Pty Ltd v Pentelow* (2019).

As a general rule, a self-represented litigant may not obtain any recompense for the value of his or her time spent in litigation. Under an exception to the general rule, a self-represented litigant who happens to be a solicitor may recover his or her professional costs of acting in the litigation. This exception is commonly referred to as «the Chorley exception», having been authoritatively established as a «rule of practice» by the Court of Appeal of England and Wales in London Scottish Benefit Society v Chorley (Bell Lawyers Pty Ltd v Pentelow, HCA, 2019). – По общему правилу, сторона, представляющая себя в судебном процессе, не может получить никакой материальной компенсации за время, потраченное на судебный процесс. В соответствии с исключением из общего правила, сторона, представляющая себя в судебном процессе и являющаяся адвокатом, может возместить свои профессиональные расходы, связанные с участием в судебном разбирательстве. Это исключение обычно называют «исключением Чорли», которое было властно установлено в качестве «правила практики» Апелляционным судом Англии и Уэльса в London Scottish Benefit Society v Chorley.

В приведенном фрагменте решения суда функция организации социального взаимодействия реализуется посредством согласования представлений участников процесса о правовой дефиниции, вокруг которой будет построен судебный процесс. Далее читаем:

One issue raised by this appeal is whether the Chorley exception operates to the benefit of barristers who represent themselves. Another, more fundamental, issue is whether the Chorley exception should be recognised as part of the common law of Australia (Bell Lawyers Pty Ltd v Pentelow, HCA, 2019). – Один из вопросов, поднятых в настоящей апелляции, заключается в том, действует ли «исключение Чорли» в интересах адвокатов, которые представляют

сами себя. Другой, более фундаментальный вопрос заключается в том, следует ли признавать «исключение Чорли» частью общего права Австралии.

В рамках рассматриваемого коммуникативного акта системная функция реализуется посредством изложения Верховным судом обстоятельств дела, позволяющих структурно и содержательно связать деятельность адресанта и адресата, придавая тем самым данному акту речевой коммуникации системный характер.

Реализацию же регулятивной функция текста решения можно проиллюстрировать на примере фрагмента резолютивной части рассматриваемого решения:

The Chorley exception is not part of the common law of Australia (Bell Lawyers Pty Ltd v Pentelow, HCA, 2019). – ***Исключение Чорли не является частью общего права Австралии.***

В данном фрагменте текста судебного решения одна сторона коммуникативного акта (суд) передает другой стороне (заявителю) сообщение с целью оказания воздействия, изменения когнитивной базы реципиента при смысловом восприятии с целью дальнейших изменений в сфере внешних действий.

Следовательно, можно утверждать, что текст судебного решения является неотъемлемым элементом трехчастной системы коммуникации, в которой «первичная коммуникативная деятельность одной стороны в коммуникации, текст судебного решения и вторичная коммуникативная деятельность другой стороны в коммуникации – представляют собой единство, скрепленное одним общесистемным отношением» (Винник, 2009, с. 89).

Освещая функциональный потенциал текстов судебных решений в странах англо-саксонского права, важно обратиться к истории института судебного прецедента. Необходимо отметить, что вопрос о времени и условиях его возникновения до настоящего времени остается дискуссионным, в отличие от того достоверно известного факта, что судебное правотворчество

в этих странах существовало долгое время вне рамок обязательной письменной формы. Если записи в рамках судебного процесса и производились, то не самими судьями, а людьми, присутствующими в зале суда (чаще всего учениками, студентами юридических школ).

Очевидно, что с течением времени общее право становилось все более сложным, корпус судебных решений – все более громоздким, и даже опытные юристы и судьи стали нуждаться в письменных записях (отчетах) о решенных делах. Собrania таких отчетов, носившие название «Ежегодники» («Year Books»), функционировали с конца XIII в. Так, П.М. Тиерсма пишет: «Записи, даже если и не существенные, обеспечивали веские доказательства вынесенного судьями по более раннему делу решения» (Tiersma, 2006, p. 1188). Таким образом, можно говорить о выполнении прецедентами с самого момента их возникновения такой важнейшей функции, как доказательство вынесения решения.

Несмотря на то, что изначально ежегодники служили преимущественно образовательным целям, судьи, тем не менее, периодически обращались к ним в случаях, когда на их взгляд предыдущее решение могло подкрепить аргументацию по рассматриваемому ими делу. Таким образом, нововведение, первоначально служившее целям просвещения, постепенно превратилось, в определенной степени, в источник права, хотя, безусловно, в те времена речь еще не шла о цитировании прецедентов по названиям, как в наши дни. Об этом феномене исследователь П.М. Тиерсма пишет: «Судьи во второй половине пятнадцатого века начали осознавать идею прецедента или *stare decisis* – таким образом, что однажды решенный правовой спор должен решаться таким же образом в будущих делах, в которых встает тот же самый вопрос» (Tiersma, 2006, p. 1199). Следовательно, можно говорить о зарождении в этот период (XV-XVI вв.) системы прецедентного права как функционально значимого компонента судебного дискурса.

Поскольку первые записи судебных заседаний производились преимущественно студентами юридических школ, они были весьма

неточными, и судьи опирались на них вынужденно и неохотно. С изобретением книгопечатания записи судебных процессов получили широкое распространение, стали доступными и удобными в обращении, что способствовало их дальнейшему активному использованию (цитированию) юристами и судьями. К середине XVI в. записи судебных процессов становятся все более достоверными в связи с тем, что их начинают вести выдающиеся юристы, в числе которых Эдмунд Плауден (Edmund Plowden), Джеймс Дайер (James Dyer) и Эдвард Коук (Edward Coke). Записи Э. Коука, изданные в самом начале XVII в., высоко ценились современниками, поскольку «через них он пытался привнести в право порядок и логику, <...> относясь к судьям как к “говорящему закону”» (Tiersma, 2006, p. 1200).

К XVIII-XIX вв. качество записей судебных заседаний по-прежнему оставалось проблемой, любая запись могла быть опровергнута более точной или даже более четкими воспоминаниями сторон. Сложность добавлял и тот фактор, что при принятии решений свое мнение по сути рассматриваемого спора высказывали сразу несколько судей. Очевидно, что общее право того времени, хотя и все чаще находило отражение в письменных документах, тем не менее, оставалось в значительной степени «неписанным» и, как следствие, оставалось концептуально отличным от статутного.

Опора на прецеденты в качестве аргументации еще долго оставалась проблематичной, до тех пор, пока в середине XIX в. в этом направлении не был предпринят ряд шагов, а именно: назначение уполномоченных или официальных лиц, ответственных за подготовку отчетов, создание в 1865 г. английской коллегией адвокатов своей собственной системы отчетности, которой управлял Объединенный юридический совет по отчетности (*Incorporated Council of Law Reporting*), а также выпущенная этим обществом собственная серия отчетов, которые стали рассматриваться как полуофициальные, но они подлежали цитации в суде. При этом пространство,

отведенное аргументации при принятии решения, все более сокращалось, уступая место решениям или мнениям судей.

В 80-х гг. прошлого века Г. Калабрези писал о «статуторизации» права (Calabresi, 1982, p. 1), прогнозируя, что суды в будущем возьмут на себя функцию оптимизации устаревших законов, однако, его прогнозам не суждено было сбыться, поскольку «вместо того, чтобы рассматривать статуты в качестве общего права, суды начинают расценивать общее право как законодательство» (Tiersma, 2006, p. 1188). Письменная форма становится предпосылкой «генерализующего комментария, в котором формируются универсальные правила и принципы» (Бурдые, 2005, с. 111), создавая для профессиональных участников дискурса требование о пристальном чтении ранних юридических текстов (Solan, 2015, p. 193). Это означало, что в сознании реципиентов меняется восприятие этих текстов, возникает понимание их важности, необходимости их цитирования. Таким образом, прецеденты приобретают статус основного источника права, что определяет их базовую фундаментальную функцию.

Несмотря на каноничность правовой сферы, мы разделяем точку зрения исследователей о динамическом характере англо-саксонского судебного дискурса как одной из ключевых его характеристик (Аринова, 2020, с. 464, Tiersma, 2006, p. 1189). Судебный дискурс в странах англо-саксонской системы права ярко демонстрирует не только буквализм юридической процедуры, но и ее существование как вида социальной практики, отражающей веяние времени. Следовательно, изучение судебного профессионального дискурса невозможно без рассмотрения порождающей его общественной жизни, социально-политических условий его бытования.

Проиллюстрируем данный тезис на примерах. В связи с большим общественным резонансом, вызванным появлением и использованием ДНК и РНК вакцин (Горяев, 2019, с. 72), способных, по мнению некоторых лиц, влиять на геном человека, актуальность приобретает решение Верховного суда США по делу *Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics (2013)*. По

результатам рассмотрения дела суд лишил компанию Myriad Genetics патентов на обнаруженные и изолированные гены «BRCA1» и «BRCA2». Суд, аргументированно изложив свою позицию, постановил, что природная человеческая ДНК, в отличие от ее комплементарных копий, не может быть запатентована. Тем самым суд, выражая мнение по данному вопросу, оказывает влияние на отношение общественности к данному явлению.

В свете данного замечания, а также принимая во внимание тот факт, что в конкретных типах текстов на основе общеязыковых функций развиваются также и стилистико-речевые функции, полагаем важным проиллюстрировать выполнение текстами судебных решений некоторых из них (Данилевская, 2011, с. 402), а именно:

1) функция ценностной ориентации:

Products of nature are not created, and «manifestations . . . of nature [are] free to all men and reserved exclusively to none» (Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, USSC, 2013). – *Продукты природы не создаются, и «проявления... природы [являются] бесплатными для всех людей и ни для кого специально не резервируются».*

В приведенном примере внимание акцентируется на уникальности природных явлений, что, с одной стороны, является элементом аргументации принятого решения, поскольку коррелирует с представлениями о нравственности, с другой стороны, еще раз подчеркивает и ориентирует социум на безусловную ценность природных явлений.

2) функция констатации:

For the reasons that follow, we hold that a naturally occurring DNA segment is a product of nature and not patent eligible merely because it has been isolated... (Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, USSC, 2013). – *По следующим причинам мы считаем, что встречающийся в природе сегмент ДНК является продуктом природы и не подлежит патентованию только потому, что он был выделен....*

В данном фрагменте суд по результатам правовой оценки событий, являющихся предметом разбирательства, констатирует невозможность патентования как самой ДНК, так и ее элементов.

3) функция предписания:

The appeal should be allowed (Bell Lawyers Pty Ltd v Pentelow, HCA, 2019). – *Апелляция должна быть удовлетворена.*

Императивная тональность является необходимым условием резолютивной части судебных решений, в которой воплощается государственное волеизъявление.

4) инструктивная функция:

Orders 1 to 4 of the Court of Appeal of the Supreme Court of New South Wales should be set aside. In their place it should be ordered that the summons for judicial review be dismissed and the first respondent pay the appellant's costs in the District Court and the Court of Appeal. The first respondent should pay the appellant's costs of the appeal to this Court (Bell Lawyers Pty Ltd v Pentelow, HCA, 2019). – *Постановления 1-4 Апелляционного суда Верховного суда Нового Южного Уэльса должны быть отменены. Вместо них следует распорядиться, чтобы повестка о судебном пересмотре была отклонена, а первый ответчик оплатил расходы заявителя в Окружном суде и Апелляционном суде. Первый ответчик должен оплатить расходы заявителя по подаче апелляции в этот суд.*

Реализация инструктивной функции в тексте судебного решения позволяет «развернуть» предписание и обеспечить тем самым прозрачность и конкретность порядка воплощения предписанного.

5) функция воздействия (экспрессивная) коррелирует с категорией аргументации, реализующейся в текстах судебных решений посредством речевых стратегий и тактик (Суетина, Серебрякова, 2021, с. 71):

While the decision will of course have a direct effect on President Trump, what the Court holds today will also affect all future Presidents - which is to say, it will affect the Presidency, and that is a matter of great and lasting importance to

the Nation (Trump v. Vance, USSC, 2020). – *Хотя это решение, конечно, окажет прямое влияние на президента Трампа, сегодняшнее решение суда также повлияет и на всех будущих президентов, то есть, повлияет на институт Президентства в целом, и это вопрос большой и непреходящей важности для нации.*

Приведенный пример убедительно свидетельствует о корреляции речевых средств, реализующих функцию воздействия (экспрессивную), с категорией аргументации.

Другим примером, демонстрирующим динамичность судебного дискурса и его детерминированность социальной практикой, может являться решение Верховного суда Великобритании по делу *The Financial Conduct Authority (Appellant) v Arch Insurance (UK) Ltd and others (Respondents) (2021)*, вынесенное в пользу страхователей, которым ранее было отказано в покрытии убытков, связанных с Covid-19, и отклонившее все апелляции, поданные страховщиками. Данное решение суда демонстрирует также взаимообусловленность социальной жизни и судебного производства.

Гибкость и динамичность англо-саксонского судебного дискурса находит свое выражение в судейской свободе усмотрения, позволяющей судьям высказывать свое мнение относительно вопросов права, что гарантирует индивидуальный подход, уникальность и профессиональную правовую оценку рассматриваемого кейса, свидетельствуя о реализации оценочной функции.

Оценочность делового текста, по мнению А.В. Литвинова, обусловлена тем, что «система права, воспринимаемая как определенное принуждение со стороны государства, должна иметь обязательное моральное оправдание» (Литвинов, 2014, с. 261). Именно лежащие в основе права общепринятые нравственные нормы, могут убедить адресата в справедливости такого принуждения.

С другой стороны, детерминированность судебного дискурса социальной практикой обеспечивает недискретность, целостность и

преимущество англо-саксонской системы права, в которой тесно переплетаются нормы права и заключения судей по ранее вынесенным делам.

Вместе с тем необходимо отметить, что, обращаясь к ранее вынесенному судебному решению, участники процесса помещают актуальные факты или ситуации в ранее сложившийся контекст, получая возможность адаптировать его к текущим условиям. Таким образом, одной из важнейших функций судебного прецедента, на наш взгляд, является функция актуализации ранее сформулированного обращения к новой данности. При этом Б.Н. Аринова отмечает, что средствами, символизирующими актуализацию, являются термины и особенности синтаксиса, служащие «знаками отличия» (Аринова, 2020, с. 466). Из данной функции естественным образом вытекает функция обеспечения гибкости правовой системы. «В значительной степени гибкость общего права проистекала из того факта, что судьи не вводили в действие правила и принципы так, как законодательный орган вводил правила поведения в законодательных актах. Поэтому текстуальный способ толкования законодательства, предполагающий внимательное прочтение текста, был признан неуместным для понимания общего права. Вместо этого принципы общего права должны были быть выведены с помощью юридических аргументов из судебных заключений» (Tiersma, 2006, p. 1189).

Изучение современного англо-саксонского судебного дискурса невозможно без понимания феномена текстуализации. Авторитетный американский исследователь в области языка права П.М. Тиерсма, исследуя историю развития англо-саксонской правовой системы, говорит об изначальном делении законодательства на *lex scripta* (имеющее письменную форму) и *lex non scripta* (прецедентное, не имеющее таковой). Решения традиционно оглашались судьями устно, со скамьи, и на протяжении длительного периода времени в профессиональном сообществе считалось, что они «превосходят» письменные законы. В современном мире представление об общем праве как о неписанном, кажется, как минимум, анахронизмом, вместе с тем, даже в настоящее время судебные решения не обязательно

должны быть записаны, чтобы получить силу прецедента. По мере становления и развития права устная традиция уступила место более формальной письменной фиксации, а сам процесс перехода к письменной форме получил название текстуализации (*textualization*) (Tiersma, 2006).

Текстуализация прецедента имеет несколько важнейших следствий. К ним, в первую очередь, относится то обстоятельство, что «текстуализированный» прецедент становится более прозрачным для восприятия и, следовательно, менее уязвимым для манипуляций. Он привносит значительную долю интерпретационных ограничений для тех, кто его применяет, и может быть изменен только в результате отмены, которая представляет собой очень сложный процесс. Следовательно, с функциональной точки зрения текстуализированный прецедент позволяет избежать попыток манипуляций в правовой сфере.

Развивая идею П. Тиерсмы, исследователь Л. Солан пишет, что другим примером текстуализации можно считать процесс толкования и анализа юридических текстов судьями в ходе судебного процесса (Solan, 2015, p. 200). Следовательно, судебные прецеденты дополнительно наделяются функциями толкования, уточнения, анализа и комментирования дефиниций и связанных с ними утверждений.

В качестве примера осуществления анализа и комментирования дефиниций можно привести судебный процесс в Верховном суде Канады по делу *MacDonald v. Canada (2020)*, в рамках которого рассматривался вопрос о том, является ли анализируемый деривативный договор хеджированием или спекуляцией. С целью принятия законного, обоснованного и мотивированного решения по данному вопросу суд анализирует ряд прецедентов, имеющих сходное содержание относительно рассматриваемого дела (нормативная база), сопоставляет эти знания с фактической его стороной (факты) и приходит к выводу:

[32] As these cases demonstrate, the characterization of a derivative contract as a hedge turns on its purpose. The primary source for ascertaining a derivative

contract's purpose is the extent of the linkage between the derivative contract and an underlying asset, liability, or transaction. The linkage analysis begins with the identification of an underlying asset, liability or transaction which exposes the taxpayer to a particular financial risk, and then requires consideration of the extent to which the derivative contract mitigates or neutralizes the identified risk...

[33] In this case, the substantial linkage between the forward contract and Mr. MacDonald's Bank of Nova Scotia shares fully supports Noël C.J.'s conclusion that the forward contract was a hedge (Mac Donald v Canada, SCC, 2020). – [32] Как показывают эти прецеденты, характеристика производного контракта как хеджирования зависит от его цели. Основным источником для определения цели производного договора является степень связи между ним и базовым активом, обязательством или сделкой. Анализ связей начинается с определения базового актива, обязательства или транзакции, которые подвергают налогоплательщика определенному финансовому риску, а затем требует рассмотрения степени смягчения или нейтрализации выявленного риска производным контрактом...

[33] В этом случае существенная связь между форвардным контрактом и акциями Банка Новой Шотландии г-на Макдональда полностью подтверждает вывод Ноэля Си Джея о том, что форвардный контракт являлся хеджированием.

Таким образом, в ходе судебного процесса суд, помимо собственно вынесения решения по делу, выполняет двойственную функцию: установление смысла экономических дефиниций и их интерпретация в рамках фактической стороны рассматриваемого дела. В этой связи уместно принять во внимание двойственную природу судебного прецедента как текста и текстологического процесса. Б.Н. Аринова отмечает при этом, что в правовом пространстве последнее проявляется в виде двух синонимических понятий: «interpretation» и «construction». Несмотря на то, что оба термина переводятся как «толкование», между ними существует концептуальное различие, а именно – установление смысла в первом случае и суждение о значении,

которое можно вывести как из самого текста, так и элементов извне – во втором (Аринова, 2020, с. 466).

Относительно существенных признаков судебных прецедентов отметим, что в науке к ним принято причислять:

- обязательность;
- установление прецедентов только решениями, вынесенными высшими судебными инстанциями и только большинством голосов членов жюри;
- решение должно содержать «*ratio decidendi*» – *прецедентную норму* (положение, принцип или основа, на которой принимается решение);
- прецедентная норма должна базироваться на соблюдении естественных прав человека и должна содержать нормы морали и реалии (традиции и обычаи народа) (Рассказов, 2015, с. 8).

Резюмируя вопрос об особенностях прецедентов, полагаем возможным выделить следующие их основополагающие функции: основной источник права в рамках англо-саксонской правовой системы, доказательство вынесенного решения, актуализация ранее сформулированных прецедентов, защита от попыток манипуляций в правовой сфере, обеспечение гибкости правовой системы, а также функции толкования, уточнения, анализа и комментирования юридических дефиниций и вопросов, связанных с их функционированием.

В рамках нашего исследования важно дифференцировать понимание прецедентности в юриспруденции и в лингвистической науке. Выше мы подробно описали понятия прецедента в англо-саксонской системе права в юридическом понимании данного термина. Современные же лингвистические исследования оперируют категорией «прецедентные тексты», значимые для личности в познавательном плане и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности (Караулов, 2010, с. 216).

В работе, посвященной исследованию прецедентных феноменов, В.В. Красных указывает на существование: социумно-прецедентных

(известных любому представителю какого-либо социума), национально-прецедентных (входящих в национальную когнитивную базу) и универсально-прецедентных (входящих в универсальную когнитивную базу) феноменов. Отталкиваясь от данного знания, полагаем возможным отнесение наименований прецедентов в англо-саксонской системе права к прецедентным феноменам узкого профессионального юридического социума (Красных, 2003, с. 173).

К юрисдикционным особенностям судов Великобритании, США, Канады и Австралии как характерных представителей англо-саксонской системы права были отнесены: высшее апелляционное или кассационное производство, в некоторых случаях – решение правовых споров по первой инстанции, вопросы признания конституционными/неконституционными нормативных актов, разрешение правовых споров между федеральными и региональными властями, а также толкование и применение конституций.

Проведенный анализ позволяет заключить, что текст судебного решения характеризуется: с коммуникативной точки зрения – реализацией информационной и прагматической функций, с функциональной стороны – единством социальной, системной и регулятивной функций, с прагматической точки зрения – воплощением функций ценностной ориентации, констатации, предписания, воздействия, а также инструктивной и оценочной функций.

Кроме того, в ходе лингвопрагматического анализа были установлены следующие основополагающие функции судебных прецедентов: функции основного источника права в рамках англо-саксонской правовой системы, доказательства вынесенного решения, актуализации ранее сформулированных прецедентов, защиты от попыток манипуляций в правовой сфере, обеспечения гибкости правовой системы, а также толкования, уточнения, анализа и комментирования юридических дефиниций и вопросов, связанных с их функционированием.

1.4. Типы интертекстуальных связей в текстах судебных решений

Особый интерес для нашего исследования представляют интертекстуальные включения в судебном дискурсе. Феномен интертекстуальности основан на «способности человека узнавать прецедентную информацию, отбирать релевантные устойчивые ассоциации и генерировать новые смыслы» (Бойко, 2006, с. 54). Термин «интертекстуальность», введенный в 1967 г. французским семиотиком Ю. Кристевой, до настоящего времени является дискуссионным как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

Восходя своими истоками к литературоведению, теория со временем расширила как диапазон материала исследования, так и методологическую базу, что позволило экстраполировать принципы изучения данного явления и на другие типы текста и дискурса. Важно отметить, что последующее развитие теория получила в связи с разработкой концепции М.М. Бахтина о диалогических отношениях, согласно которой любые, даже монологические произведения не могут не соотноситься с более ранними (ярким примером чему являются изучаемые нами особые мнения судей). Так, М.М. Бахтин утверждал, что любая мысль «может повторяться неограниченное число раз в совершенно тождественной форме», но «это всегда новое высказывание», поскольку в нем изменены прагматические установки субъекта (Бахтин, 1986, с. 286).

На комплексность феномена указывает Т.В. Марченко, отмечая, что интертекстуальность может быть уточнена в разных аспектах (в свете теории референции, теории информации, семантики и культурологическом аспекте) (Марченко, 2014, с. 31). При этом для нашего исследования, одной из задач которого является анализ культурно-специфических особенностей изучаемого корпуса текстов, прагматически значимым представляется

культурологический аспект, центральной идеей которого является соотнесенность интертекстуальности с понятием семиотической памяти культуры (Кузьмина, 2004, с. 25).

В научной литературе интертекстуальность также определяется как любая связь одного текста с другим и в этом ракурсе рассматриваются следующие виды межтекстовых отношений:

- интертекстуальность как сопричастие двух и более текстов в одном (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.);
- паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, предисловию, послесловию и т.д.;
- метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на предтекст;
- гипертекстуальность, объединяющая все формы, когда последующий текст полностью или частично ориентируется на предшествующий и без последнего не может быть понят;
- архитектстуальность как жанровая связь текстов (Женетт, 1997, с. 36).

Исследование судебного дискурса как разновидности юридического дискурса показало важность категорий, обеспечивающих его целостность, а именно, когерентности и интертекстуальности. Под когерентностью понимается при этом понятие, гиперонимическое по отношению к интертекстуальности (Suetina, Serebriakova, 2020, p. 2448).

Относительно характера функционирования феномена интертекстуальности в судебном дискурсе уместно привести справедливое замечание А.С. Александрова о том, что «любой юридический текст есть интертекст, так как другие тексты присутствуют в нем на переменных уровнях в более или менее узнаваемых формах» (Александров, 2003, с. 59). По мнению А.В. Богатырева «интертекстуальность в юридическом дискурсе неразрывно связана с логической и психологической аргументацией» (Богатырев, 2016, с. 11), что подтверждается и нашими наблюдениями.

Характеризуя интертекстуальные включения в рамках юридического дискурса, отметим, что А.В. Богатырев выделяет ряд их параметров: наличие ссылки на текстуальный источник, учет прецедентной компетентности адресата, возможность формирования интертекстуальности как на основе взаимодействия двух и более текстов (вертикальный интертекст), так и фрагментов одного и того же текста (горизонтальный интертекст); заимствование из текста-донора не только фрагмента текста (формы выражения), но и его смысла (содержания) (Богатырев, 2016, с. 12).

Н.К. Пригарина определяет интертекстуальность судебного дискурса как «систематическое и целенаправленное обращение к различным материалам уголовного дела», а также «сознательное использование интертекстуализмов (фрагментов других текстов, не имеющих прямого отношения к материалам уголовного дела, в форме цитат, аллюзий, косвенной речи, пословиц, афоризмов)» (Пригарина, 2015, с. 50), что в совокупности обеспечивает реализацию главной задачи судебного дискурса – обоснование правильности выбранной позиции.

Акцентируя внимание на зависимости интертекста от времени в рамках юридического дискурса, А.В. Богатырев отмечает, что «текстом-донором» могут выступать нормативно-правовые акты (вместе с утратой силы в связи с изменениями реалий времени либо поправками в законодательство, утрачивается и эффективность и уместность применения опирающегося на них интертекста), а также материалы конкретного судебного разбирательства, релевантность которых ограничивается его временными рамками (Богатырев, 2016 с. 53).

В исследуемых нами решениях Верховных судов также систематически используются как материалы дела, так и интертекстуализмы в виде цитат прецедентов, правовых актов, источников доктринального толкования (например, специальный раздел *Authors Cited*), а также правовых доктрин: *doctrine of apparent mandate*, *doctrine of unjust enrichment*, *doctrine of nullity*,

(*Montréal (Ville) v. Octane Stratégie inc., SCC, 2019*) и максим: *the public has a right to everyman's evidence (Trump v. Vance, USSC, 2020)*.

Характеризуя интертекстуальные связи в юридическом дискурсе, целесообразно подробнее остановиться на классификации М.В. Коноваловой, которая в свою очередь выделяет гипертекстуальность, архитектстуальность, метатекстуальность и интекстуальность (Коновалова, 2008).

Исследователь определяет гипертекстуальность как «отношения между текстами, относящимися к определенному виду институционального дискурса, объединенными общим содержанием и функцией, а также выстроенными по определенным лингвистическим правилам» (Коновалова, 2008, с. 17). В данном контексте справедливо будет заметить, что термином «гипертекстуальность» можно описать характер взаимоотношений любого основного решения суда и особого мнения, заявленного к нему, поскольку они относятся к одному виду дискурса (судебному) и, очевидно, объединены общим содержанием и функцией (мотивированное и обоснованное решение по конкретному правовому спору).

При установлении архитектстуальных отношений речь идет о жанре и о стиле, характеризующем избранный жанр. Л.А. Борисова относит судебное решение к информационному жанру, «поскольку в тексте судебного решения сообщается о результатах рассмотрения конкретного правового спора» (Борисова, 2012, с. 182). Наличие в тексте архитектстуальных связей обеспечивает интертекстуальное взаимодействие текстов, принадлежащих одному жанру, а также находящихся в функциональном поле определенного стиля.

Так, например, в тексте решения Верховного суда Канады по делу *MacDonald v. Canada (2020)* архитектстуальность реализуется во взаимодействии данного текста с текстом решения по делу *Shell Canada Ltd. v. Canada (1999)*:

*The income tax treatment of gains and losses arising from derivative contracts depends on whether the derivative contract is characterized as a **hedge or speculation**. Gains and losses arising from hedging derivative contracts take on the character of the underlying asset, liability or transaction being hedged. (Shell Canada Ltd. v. Canada, [1999] 3 S.C.R. 622, at paras. 68-70).* – Порядок налогообложения прибылей и убытков, проистекающих из деривативных контрактов, зависит от того, характеризуется ли этот контракт как **хеджирование либо как спекуляция**. Прибыли и убытки, возникающие в результате хеджирования производных контрактов, приобретают характер хеджируемого базового актива, обязательства или сделки.

Важно отметить, что профессиональному реципиенту нет необходимости прерывать чтение для уточнения содержания кейса *Canada Ltd. v. Canada (1999)*, поскольку он уже на когнитивном уровне владеет указанной информацией. Таким образом, можно говорить о взаимодействии между собой текстов, принадлежащих одному жанру, а, следовательно, о реализации архитектуральной связи.

Метатекстуальность представляет собой авторский комментарий в отношении содержания текста. При этом, речь идет не о простом комментировании содержания правового документа, но и о дополнении его новой релевантной информацией.

М.В. Коновалова также подразделяет комментарии в судебном дискурсе на приводимых ниже три типа.

- Комментарии-толкования, раскрывающие термины, упомянутые в тексте правовой нормы:

A hedge is generally a transaction which mitigates risk, while speculation is the taking on of risk with a view to earning a profit (MacDonald v Canada, SCC, 2020). – **Хеджирование – это, как правило, сделка, которая снижает риск, в то время как спекуляция – это принятие риска с целью получения прибыли.**

- Комментарии-интерпретации, раскрывающие содержание закона с практической точки зрения:

*The characterization of a derivative contract turns on the contract's purpose. While subjective manifestations of purpose may sometimes be relevant, the taxpayer's stated intention is not determinative. **The primary source of ascertaining a derivative contract's purpose is the linkage between the derivative contract and any underlying asset, liability or transaction purportedly hedged** (MacDonald v. Canada, SCC, 2020) – Характеристика производного контракта зависит от цели контракта. Хотя субъективные проявления цели иногда могут иметь значение, заявленное намерение налогоплательщика не является определяющим. **Основным источником определения цели производного контракта является связь между производным контрактом и любым базовым активом, обязательством или сделкой, предположительно хеджируемой.***

- Смешанный тип, содержащий как толкования, так и интерпретации.

Под интекстуальностью М.В. Коновалова подразумевает текстовые включения, вносящие информацию извне, иными словами, в отношении судебного дискурса интекстуальность реализуется в виде цитат и ссылок.

В качестве типов цитат и ссылок, используемых в судебном дискурсе, целесообразным представляется рассмотрение классификации Т.В. Дубровской, предложившей их деление на:

- ссылку на точное название закона, при отсутствии его толкования или цитирования;
- краткий пересказ содержание релевантного закона (чаще пункта закона);
- собственно цитирование закона (Дубровская, 2009, с. 173).

При этом автор отмечает, что «все перечисленные типы включений имеют эксплицитный характер, что объясняется сферой деятельности и формальной обстановкой общения» (Дубровская, 2009, с. 171).

Проведенный анализ показал, что в исследуемых нами текстах встречаются все три типа интертекстуальных включений, предложенных Т.В. Дубровской. Принимая во внимание положение о том, что основным

источником права в странах англо-саксонской системы является судебный прецедент, полагаем закономерным экстраполировать описываемую классификацию, в первую очередь, на прецеденты и лишь потом – на положения статутов. Проиллюстрируем данное утверждение на примерах.

В качестве интертекстуальных включений, функционирующих в текстах рассматриваемой категории судебных решений, обнаруживают себя:

1) Ссылки на точное название прецедента/правового акта:

*The general rule of English law, not confined to the criminal law, is that a statute is prospective rather than retrospective in effect unless it distinctly says otherwise: see for example the discussion in a very different context in **Wilson v First County Trust Ltd.** (R v Docherty, UKSC, 2016). – Общее правило английского права, не ограничивающееся уголовным правом, заключается в том, что закон действует скорее в перспективе, нежели в ретроспективе, если в нем четко не указано иное: см., например, обсуждение в совершенно другом контексте в **Wilson v First County Trust Ltd;***

*Upon his disappearance, R became an absentee under art. 84 of the **Civil Code of Québec** (Threlfall v. Carleton University, SCC, 2019). – После его исчезновения R стал отсутствующим в соответствии со статьей 84 Гражданского кодекса Квебека.*

2) Краткий пересказ содержания прецедента/закона:

That being said, the courts cannot abdicate their role of incrementally adapting common law rules where legislative gaps exist. (see R. v. Mann, 2004 SCC 52, [2004] 3 S.C.R. 59, at para. 17; R. v. Kang-Brown, 2008 SCC 18, [2008]) (Fleming v. Ontario, SCC, 2019). – При этом суды не могут отказаться от своей роли постепенной адаптации норм общего права там, где существуют законодательные пробелы (см. R. v. Mann, 2004 SCC 52, [2004] 3 S.C.R. 59, в пункте. 17; Р. В. Канг-Браун, 2008 SCC 18, [2008]);

*The conduct giving rise to each offence is alleged to have taken place during the course of a compelled interview conducted under the **Taxation Administration Act 1996** (The Queen v Beckett, SCC, 2015). – Поведение, послужившее*

основанием для каждого правонарушения, предположительно имело место в ходе принудительного собеседования, проведенного в соответствии с **Законом о налоговом администрировании 1996 г.**

3) Собственно цитирование прецедента/закона:

«Payment» is to be understood broadly as «the delivery to another – voluntary or otherwise – of a sum of money or a thing» (Willmor Discount Corp. v. Vaudreuil (City), [1994] 2 S.C.R. 210, at p. 218; art. 1553 C.C.Q.) (Threlfall v. Carleton University, SCC, 2019). – «Платеж» следует понимать в широком смысле как «доставку другому лицу – добровольно или по-иному – денежной суммы или вещи» (Willmor Discount Corp. против Водрейля (Город), [1994] 2 S.C.R. 210, стр. 218; ст. 1553 C.C.Q.).

...the Constitution states that «the Party convicted shall nevertheless be liable and subject to Indictment, Trial, Judgment, and Punishment, according to Law» (Trump v. Vance, USSC, 2020). – ...Конституция гласит, что «Сторона, осужденная, тем не менее, несет ответственность и подлежит обвинению, суду, приговору и наказанию в соответствии с Законом».

Все вышеперечисленные примеры характеризуют «вертикальный» тип интертекстуальности, однако, для текстов судебных решений характерна также и «горизонтальная» интертекстуальность, которая зачастую находит свое выражение в ссылках судей на особые мнения других судей в рамках одного и того же дела, например,

Second, contrary to JUSTICE ALITO’s characterization, our holding does not allow States to «run roughshod over the functioning of [the Executive Branch]» (Trump v. Vance, USSC, 2020). – Во-вторых, вопреки характеристике, данной СУДЬЕЙ АЛИТО, наше сдерживание не позволяет штатам «жестко контролировать функционирование [исполнительной власти]».

JUSTICE THOMAS reaches the same conclusion based on the original understanding of the Constitution reflected in Marshall’s decision in Burr. Post, at 2, 5–6. And JUSTICE ALITO, also persuaded by Burr, «agree[s]» that «not all» state criminal subpoenas for a President’s records «should be barred» (Trump v.

Vance, USSC, 2020). – **СУДЬЯ ТОМАС** *приходит к такому же выводу, основываясь на первоначальном понимании Конституции, отраженном в решении Маршалла по делу Берра. Сообщение, в 2, 5-6. И СУДЬЯ АЛИТО, также убежденный Берром, «согласен [с]», что «не все» государственные уголовные повестки для записей президента «должны быть запрещены».*

Приведенные примеры убедительно свидетельствуют о внутреннем взаимодействии элементов одного и того же текста.

Таким образом, интертекстуальные связи в текстах судебных решений представлены такими разновидностями, как гипертекстуальность, архитектстуальность, метатекстуальность и интекстуальность. Интертекстуальные включения в текстах судебных решений воплощаются в виде названий, краткого пересказа содержания и собственно цитирования: материалов дела, прецедентной базы, нормативных правовых актов различных уровней, источников доктринального толкования, правовых доктрин и максим, а также особых мнений судей.

Выводы по первой главе

Формирование научной отрасли на рубеже языка и права происходило в течение длительного исторического периода, восходя к исследованиям вопросов о сущности права. Пройдя путь от позитивистской правовой теории до современных социолингвистических исследований, эта междисциплинарная область знаний окончательно оформилась в самостоятельную научную отрасль под такими «зонтичными» наименованиями, как «forensic linguistics» (в зарубежных исследованиях) и «юрислингвистика» (в отечественной науке). Интеграция разноплановых

феноменов на стыке языка и права позволила по-новому осмыслить исследуемые объекты и, соответственно, получить новое теоретическое знание.

В отечественной науке принято выделять юридический аспект языка и лингвистический аспект права. При этом одним из направлений лингвистического анализа правового языка является исследование различных уровней и составляющих юридического дискурса. Судебный дискурс, являющийся объектом нашего научного интереса, выступает разновидностью дискурса юридического, охватывая всю совокупность создаваемых в связи с судебным процессом текстов и получая окончательное выражение в создаваемых текстах судебных решений.

В качестве типологических характеристик текста судебного решения были определены: письменная форма, информативность, официальность, императивность, перформативность, логичность, безэмоциональность, точность изложения и однозначность высказываний, терминологичность, высокая степень номинализации, стандартизованность, неличностность, клишированность лексических и синтаксических языковых средств, высокая степень структурированности, грамматическая усложненность, первичная информативность, информационная емкость (как диалектическое сочетание точности и избыточности), интердискурсивность, диалогичность, интертекстуальность.

Судебное решение представляет собой социально и профессионально значимый, структурно-организованный, первично-информативный, интердискурсивный, письменный речевой жанр юрисдикционного подстиля официально-делового стиля, реализующий через систему взаимосвязанных категорий, а также универсальных и культурно-специфических черт, основную координативно-разъяснительную интенцию судопроизводства – представить законное, обоснованное и мотивированное судебное решение.

В качестве основополагающих выделены следующие функции судебных прецедентов: функции основного источника права в рамках англо-саксонской

правовой системы, доказательства вынесенного решения, актуализации ранее сформулированных прецедентов, защиты от попыток манипуляций в правовой сфере, обеспечения гибкости правовой системы, а также толкования, уточнения, анализа и комментирования юридических дефиниций и вопросов, связанных с их функционированием.

Проведенный анализ позволяет заключить, что текст судебного решения характеризуется: с коммуникативной точки зрения – реализацией информационной и прагматической функций, с функциональной стороны – единством социальной, системной и регулятивной функций, со стилистико-речевой точки зрения – воплощением функций ценностной ориентации, констатации, предписания, воздействия, а также инструктивной и оценочной функций.

Интертекстуальные связи в текстах судебных решений представлены такими разновидностями, как гипертекстуальность, архитектстуальность, метатекстуальность и интекстуальность. Интертекстуальные включения в текстах судебных решений воплощаются в виде названий, краткого пересказа содержания и собственно цитирования: материалов дела, прецедентной базы, нормативных правовых актов различных уровней, источников доктринального толкования, правовых доктрин и максим, а также особых мнений судей.

Глава 2. Структурно-семантические и прагматические аспекты текстов судебных решений

2.1. Структурно-композиционные особенности текстов судебных решений

2.1.1. Реализация принципов сегментации и архитектоники в текстах судебных решений

Типологически значимым аспектом исследования текстов судебных решений видится выявление и анализ их структурно-композиционных особенностей. В современной науке «актуализируется экспланаторный принцип описания языковых явлений» (Серебрякова, Жукова, 2001, с. 19), позволяющий проанализировать множество языковых феноменов. Важным инструментом анализа основополагающих принципов организации текста являются текстовые категории, определяющие сущностные параметры текста как семантического единства. До настоящего момента в науке не существует единого мнения относительно градации основных и факультативных текстовых категорий, что объясняется многоаспектностью текста как коммуникативной единицы.

Так, ряд авторов выделяют в качестве ведущих текстовых категорий «целостность, членимость и модальность» (Ильенко, 2003, с. 366). Некоторые ученые полагают универсальными категориями текста «целостность (план содержания) и связность (план выражения), вступающие друг с другом в отношения дополнительности, диархии» (Бабенко, Казарин, 2008, с. 41).

Н.С. Болотнова указывает на наличие глобальных категорий события, времени и пространства и «глобальной категории диалогичности», реализуемой «в категориях субъективности и адресованности» (Болотнова, 2009, с. 162). Важнейшими текстовыми категориями признаются также развернутость, целостность и дискретность. Е.А. Баженова подчеркивает при этом, что каждой категории свойственна типовая реализация в границах функционального стиля (Баженова, 2001, с. 37). О.П. Сологуб, характеризуя формализацию как базовый принцип организации делового текста, указывает на необходимость рассмотрения проявлений этого принципа в свете нескольких планов: членения текста на сегменты, архитектоники, логической организации текста, семантической стороны организации текста и языкового его оформления (Сологуб, 2007, с. 107).

В рамках нашего исследования мы сосредоточим внимание на способах проявления принципа формализации с акцентом на сегментации и архитектонике на примере текстов судебных решений стран англо-саксонской правовой системы.

Текст, являясь коммуникативной единицей высшего уровня, может быть рассмотрен с точки зрения формального аспекта как специфическое языковое структурное образование, в референциальном аспекте – как часть акта коммуникации, имеющего целью влияние на адресата (межличностный аспект) (Таюпова, 2009, с. 777). Необходимо обратить внимание, что указанные аспекты находят свое выражение в структуре рассматриваемых нами текстов с использованием как языковых, так и паралингвистических средств, среди которых авторы выделяют графическую сегментацию, параграфирование, шрифтовой набор, отступы и интервалы (Попова, 2017, с. 1179). Использование указанных средств обусловлено необходимостью фиксации внимания адресата на конкретных частях текста.

Рассматривая тексты судебных решений в свете триады «автор-текст-реципиент», необходимо обратить внимание на следующее. И.С. Алексеева указывает, что «источником юридических текстов являются

профессиональные юристы» (Алексеева, 2001, с. 216). Поскольку объектом настоящего анализа являются решения Верховных судов стран англосаксонской правовой системы, необходимо также отметить, что решения принимаются судом коллегиально, следовательно, источник рассматриваемых текстов коллективный. Указанная особенность находит свое непосредственное отражение в композиции и реквизитах текстов, привлеченных к анализу судебных решений.

Поскольку каждый судья имеет право выразить особое мнение по делу, не совпадающее с мнением большинства, в композиционном плане указанная специфика находит свое выражение в выделении тем или иным образом особого мнения в отдельный подраздел. Так, например, в решении Верховного суда Канады по делу *MacDonald v. Canada (2020)* особое мнение судьи Côte J. отражено в отдельных параграфах (46-88), на что также указывается во вводной части решения. Сходную структуру (без отражения во вводной части) имеет решение Верховного суда Австралии по делу *De Silva v The Queen (2019)*.

Относительно реципиента рассматриваемого типа текстов отметим, что, в первую очередь, текст судебного решения адресован сторонам судебного спора. Кроме того, принимая во внимание прецедентный характер судебной практики в странах англосаксонской правовой системы, можно также сделать вывод о том, что реципиентом данной категории текстов выступает как судебский корпус, так и все юридическое сообщество.

Согласно нашим наблюдениям, тексты судебных решений как деловой тип текстов характеризуются членением на самостоятельные элементы, что обусловлено задачами их стандартизации и унификации. Важно отметить, что традиционная композиция любого судебного решения имеет трехчастную структуру: вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная части. Проведенный анализ судебного решения Верховного суда Канады, вынесенного по делу *MacDonald v. Canada (2020)* показал, что указанное решение суда может быть условно разделено на смысловые части,

соответствующие вышеуказанной трехчастной структуре, при этом каждая из отмеченных частей, в свою очередь, подразделяется на более мелкие и содержит множественные реквизиты.

В частности, вводная часть решения, выполняющая функцию «предисловия», вводит адресата в курс правовой ситуации, послужившей предметом судебного разбирательства. Так, во вводной части рассматриваемого судебного решения указываются: наименование суда – *Supreme Court of Canada*; сведения об истце по апелляции – *James S.A. MacDonald*, ответчике – *Her Majesty Queen*; даты слушания дела в апелляционном порядке – *October 17, 2019* и вынесенного решения – *March 13, 2020*; содержание судебного решения (перечень параграфов), а именно: основания для пересмотра решения, основания для вынесенного решения – *Reasons for Judgment*, основания для особого мнения – *Dissenting Reasons*; индекс дела – *MacDonald v. Canada*, номер документа – *38320*; состав суда – *Wagner C.J. and Abella, Moldaver, Karakatsanis, Côté, Brown, Rowe, Martin and Kasirer JJ.*, ключевые слова – *Taxation – Derivative contracts – Hedging – Subjective and objective intention – Linkage etc.*

Сходную структуру, но с некоторыми исключениями, обнаруживает и решение Верховного суда Великобритании по делу *Perry v Raleys Solicitors (2019)*. В данном решении отсутствуют содержание решения, а также ключевые слова, в остальном решение содержит схожие реквизиты. Помимо истца и ответчика есть также указание на представителей сторон: *Instructed by...*

Особый интерес представляет структура вводной части решения Верховного суда США. Например, в судебном решении по делу *Nebraska v. Parker (2016)* самому решению предшествует краткое его изложение – *Syllabus*. Следующая за ним вводная часть судебного решения содержит: наименование суда – *Supreme Court of the United States*; сведения об истце по апелляции – *Nebraska, Petitioners*, ответчике – *Mitch Parker*; дата вынесенного

решения – *March 22, 2016*; краткое содержание решения; номер дела – *14-1406*; имя судьи – *Justice Thomas*.

Вводная часть судебного решения Верховного суда Австралии по делу *De Silva v Queen (2019)* имеет сходную структуру, но отличается и своими особенностями. В частности, во вводной части содержится решение апелляционного суда, которое подлежит пересмотру, здесь указываются также: наименование суда – *High Court of Australia*; сведения об истце по апелляции – *Neranjana Agrajith Kalubuth De Silva*, ответчике – *The Queen*; дата слушания по делу – *4 September 2019*, вынесенного решения – *13 December 2019*; краткое содержание решения суда; номер дела – *B24/2019*.

Таким образом, вводная часть имеет место в рассмотренных текстах судебных решений всех трех стран. Реквизиты, содержащиеся во вводной части, варьируются, вместе с тем, некоторые из них, необходимые и достаточные для того, чтобы однозначно идентифицировать конкретное дело среди прочих, являются универсальными, а именно: наименование суда, сведения об истце и ответчике, дата вынесенного решения, номер дела.

Описательно-мотивировочная часть является ключевой и самой объемной составляющей текста судебного решения, поскольку она направлена на обеспечение принципа законности и обоснованности принятого решения. Дальнейший анализ рассматриваемых в данном разделе судебных решений, показал следующее. Процесс обоснования судебного решения имеет типичную структуру. В первую очередь, имеет место описание фактической стороны дела. Указанная часть решения может быть выделена в отдельный подраздел и обозначена графически (например, *Introduction* или пронумерована) или не иметь подобного оформления. Анализ содержания указывает на первоочередное изложение в судебном решении фактов, ставших причиной конкретного судебного слушания.

За изложением фактической стороны дела (описательной частью) следует правовое обоснование позиции суда по данному делу – мотивировочная часть решения. Последовательным и логически точно

выстроенным представляется обоснование решения составом Верховного суда Канады по делу *MacDonald v. Canada* (2020), где в мотивировочной части графически выделены следующие смысловые части:

- ссылки на прецеденты (отдельно судей с совпадающим мнением и отдельно судьей, выразивших особое мнение по делу). Важно отметить графическое оформление каждого наименования прецедента (курсив), что значительно облегчает восприятие текста реципиентом во всех рассмотренных в рамках настоящей работы текстах судебных решений;

- ссылки на нормативную базу;

- ссылки на доктринальные источники.

Данная последовательность представляется весьма убедительной, принимая во внимание иерархию источников права в странах англосаксонской правовой семьи. Далее следует собственно обоснование принятого решения (разбито на параграфы), и оно вновь подразделяется на совпадающее и особое мнение судей со ссылками на соответствующие источники.

Решение Верховного суда Великобритании по делу *Perry v Raleys Solicitors* (2019) также содержит раздел, посвященный отсылкам к прецедентному праву – *The Law about Causation in Professional Negligence cases*. Далее судом рассматривается и подвергается оценке решение апелляционного суда в двух ключевых аспектах (разделены структурно и обозначены графически): подход суда к вопросам права – *The Judge's Approach to the Law* и определение судьей фактической стороны дела – *The Judge's Determination of the Facts*.

Решение Верховного суда США по делу *Nebraska v. Parker* (2016) содержит мотивировочную часть, которая обозначена латинской цифрой «II» и содержит подразделы, обозначенные литерами «A», «B», «C».

Примечательно, что в решении Верховного суда Австралии по делу *De Silva v Queen* (2019) вся описательно-мотивировочная часть разбита на два пункта: совпадающее мнение судей Kiefel CJ., Bell J., Gadeler J. и Gordon J. и особое мнение судьи Nettle J.

Структурно-семантический анализ текстов судебных решений показал наличие резолютивной части в каждом из них. Вместе с тем, можно отметить следующие особенности. В решении Верховного суда Австралии по делу *De Silva v Queen (2019)* резолютивная часть находится не в конце решения, а предшествует описательно-мотивировочной части и заключению судьи, выразившего особое мнение по делу. В решении Верховного суда США по делу *Nebraska v. Parker (2016)* резолютивная часть решения отделена от описательно-мотивировочной части графически (тремя звездочками) и завершается фразой *It is so ordered (Постановлено)*, также выделенной графически (курсив, выравнивание текста по правому краю). В решении Верховного суда Великобритании по делу *Perry v Raleys Solicitors (2019)* резолютивная часть не выделена в отдельный раздел, а является заключительным параграфом решения. Указанные отличия в характере выделения резолютивной части являются свидетельством сложившейся судебной практики.

В данном контексте более убедительным представляется оформление резолютивной части в решении Верховного суда Канады по делу *MacDonald v. Canada (2020)*, где она, являясь параграфом текста решения, выделена графически в отдельный раздел *Conclusion*. Тем самым, на наш взгляд, удачно подчеркивается связь резолютивной части решения со всем текстом, чем обеспечивается текстовая когезия и, одновременно, реализуется принцип сегментации путем выделения ее в отдельный раздел, что качественно влияет на восприятие текста как профессиональным, так и непрофессиональным реципиентом.

Таким образом, визуально-пространственная сегментация является важным принципом организации текста судебного решения. Анализ показал, что судебные решения разных стран одной правовой семьи обладают как сходными чертами, так и уникальными особенностями. На наш взгляд, некоторые из таких особенностей членения текста могут быть охарактеризованы как позволяющие максимально эффективно организовать и

направить восприятие и интерпретацию информации реципиентом. К таким чертам могут быть отнесены, помимо общепринятых (параграфирование, курсив текста, нумерация), также выделение в качестве самостоятельных частей:

- ключевых слов: *CATCHWORDS* – Верховный суд Канады, Верховный суд Австралии;

- краткого изложения содержания решения: *Syllabus* – Верховный суд США;

- содержания параграфов (с нумерацией), а именно, основания вынесения решения: *Reasons for Judgment* – Верховный суд Канады и основания для вынесения особого мнения: *Dissenting Reasons* – Верховный суд Канады;

- предшествующего мотивировочной части перечня источников согласно традиционной иерархии источников англо-саксонской правовой системы: прецеденты – *Cases Cited*, статуты и нормативные документы – *Statutes and Regulations*, доктрина – *Authors Cited* (Верховный суд Канады).

Указанные особенности позволяет реципиенту быстро ориентироваться и адекватно воспринимать структуру и содержание судебного решения, что представляет значительную коммуникативно-прагматическую ценность, принимая во внимание общий массив прецедентной базы.

Другим важным принципом текстовой организации является архитектура, представляющая собой фиксированность расположения компонентов текста (Сологуб, 2007, с. 110). Предшествующий анализ показал, что для решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы характерна классическая трехчастная структура, включающая в себя вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части, последовательно сменяющие одна другую. Рассмотрим более подробно характер реализации принципа архитектуры на примере расположения базовых реквизитов рассматриваемых судебных решений.

Как уже отмечалось, неотъемлемыми реквизитами любого судебного решения являются: наименование суда, состав суда, дата рассмотрения дела и дата вынесения судебного решения. Указанные реквизиты присутствуют во всех рассмотренных судебных решениях, однако характер их расположения в тексте и относительно друг друга варьируется. Так, наименование суда в большинстве решений располагается в самом начале, по центру и выделено крупным жирным шрифтом. Особенностью решений Верховного суда Великобритании является использование вместо письменного обозначения собственной эмблемы, расположенной по левому краю верхней строки титульного листа решения.

В связи с тем, что в данной работе рассматриваются тексты судебных решений стран англо-саксонской правовой системы, базовым источником права которой является судебный прецедент, ключевым реквизитом здесь также является само наименование дела (например, *Perry v Raleys Solicitors (2019)*, *MacDonald v. Canada (2020)* и др.). Данный реквизит располагается в текстах всех рассмотренных судебных решений в числе приоритетных во вводной части. В решении Верховного суда США наименование дела *Nebraska v. Parker (2016)* помимо вводной части также сопровождает колонтитул каждого листа решения, что одновременно служит средством обеспечения текстовой когезии.

Дата рассмотрения дела – *Date of Hearing/ Appeal Heard* и дата вынесенного решения – *Date of Judgment/ Judgment Rendered*, состав суда, сведения об истце и ответчике, представителях сторон также содержится во вводной части рассмотренных в рамках данной работы текстов судебных решений, однако последовательность их варьируется.

Относительно описательно-мотивировочной части текста изучаемых судебных решений необходимо отметить отсутствие однозначного фиксированного расположения ее компонентов, однако наличествует их общая логика: описание событий, ставших предметом правового спора, и последующее обоснование принимаемого решения.

В свете данного наблюдения интересна позиция Б.Н. Ариновой, указывающей на такую специфическую черту англо-саксонского юридического дискурса, как свобода усмотрения, позволяющая судьям выражать свою позицию относительно правового спора (Аринова, 2020, с. 465). Данная особенность, на наш взгляд, также находит свое отражение и в расположении компонентов внутри описательно-мотивировочной части текста решения, не имеющего однозначно установленных рамок и оставляющего таким образом свободу выражения позиции суда.

В плане доступности восприятия текста можно отметить прагматически обоснованное расположение компонентов описательно-мотивировочной части текста судебного решения Верховного суда Великобритании по делу *Perry v Raleys Solicitors (2019)*, где их последовательность выглядит следующим образом:

- Введение (*Introduction*);
- Содержание искового заявления (*Mr Perry's claim*);
- Положения законодательства, регламентирующие правоотношения сторон в данной правовой ситуации (*The Law about Causation in Professional Negligence cases*);
- Подход суда к интерпретации закона (*The Judge's Approach to the Law*);
- Определение судьей фактической стороны дела (*The Judge's Determination of the Facts*).

Резолютивная часть, в которой судьи «декларируют новую значимость и создают новые высказывания, обладающие значением и силой» (Аринова, 2020, с. 465), является заключительной в текстах всех рассмотренных судебных решений.

Анализ особенностей фиксированного расположения компонентов текстов судебных решений разных стран англо-саксонской правовой системы позволил сделать следующие обобщающие выводы.

Обязательные составляющие текста судебного решения расположены в рассмотренных материалах в строго определенной последовательности:

вводная часть → описательно-мотивировочная часть → резолютивная часть. Базовые реквизиты каждой из частей сохраняются во всех текстах судебных решений, однако последовательность их расположения в решениях Верховных судов разных стран не имеет фиксированных рамок и варьируется.

В качестве примера прагматически обоснованного расположения компонентов описательно-мотивировочной части, позволяющей быстро ориентироваться в структуре и содержании правового документа, можно привести следующую последовательность: введение → содержание искового заявления → положения законодательства, регламентирующие правоотношения сторон в данной правовой ситуации → подход суда к интерпретации закона → определение судьей фактической стороны дела.

Таким образом, визуально-пространственная сегментация и фиксированность расположения компонентов текста являются прагматически значимыми принципами организации текста судебного решения. Анализ показал наличие универсальных и специфических особенностей реализации рассмотренных принципов и позволил выделить те из них, которые позволяют наиболее оптимально организовать и направить восприятие реципиентом информации, содержащейся в таком важном документе, как судебное решение, а именно: ключевых слов, краткого изложения содержания решения, содержания параграфов (с нумерацией), перечня источников, послуживших основанием для вынесенного решения (прецеденты, статуы и нормативные документы, доктринальные источники).

Реализация в текстах судебных решений такого прагматически значимого принципа, как визуально-пространственная сегментация в сочетании с фиксированностью расположения компонентов текста, позволяет качественно организовать и эффективно направить восприятие реципиентом содержания рассмотренной категории текстов в целях однозначного и единообразного их толкования. Указанные особенности позволяют легко ориентироваться в структуре и содержании текста судебного решения, что

представляет значимую прагматическую ценность, принимая во внимание общий массив прецедентной базы.

2.1.2. «Особое мнение» как структурно-функциональный элемент судебного решения

Институт особого мнения как в отечественной лингвистике, так и юриспруденции в настоящее время изучен фрагментарно, что вызвано, с одной стороны, ограниченностью области применения (коллегиальное рассмотрение дел), а с другой – его факультативностью и отсутствием юридически значимых последствий (что особенно важно для правоведов). На примере решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы мы попытаемся восполнить в данном исследовании некоторые лакуны в изучении данного феномена.

Термин «особое мнение» в юриспруденции используется для обозначения мнения члена коллегиального органа, не согласного полностью или частично с решением, принятым большинством представителей данного органа. Так, «при рассмотрении дела коллегией судей, судья, не согласный с принятым решением, вправе изложить особое мнение, которое приобщается к материалам дела» (Болдырева, 2014).

По мнению О.А. Крапивкиной особое мнение представляет собой «публичное выражение судей, участвующих в судебном разбирательстве, собственной правовой, политической или идеологической позиции» (Крапивкина, 2011, с. 145).

Следует отметить особую роль института особых мнений в современных правовых реалиях, где они выступают, с одной стороны, важным каналом

информирования общественности о сути юридических дискуссий, с другой – инструментом повышения индивидуальной ответственности конкретного судьи в составе коллегии, способом защиты профессиональной чести, гарантом судейской независимости.

В странах англо-саксонской правовой семьи, где право судьи на особое мнение существует в течение тысячелетия, его условно можно считать «результатом развития традиционного британского порядка вынесения решений в коллегиальном порядке – *seriatim* (лат. – «по порядку»)» (Ултургашев, 2013, с. 76). Первоначально этот порядок представлял собой поочередное выражение судьями своей позиции. Далее, в 60-х гг. XVIII в., порядок был видоизменен и судьям теперь было необходимо отражать в едином письменном решении результат достигнутого компромисса.

В США с назначением в 1801 г. на пост председателя Верховного суда Дж. Маршалла получила развитие и стала приоритетной концепция «единого мнения», что в свою очередь сыграло ключевую роль в укреплении авторитета судебной власти. Благодаря лидерским качествам нового председателя суда, в этот период особые мнения хотя и не были запрещены, выносились крайне редко, преобладающей идеей среди судей было сознательное достижение компромисса. Интересен тот факт, что именно в эту эпоху были заявлены особые мнения, получившие впоследствии статус «канонических», то есть близких по юридической силе к конституционным положениям, в то время как основное решение суда по делу утрачивало прецедентную силу.

Примерами *канонических* особых мнений являются мнения, заявленные по результатам рассмотрения Верховным судом США:

- дела *Dred Scott v. Sandford (1857)*, узаконившего бесправное положение негров. Особые мнения, заявленные судьями Б.Р. Кертисом и Дж. Маклином, указывали на отсутствие правовых оснований не считать негров гражданами и на восемь лет предвосхитили отмену рабства в США;

- дела *Plessy v. Ferguson (1896)*, законодательно оформившего расовую сегрегацию в США и подтвердило её соответствие американской

конституции. В своем особом мнении лишь судья М. Харлан предостерег коллегия судей от вынесения такого решения, став предвестником полного запрета расовой сегрегации в стране (Ултургашев, 2013, с. 81);

- дела *Abrams v. US (1919)*, заявленное особое мнение к которому судьи О.У. Холмса, получило известность как «канонический труд» о свободе слова и о невозможности обвинения кого-либо за открытое выражение своих убеждений (Крапивкина, 2011, с. 146).

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют, с одной стороны, об уникальности института особых мнений, способных, будучи не наделенными реальной обязывающей силой, быть непредсказуемыми в своих правовых последствиях, с другой стороны, о важнейшей функции особого мнения как потенциального источника права, предвестника как зарождающейся, так и отмирающей правовой тенденции. По меткому выражению С. Шеллера, «особое мнение несогласия в апелляционном суде последней инстанции – это не знак чести и не знак бесчестия, а призыв к будущему» (Sheller, 2001, p. 395).

С назначением в 1941 г. на пост председателя Верховного суда США Х.Ф. Стоуна, являвшегося сторонником активной дискуссии, намеченный ранее курс резко сменился «взрывом» количества заявленных особых мнений. Практика выражения особых мнений естественным образом распространилась среди государств, испытывающих влияние англо-саксонской правовой системы, в том числе Австралии и Канады (Ултургашев, 2013, с. 77).

В научной литературе описаны основополагающие признаки особого мнения, прагматически значимые для его изучения как компонента текста судебного решения:

- субъект права на особое мнение (судья, входящий в состав коллегии);
- отличие позиции этого субъекта от позиции большинства членов коллегии;
- время заявления (особое мнение всегда следует за решением суда);

- отличие от актов неофициального толкования права, поскольку их авторы действуют в официальном качестве (Ултургашев, 2013, с. 79).

Исторически в судебной практике сложились две категории особых мнений, имеющих свои лингвопрагматические особенности:

- особое мнение несогласия (*dissenting opinion*), которое, по сути, и является собственно «особым мнением», так как это случаи, когда судья не приемлет саму суть вынесенного решения и голосует против него. Из определения особого мнения несогласия логично вытекает тот факт, что данный вид особых мнений характеризуется аргументированностью, не уступающей по своей степени основному решению;

- особое мнение согласия, или просто мнение (*concurring opinion*), заявляется в случаях, когда судья не имеет возражений против самого решения коллегии и присоединяется к нему, однако, либо считает приведенные доводы или пути решения правового спора неудачными, либо привносит в аргументацию дополнительные соображения. Данный вид особых мнений характеризуется большей свободой выражения правовой позиции в части как содержания, так и аргументов.

Одним из дискуссионных вопросов в современной лингвистике является вопрос о самостоятельности особого мнения в жанровом пространстве судебного дискурса. Проведенный анализ литературы свидетельствует о наличии двух точек зрения по данному вопросу.

Так, Л.В. Шевырдяева, рассматривающая особые мнения согласия и несогласия как поджанры судебного решения, характеризует особое мнение согласия как развивающийся поджанр, а особое мнение несогласия как полемический, оппонирующий поджанр судебного решения (Шевырдяева, 2009, с. 38).

Иного мнения по данному вопросу придерживается К.Л. Лангфорд, определяющая в своей работе «Toward a Genre of Judicial Dissent: Lochner and Casey as Exemplars» («К жанру судебного несогласия: на примере дел Лохнер и Кейси») особое мнение как самостоятельный жанр. Автор отмечает, что

«особые мнения согласия и несогласия отражают различные правовые интерпретации и, следовательно, альтернативный правовой и риторический выбор» (Langford, 2009, p. 1). Точку зрения К.Л. Лангфорд разделяет О.А. Крапивкина, утверждающая самостоятельность особого мнения как жанра судебного дискурса. В качестве аргумента зрения автор указывает на персонализированный характер, индивидуально-авторский подход к процессу создания и особые цели, которые преследуют авторы данного типа текста (Крапивкина, 2011, с. 145).

На основе анализа эмпирического материала мы попытаемся привести собственные аргументы в пользу положения о самостоятельности особого мнения в жанровом плане. При этом, в первую очередь, полагаем необходимым обратиться к определению самого термина «жанр».

В своем труде «Проблема речевых жанров» М.М. Бахтин называет речевым жанром «относительно устойчивые типы высказываний», отражающие «не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением», специфические условия и цели той или иной области человеческой деятельности (Бахтин, 1996, с. 159).

Таким образом, определение жанра, данное М.М. Бахтиным, указывает нам на три обязательных элемента, сочетание которых необходимо для отнесения речевого произведения к самостоятельному жанру, а именно: содержание, стиль («Где стиль, там жанр» – Там же) и композиционное построение.

Относительно содержания особого мнения необходимо констатировать, что оно в каждом случае, очевидно, коррелирует с основным решением, поскольку оба речевых произведения разворачиваются вокруг одного и того же правового спора. Вместе с тем, необходимо обратить внимание на композиционную свободу выражения особых мнений, что на фоне высокой структурированности текстов основных судебных решений, соответствующих

общепринятой трехчастной композиции (Суетина, 2021 в, с. 204), свидетельствует об их жанровой самостоятельности.

Кроме того, существенные отличия стиля изложения решения и особого мнения также позволяют, на наш взгляд, обособить их в жанровом плане. Проиллюстрируем данный тезис на примерах.

Институт особых мнений служит гарантом судейской независимости и позволяет судьям позиционировать себя не только частью дискурсивного экспертного сообщества, но и суверенной личностью, носителем и транслятором субъективной творческой правовой позиции, максимально эксплицировать свое профессиональное «я». Стилистика особого мнения обусловлена, таким образом, его персонализированным, субъективным характером, что находит выражение в преобладании эмоционально-экспрессивных, образных, оценочных средств выражения.

В качестве одного из ярких примеров обозначенных выше признаков приведем ранее упомянутое особое мнение судьи Верховного суда США О.У. Холмса по делу *Abrams v. US (1919)*, получившее статус «философского обоснования» первой конституционной поправки:

I regret that I cannot put into more impressive words my belief that, in their conviction upon this indictment, the defendants were deprived of their rights under the Constitution of the United States (Abrams v. US, Mr. Justice Holmes, USSC, 1919). – Я сожалею, что не могу описать более выразительными словами свою убежденность в том, что при вынесении приговора по этому обвинительному заключению обвиняемые были лишены своих прав, гарантированных Конституцией Соединенных Штатов.

Мы видим в данном фрагменте высокую степень эмоционального сожаления судьи по поводу несправедливого вынесенного коллегами обвинения, противоречащего духу американской Конституции.

Читаем далее:

But when men have realized that time has upset many fighting faiths, they may come to believe... that the ultimate good desired is better reached by free trade

in ideas – that the best test of truth is the power of the thought to get itself accepted in the competition of the market, and that truth is the only ground upon which their wishes safely can be carried out. That, at any rate, is the theory of our Constitution (Abrams v. US, Mr. Justice Holmes, USSC, 1919). – Но когда люди осознают, что время разрушило многие воинствующие верования, они могут прийти к убеждению..., что желаемое высшее благо достигается свободной торговлей идеями, что лучшим испытанием истины является способность мысли быть принятой в конкурентной борьбе на рынке и что истина – единственная основа, на которой их желания могут быть благополучно реализованы. Такова, во всяком случае, теория нашей Конституции.

Впоследствии широкую известность и частую цитируемость как в профессиональном сообществе, так и в американских СМИ получило выражение *marketplace of ideas*, являющееся ни чем иным, как сжатой в единой метафоре правовой позицией о свободе слова судьи Холмса (Крапивкина, 2011, с. 146).

В качестве другого примера приведем особое мнение несогласия судьи Верховного суда США Д.П. Стивенса, заявленного по итогам рассмотрения дела *Bush v. Gore* (2000) по результатам проведенных в стране президентских выборов.

It is confidence in the men and women who administer the judicial system that is the true backbone of the rule of law. Time will one day heal the wound to that confidence that will be inflicted by today's decision. One thing, however, is certain. Although we may never know with complete certainty the identity of the winner of this year's Presidential election, the identity of the loser is perfectly clear. It is the Nation's confidence in the judge as an impartial guardian of the rule of law (Bush v. Gore, Justice Stevens, USSC, 2000). – Именно доверие к мужчинам и женщинам, которые управляют судебной системой, является истинной основой верховенства закона. **Время однажды залечит рану, которая будет нанесена доверию сегодняшним решением.** Одно, однако, можно сказать

наверняка. Хотя мы, возможно, никогда не узнаем с полной уверенностью личность победителя президентских выборов этого года, личность проигравшего совершенно ясна. Это доверие нации к судьбе как беспристрастному стражу верховенства закона.

Приведенный отрывок наглядно демонстрирует абсолютную убежденность судьи Стивенса в немотивированности вынесенного коллегией решения, которое ставит под удар доверие нации к судебной власти.

Таким образом, можно заключить, что особое мнение является уникальным самостоятельным жанром судебного дискурса, в котором аргументированность достигается, с одной стороны, логичностью и апелляцией к букве закона, с другой стороны – использованием разнообразных средств эмоционального речевого воздействия.

Другим, не менее важным вопросом, в плане сегментации и архитектоники судебного решения, является проблема самостоятельности особого мнения как текстового документа. В науке, в частности, высказывается мнение о том, что особое мнение судьи не является составной частью судебного решения (Болдырева, 2014). Для ответа на данный вопрос, проанализируем тексты решений Верховных судов США, Великобритании, Австралии и Канады, содержащие особые мнения, а также попытаемся дать собственное определение особого мнения.

Первое, на что следует обратить внимание, это расположение особого мнения относительно других частей текста решения (вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная). Проведенный анализ показал, что в плане архитектоники документа особое мнение всегда следует за основным решением, заключая его.

Отдельного упоминания заслуживает то, что во всех текстах решений Верховных судов Великобритании (см., например, решения: *Bank of Cyprus UK Limited v Menelaou*, 2015; *The Child Poverty Action Group v Secretary of State for Work and Pensions*, 2010; *The Financial Conduct Authority v Arch Insurance Ltd and others*, 2021), Канады (см., например, решения: *Bent v. Platnick*, 2020;

Montréal (Ville) v. Octane Stratégie inc., 2019; *MacDonald v. Canada*, 2020) и Австралии (см., например, решения: *De Silva v The Queen*, 2019; *McPhillamy v The Queen*, 2018; *The Queen v Beckett*, 2015), подвергнутых изучению и содержащих особые мнения, нумерация параграфов либо страниц (либо тех и других одновременно) основного решения не прерывается особым мнением, а следует далее, что, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о том, что судебными коллегиями высших судебных инстанций вышеупомянутых стран особое мнение воспринимается и транслируется как структурно-функциональный элемент текста решения.

Несколько иначе обстоит дело в Верховном суде США, где каждое заявленное мнение судьи начинается с новой страницы, и нумерация страниц, при этом начинается заново (см., например, решения: *Carpenter v. US*, 2018; *Alabama association of realtors v. Department of Health and Human Services*, 2021, *State of Florida v. State of Georgia*, 2018), чем акцентируется автономность и независимость профессионального мнения каждого судьи в составе коллегии.

Возможно предположить, что в подобной структурной реализации института особого мнения Верховным судом США находит свое выражение концепт американского индивидуализма, ставшего «ключевым фактором самоопределения нации», базис которого составляет «утверждение абсолютной ценности свободы личности в обществе» (Шурыгина, 2014, с. 37). Вместе с тем, совершенно очевиден тот факт, что особое мнение не может существовать абсолютно автономно, вне содержания и контекста, определяемого основным решением, без которого оно утратило бы свою сущность и назначение.

На основании проведенного анализа предлагаем определить особое мнение судьи коллегиального органа как факультативный, структурно-функциональный элемент судебного решения, включенный в текст решения либо прилагающийся к нему в виде отдельного документа, не имеющий обязывающей юридической силы, существующий, однако, в неразрывной

логической, семантической и структурной связи с основным судебным решением, определяющим его содержание и контекст и отличающимся индивидуальной аргументацией, эмоциональностью, образностью и оценочностью.

2.2. Специфика реализации основных принципов семантической организации текстов судебных решений

Судебное решение является многоаспектным текстовым феноменом, изучение которого в теоретическом и практическом аспектах предполагает обращение к разным планам текста как семантического единства в соответствии с избранным направлением исследования.

Семантическое пространство текста представляет собой комплексное, многослойное образование. При этом в лингвистических трудах имеет место разграничение категорий «значение» («семантика»), «содержание» и «смысл». Семантическая структура текста представляет собой, по мнению Е.А. Баженовой, «значение составляющих текст языковых единиц и их способность во взаимодействии друг с другом отражать объективную действительность» (Баженова, 2001, с. 14). В тексте «манифестация концептуально-значимой информации происходит посредством ключевых для выражения смысла слов» (Серебрякова, 2007, с. 21). На основании входящих в текст языковых единиц формируется содержательность текста. Важно также отметить близость категорий содержательности и информативности, принимая во внимание взаимосвязь содержательной структуры текста и кодированием содержащейся в нем информации (Баженова, 2001, с. 14).

Смысл текста, как отмечает М.Н. Кожина, формируется путем «приращения» дополнительного значения у языковых единиц «за счет их особой организации в речи, контекста, и влияния экстралингвистических факторов» (Кожина, 1987, с. 16). Таким образом, смысл текста является комплексным, иерархически организованным образованием, он не ограничен значением его составляющих, а актуализирует определяемый контекстом вариант значения слова.

В процессе формирования смысла важную роль играют экстралингвистические факторы, к которым относят характер и ситуация возникновения текста, субъективная интенция автора, фоновые знания адресатов. Подобная соотнесенность с экстралингвистическими факторами обуславливает важность учета функционально-стилистических характеристик текста при интерпретации его смысла.

Семантика судебного решения как делового текста предполагает анализ денотативно-референтных компонентов его содержания, имеющих коммуникативно-прагматический характер. Принимая во внимание чрезвычайную важность восстановления максимально точной картины произошедших событий для правильной их последующей правовой квалификации, первостепенное значение при рассмотрении денотативно-референтной перспективы судебного решения приобретают факты (событийная основа), свидетельствующие о конфликтной ситуации.

Иными словами, для текстов судебных решений принципиально важным является максимально точное отражение реально произошедших событий. По мнению О.П. Сологуб, ключевую роль в данном аспекте имеет «денотативная семантика, которая выражается лексическими единицами, называющими реалии и понятия описываемой ситуации» (Сологуб, 2007, с. 114).

Содержащиеся в текстах судебных решений сообщения являются референтными, поскольку точно отражают реально произошедшие события. Проиллюстрируем на примерах представленный в судебных решениях информативный нарратив:

- ...he had, by the time he ceased working underground in 1994, been afflicted with a condition known as Vibration White Finger (Perry v Raleys Solicitors, UKSC, 2019). – ...к тому времени, когда он перестал работать в подполье в 1994 году, у него было заболевание, известное как вибрационная болезнь;

- In 1988, M became the owner of 183,333 common shares of the Bank of Nova Scotia (MacDonald v. Canada, SCC, 2020). – В 1988 году М стал владельцем 183 333 обыкновенных акций Банка Новой Шотландии;

- M made cash settlement payments totaling approximately \$10 million (MacDonald v. Canada, SCC, 2020). – М произвел расчетно-кассовые платежи на общую сумму около 10 миллионов долларов;

- On 12 April 2019, Bell, Keane and Nettle JJ granted the appellant special leave to appeal on a single ground (De Silva v The Queen, HCA, 2019). – 12 апреля 2019 года Белл, Кин и Неттл Джей-Джей предоставили заявителю специальное разрешение на апелляцию по одному основанию;

- In October 1997 Professor Kester reported, after an examination of Mr Perry, that he suffered from VWF (Perry v Raleys Solicitors, UKSC, 2019). – В октябре 1997 года профессор Кестер сообщил после допроса мистера Перри, что он страдает от вибрационного синдрома.

Денотативная семантика в приведенных текстах судебных решений представлена преимущественно такими лексическими единицами, как реалии, временные рамки и понятия описываемой ситуации, а также юридические термины.

Базовыми понятиями описываемой ситуации в текстах судебных решений, согласно нашим наблюдениям, являются:

- наименование заявителя (*Appellant*);
- наименование ответчика (*Respondent*);
- наименование представителей заявителя и ответчика (*Representation*);
- состав суда;
- свидетели по делу;

- даты слушания по делу;
- наименование законов (*Statutes and Regulations Cited*);
- наименование прецедентов, релевантных для указанного дела (*Cases cited*);
- наименование судебных инстанций (*Supreme Court of Canada, Tax court, Federal Court of Appeal*), государственных органов (*Congress, Government*) и организаций (*Bank of Nova Scotia*), а также должностных лиц (*Senator, Judge*).

Приоритетное место в текстах судебных решений занимает когнитивная информация, представленная преимущественно юридической терминологией. По мнению П.М. Тиерсмы, наиболее часто цитируемыми лингвистическими особенностями юридического языка являются среди прочего «техническая лексика и архаичная, формальная, необычная или сложная терминология» (Tiersma, 2015, p. 27). Аксиоматично, что использование терминологии «способствует точности в процессе коммуникации» (Гамзатов, 2012, с. 149).

Под термином (от лат. *terminus* – граница) понимается «языковой знак (слово или словосочетание), соотнесенный со специальным (научным, профессиональным и др.) понятием» (Алексеева, 2011, с. 544). К свойствам термина относят дефинитивность, мотивированность, структурность, системность, критерием же терминологичности является специальная область употребления.

Общеизвестны требования, которые предъявляются к идеальному термину: термин должен иметь четкое определение, соотноситься с одним конкретным понятием, не иметь синонимов и омонимов. Как отмечает М.Г. Гамзатов, «перевод термина в отличие от перевода общеупотребительных слов основан на прочной, регламентированной связи наименования и вещи, явления» (Гамзатов, 2012, с. 15).

В настоящее время многие проблемы языкознания могут быть решены в рамках когнитивного подхода, позволяющего анализировать явления окружающего мира в их взаимодействии. Так, в сфере теории права примером

эффективного использования когнитивного подхода является разработка терминосистем, «соответствующих основным правовым доктринам современности – англосаксонской и романо-германской» (Шевченко, 2006, с. 4).

Юридическая терминологическая система представляет собой совокупность лексических средств языка, используемых для точной передачи юридических понятий. Именно использование терминологии позволяет обеспечить точность, лаконичность и компактность, избежать повторов и громоздких синтаксических конструкций. Совершенно очевидно, что успех коммуникации в правовой сфере определяется адекватным пониманием текста участниками коммуникации (Гамзатов, 2012, с. 15). Термины, будучи носителями, в первую очередь, когнитивной информации, фиксированы в содержательном плане, преимущественно однозначны и характеризуются нулевой стилистической окраской.

В научной литературе также выделяется понятие «юридизации» правового текста, при этом отмечаются четыре ее степени, влияющие на процесс его адекватного восприятия. Максимально терминологизированные тексты создают высшую степень юридизации, среднюю степень представляют тексты, связанные с законоисполнением, третью степень являют собой тексты, созданные неспециалистами, но имеющие юридическое предназначение, четвертую – тексты, созданные вне установки на юридическое функционирование, но попавшие в него по объективным причинам (например, в связи с проведением лингвистической экспертизы) (Киндеркнехт, 2015, с. 125). Тексты судебных решений наряду с общей лексикой содержат значительное количество специальной терминологии, так что они могут быть отнесены, на наш взгляд, к средней степени «юридизации».

В научной литературе общепринятым считается деление терминов на однословные, двухсловные и многословные. Традиционно среди однословных терминов больше всего имен существительных. Преобладание терминов-

существительных объясняется тем, что термины по своей природе номинативны.

По способу образования и морфологической структуре однословные термины можно разделить на две основные группы, иллюстрируемые примерами из нашей картотеки:

1) существительные с корневой основой: *appeal* (апелляция), *trial* (судебное разбирательство), *loan* (кредит, ссуда), *hedge* (хеджирование);

2) термины-существительные, образованные от имен существительных, глаголов (как правило, суффиксальным способом): *evidence* (доказательство), *negligence* (халатность), *judgment* (судебное решение), *application* (жалоба), *applicant* (заявитель), *precedent* (прецедент), *defendant* (ответчик).

Анализируя двухсловные юридические термины, можно выделить следующие их типы:

- словосочетания, образованные по модели «прилагательное + существительное»: *general damages* (общий ущерб), *professional negligence* (профессиональная халатность);

- словосочетания, образованные по модели «существительное + существительное»: *breach of duty* (нарушение обязательств), *court of appeal* (апелляционный суд), *burden of proving* (бремя доказывания);

- словосочетания, образованные по модели «причастие + существительное»: *reserved judgment* (отложенное решение), *alleged loss* (предполагаемые убытки).

Примерами многословных терминов могут служить такие номинации, как *cash settlement payments* (расчетно-кассовые платежи), *income tax treatment* (подходный налог).

Адекватное восприятие юридической терминологии осложняются проблемами синонимии, размывающей однозначность высказывания. В плане семантического тождества/различия терминов права принято выделять абсолютные и относительные синонимы (Лебедева, 2019, с. 398):

1) абсолютные (полные) синонимы (не имеющие различий в семантико-стилистическом отношении): например, *lawful/ legal/ legitimate*.

В словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» читаем:

lawful – allowed or recognized by law;

legal – if something is legal, you are allowed to do it or have to do it by law;

legitimate – acceptable or allowed by law (Longman Dictionary of Contemporary English Online).

В Большом англо-русском словаре В.К. Мюллера зафиксирован следующий перевод данных терминов:

lawful – законный;

legal – законный, дозволенный законом, легальный;

legitimate – законный, обоснованный (Мюллер, 2009).

Приведенный пример, таким образом, свидетельствует об отсутствии семантико-стилистических различий между двумя синонимичными терминами, функционирующими в англо-саксонском правовом дискурсивном пространстве.

2) относительные синонимы (обладающие семантико-стилистическими различиями), например, *trial/ litigation/ hearing*. В Большом англо-русском словаре В.К. Мюллера рассматриваемые термины очевидно синонимичны: «*trial* (юр.) – судебное разбирательство; суд»; «*litigation* – тяжба; судебный процесс»; «*hearing* – (юр). разбор дела, допрос в суде» (Мюллер, 2009).

Однако, в Longman Dictionary of Contemporary English Online указанные синонимичные понятия определяются следующим образом:

«*trial – a legal process in which a judge and often a jury in a court of law examine information to decide whether someone is guilty of a crime*»;

«*litigation – the process of taking claims to a court of law*»;

«*hearing – a meeting of a court or special committee to find out the facts about a case*» (Longman Dictionary of Contemporary English Online).

Таким образом, рассмотренный пример свидетельствует о семантическом сходстве указанных терминов, но не их тождественности. Так, термин *trial* характеризует процесс исследования судьей информации в судебном заседании, термин *litigation* – процесс подачи искового заявления, а *hearing* характеризует выяснение фактов не только в суде, но и в других специальных комитетах.

Значимым критерием при выборе информации является ее селекция с точки зрения соотнесенности с сутью рассматриваемого правового спора. Принимая во внимание чрезвычайную важность отражения в текстах судебных решений объективной, истинной информации, очевидно, что в этом случае, информация, не относящаяся к сути рассматриваемого вопроса, а именно информация эмотивно-оценочного характера, в указанные тексты включаться не должна, о чем свидетельствует проведенный нами анализ текстов судебных решений.

Вместе с тем, исследователи делового текста указывают на его волюнтаристический характер, что обусловлено «тональностью предписания, волеизъявления, обязывающего адресата действовать строго определенным образом» (Матвеева, 1990, с. 68). Так, в текстах судебных решений волюнтаристичность высказываний характерна для их резолютивной части и обладает футуральной перспективой, например:

For these reasons, there should be the following orders:

1. Special leave to appeal granted.

2. Appeal treated as instituted and heard instanter and allowed.

3. Set aside order 2 of the orders of the Court of Appeal of the Supreme Court of Victoria made on 21 August 2019 and, in its place, order that:

(a) the appeal be allowed; and

(b) the appellant's convictions be quashed and judgments of acquittal be entered in their place (Pell v The Queen, HCA, 2020).

По этим причинам выносятся следующие распоряжения:

1. Предоставить специальное разрешение на подачу апелляции.

2. Апелляция рассматривается как поданная, немедленно рассмотренная и удовлетворенная.

3. **Отменить распоряжение 2 из постановлений Апелляционного суда Верховного суда штата Виктории, вынесенных 21 августа 2019 г., и вместо этого распорядиться:**

(а) удовлетворить апелляцию и

(б) отменить обвинительные, а вместо них вынести оправдательные приговоры.

Поскольку смысловая структура текста судебных решений детерминируется его регулятивной функцией (Винник, 2009 с. 5), смысл документа должен быть выражен прямо, ясно и однозначно. Глубинный смысл, требующий действий по его декодированию, в судебном решении содержаться не должен. Содержательность текста судебного решения, таким образом, обусловлена приоритетом содержательно-фактуальной информации, выраженной вербально и строго эксплицитной по своей природе.

В общем плане интенционально-смысловую составляющую текстов судебных решений можно определить, на наш взгляд, как вынесение судом обоснованного решения в отношении конфликтной правовой ситуации на основании исследования фактической ее составляющей и соотнесения ее с действующими источниками права.

К специфическим чертам текстов судебных решений относится и широкое использование стандартизированных оборотов и клише, свидетельствующих об унификации и стандартизации процесса судебного разбирательства:

- *the Court of Appeal reversed the judge* – Апелляционный суд отменил решение судьи;

- *to visit upon the client the same burden of proving the facts* – возлагать на клиента такое же бремя доказывания фактов;

- *appeal should be allowed* – апелляция должна быть удовлетворена;

- *beyond reasonable doubt* – вне всяких разумных сомнений;

- *I respectfully dissent* – Я, с уважением, возражаю.

Таким образом, денотативная семантика, образующая содержательную основу текстов судебных решений, выполняет функцию объективного отражения действительности, что имеет первостепенное значение для установления истины в ходе судебного слушания.

Еще одной яркой чертой, присущей языку права в целом и судебному дискурсу в частности, является широкое использование «золотой латыни» – латинской терминологии, представляющей собой заимствования из ныне мёртвого классического латинского языка. Базис юриспруденции, в целом состоящий из дефиниций римского права, в силу ряда причин как научного, так и общекультурного характера, до настоящего времени не только не утратил своей актуальности, но и способствовал развитию юридической науки и практики. Данный процесс в области терминообразования и терминопотребления является не стихийным, а вполне осознанным. В силу сочетания ряда экстралингвистических, а равно и лингвистических факторов «термины-латинизмы, относящиеся к книжному стилю языка и ограниченные в своём употреблении, составляют группу международного фонда терминов, в том числе и юридического плана» (Голощапова, Дьяконова, 2014, с. 54).

Проведенный анализ свидетельствует об активном использовании Верховными судами в своих решениях неадаптированных латинских юридических терминов. Приведем некоторые примеры:

- *de jure* – «согласно праву», выражение, которое обозначает формальное положение дел, юридическое представление о факте или ситуации;

- *de facto* – «на деле», противопоставляется *de jure* и обозначает фактическое положение дел;

- *status quo* – правовое положение, обозначающее возврат к исходному состоянию или сохранение его;

- *certiorari* – «информировать», «удостоверять», термин активно используемый в англосаксонской правовой семье, означает истребование дела вышестоящим судом из нижестоящего суда для пересмотра;

- *contra bonos mores* – «против добрых нравов», против нравственности;

- *amici curiae* – «друг суда», лицо, оказывающее содействие суду;

- *hostes humani generis* – «враг человечества»;

- *per curiam* – постановление, вынесенное апелляционным судом из нескольких судей, в котором решение принимается судом, действующим коллективно;

- *liberato* – оправдание по суду;

- *prima facie* – «с первого взгляда», юридическая жалоба, имеющая достаточные доказательства для проведения судебного разбирательства или вынесения приговора;

- *arguendo* – «в ходе аргументации», в порядке попутного замечания иллюстративного характера (в выступлении судьи);

- *res judicata* – «разрешенное дело», в римском праве положение, в соответствии с которым окончательное решение полномочного суда, вступившее в силу, является обязательным для сторон спора и не может быть пересмотрено;

- *lex mitior* – принцип, согласно которому, если новый закон более благоприятен для обвиняемого, даже в том случае, когда инкриминируемые ему действия были совершены до вступления этого закона в силу, применяется новый закон;

- *lex gravior* – противоположный *lex mitior* по смыслу принцип;

- *praesumptio innocentiae* – «презумпция невиновности», основополагающий принцип уголовного судопроизводства, заключающийся в том, что лицо считается невиновным, пока в суде не доказана его вина;

- *corpus delicti* – состав преступления;

- *ultima ratio* – последний довод.

Отметим, что во всех изученных в ходе настоящего исследования текстах латинские термины выделены курсивом, что подчеркивает не только заимствованный характер, но, в первую очередь, их важность и особый статус, апробированный самим временем.

Таким образом, проведенный анализ особенностей судебных решений разных стран англо-саксонской правовой системы позволяет сделать вывод, что основными принципами организации текста судебного решения на семантическом уровне являются: денотативный характер семантики единиц языка, селекция фактуальной информации с точки зрения ее соотнесенности с сутью правового спора, волюнтативная тональность, прямо и однозначно выраженная смысловая составляющая. Реализация указанных принципов обеспечивает успешную перцепцию коммуникантами содержательной и смысловой структуры судебного решения, что представляет большую ценность ввиду особой социальной важности судебного решения как жанра юридического дискурса.

2.3. Особенности функционирования ономастических терминов в текстах решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы

Адекватное понимание феномена судебного решения предполагает многоаспектное исследование текстов судебных решений и выявление их коммуникативно-прагматических особенностей. Одной из таких специфических характеристик является функциональная активность в данном типе текстов таких вербальных знаков семиотического пространства, как онимы. Онимы представляют собой национально-маркированные элементы

языковой системы, что позволяет говорить о существовании «дискурсивной проекции ономастического пространства» (Косоногова, 2011, с. 4).

При рассмотрении эстралингвистических факторов, влияющих на терминообразовательные процессы в сфере права, необходимо отметить, что онимические термины представляют собой «систему сложных лингво-правовых знаков, имеющих культурную и национально-правовую специфику» (Иконникова, 2005, с. 7) и в наибольшей степени отражают социокультурные, национально-культурные и национально-правовые особенности данного общества, что релевантно для нашего исследования.

Данный раздел посвящен исследованию особенностей функционирования ономастических терминов в текстах решений Верховных судов некоторых стран англо-саксонской правовой системы (Великобритания, США, Канада, Австралия).

Имена собственные наиболее активно инкорпорируются в состав терминологий в странах прецедентной системы права, что объясняется «традицией названия судебных прецедентов, которые часто переходят в названия законов, правовых норм и понятий по именам участников процессов, судей, принимавших прецедентные решения, по названию городов, улиц, где эти преступления были совершены и т.п.» (Косоногова, Малащенко, 2015, с. 175). При этом именно «социально-информационная реальность выступает в качестве семиотического информационного пространства – той среды, условий семиозиса» (Серебрякова, 2018, с. 132), позволяющих раскрывать и интерпретировать содержание рассматриваемых материалов. Ввиду того, что значительная часть правовых понятий англо-саксонской правовой терминосистемы выражена путем онимического обозначения, описание онимов в рамках настоящего исследования приобретает особую важность.

Проведенный анализ функционирования терминов в текстах судебных решений показал, что подавляющее их большинство было зафиксировано в описательно-мотивировочной части судебных решений, что

обусловлено необходимостью правового обоснования позиции суда с помощью ссылок на существующие источники права.

В процессе анализа было выявлено несколько предметных областей онимов в текстах судебных решений.

В первую очередь, к ним относятся названия прецедентов, являющихся одним из важнейших источников права в англо-саксонской правовой системе, где они приобретают статус проприальных терминов, «состоящих из антропонимов и топонимов» (Косоногова, Малащенко, 2014, с. 175). В зависимости от участников судебного процесса их принято подразделять на:

- эпонимические: *Smith v. Parker, Mattz v. Arnett, Gregg v. Scott, Diamond v. Chakrabarty* и др.;

- эпонимо-топонимические: *MacDonald v. Canada, Nebraska, et al., Petitioners v. Mitch Parker, Johnson v. Western Australia, Hagen v. Utah* и т.д.;

- топонимические: *U.S v. Alaska, Ireland v. United Kingdom, Shelby County v. Holder* и др.

В ходе исследования было отмечено широкое использование этнонимов, в основном названий индейских племен, в решениях Верховного суда США (*City of Sherrill v. Oneida Indian Nation, Rosebud Sioux Tribe v. Kneip, South Dakota v. Yankton Sioux Tribe, Mississippi Band of Choctaw Indians v. Holyfield*), что, безусловно, свидетельствует о национально-исторической маркированности данной категории терминов. Следовательно, помимо выделенных и приведенных выше групп прецедентов – терминонимов, полагаем возможным выделить в отдельную группу эпонимо-этнонимические и топонимо-этнонимические проприальные онимы.

В ходе проведенного анализа также была выявлена специфика функционирования в текстах судебных решений терминонимов – правовых принципов, которые, на наш взгляд, также могут быть выделены в отдельную группу. Одним из таких примеров является принцип *Chevron deference (or Chevron doctrine)*, получивший свое название по наименованию знакового дела Верховного суда США 1984 года *Chevron U.S.A., Inc. v. Natural Resources*

Defense Council, Inc. Согласно этому принципу, реализуемому в сфере административного права, федеральные суды обязаны принять толкование федеральным агентством неясных положений статута, делегированного Конгрессом для управления этим федеральным агентством. Chevron U.S.A., Inc. (крупнейшая интегрированная энергетическая компания США) является примером использования коммерческой ономастики в названии прецедента (Горяев, 2018, с. 277).

В качестве других примеров использования коммерческой ономастики в названии прецедентов приведем следующие:

Armstrong v British Coal Corp – название Британской национализированной угольной корпорации, ответственной за добычу угля в Соединенном Королевстве, существовавшей с 1946 г. до ликвидации в 1997 г.;

Allied Maples Group Ltd v Simmons & Simmons – Британская юридическая фирма, имеющая филиалы в некоторых странах Европы, Ближнего Востока и Азии;

Fage UK Ltd v Chobani UK Ltd – Британская компания производящие йогурты;

Cheltenham & Gloucester plc v Appleyard – поставщик ипотечных кредитов и сбережений в Соединенном Королевстве;

Barclays Bank plc v Estates & Commercial Ltd – Британский многонациональный инвестиционный банк;

Scotch Whisky Association and others v The Lord Advocate and another (Scotland) – торговая организация, представляющая индустрию шотландского виски, являющегося важной частью шотландского экспортного рынка;

Marcic v Thames Water Utilities Ltd – крупная частная коммунальная компания, отвечающая за общественное водоснабжение и очистку сточных вод в большей части Большого Лондона;

Modbury Triangle Shopping Centre Pty Ltd v Anzil – торговый центр, расположенный к северо-востоку от Аделаиды;

Association for Molecular Pathology v. United States Patent and Trademark Office United States Patent and Trademark Office – Ассоциация молекулярной патологии, основанная в 1995 г. и зарегистрированная в штате Мэриленд США;

Canadian Broadcasting Corp. Assessment – Канадская вещательная организация;

Canadian Coalition for Genetic Fairness – Канадская общественная группа, основанная в 1997 году, для урегулирования вопросов предотвращения и защиты от генетической дискриминации;

McKinney v. University of Guelph – высшее учебное заведение Канады, расположенное в городе Гуэлф и мн. др.

Данные примеры явственно свидетельствуют о реализации коммерческими организациями, в текстах судебных решений, функции национально-культурной маркированности.

В качестве другого терминома – правового принципа можно привести *Skidmore deference*, получившего свое название по наименованию решения Верховного суда США 1944 г. по делу *Skidmore v. Swift & Co.* (истец – Джон Скидмор). В отличие от *Chevron deference*, *Skidmore deference* в контексте административного права – это принцип судебного пересмотра действий федерального агентства, который применяется, когда федеральный суд соглашается с толкованием статута федеральным агентством на основании продемонстрированных этим агентством убедительных доводов.

Другим важным принципом гражданского судопроизводства, часто используемым судьями Верховного суда США, является *Rooker-Feldman doctrine*, изложенная Верховным судом в делах: *Rooker v. Fidelity Trust Co.*, 263 U.S. 413 (1923) и *District of Columbia Court of Appeals v. Feldman*, 460 U.S. 462 (1983). Согласно этой доктрине, федеральные суды низших инстанций не должны участвовать в прямом пересмотре решений судов штата, если Конгресс специально не санкционировал такое решение.

Значимыми группами терминов, используемых в текстах судебных решений, являются также:

- названия правовых актов:

а) проприальные: *The Law of Financial Derivatives in Canada, Oregon Death With Dignity Act, Canadian Income Tax Law* и др.,

б) непроприальные: *Fatal Accidents Act, Income Tax Act*, в которых отсутствует мотивирующий оним и которые используются «в качестве номинации уникального документа» (Косоногова, 2015, с. 176);

- названия правовых учреждений и должностей: *Tax Court of Canada, Minister of National Revenue, The Queen, Supreme Court of Queensland, Wash. State Penitentiary, Omaha Tribal Council, United States Patent and Trademark Office* и др.

Таким образом, анализ показал, что специфической характеристикой судебного дискурса стран англо-саксонской правовой системы является широкое использование терминов в ходе изложения судом своей аргументированной позиции. Онимические термины являют собой совокупность комплексных лингвоправовых знаков, имеющих культурную и национально-правовую специфику. Использование в исследованных текстах судебных решений национально маркированных терминов исторически обусловлено функционированием соответствующих судов в рамках англо-саксонской (прецедентной) правовой системы. Основными предметными областями их использования в текстах судебных решений являются: прецеденты (их классификация, на наш взгляд, может быть дополнена этнимическими и коммерческими терминами); нормативные акты, правовые учреждения и должности, а также правовые принципы.

2.4. Коммуникативно-прагматическая специфика речевых стратегий и тактик в аспекте реализации категории аргументации в текстах судебных решений

Современная антропоцентрически ориентированная лингвистика особое внимание уделяет проблемам гармонизации общения в различных сферах жизнедеятельности человека. Изучение феномена аргументации как одного из средств речевого воздействия в таком жанре судебного дискурса, как судебное решение, представляется актуальным, поскольку позволяет исследовать характер когнитивных структур репрезентации специализированных знаний, а также процессов продуцирования и перцепции единиц речи в акте аргументации в рамках профессионально ориентированной коммуникации. В данном исследовании мы исходим из широкой трактовки речевого воздействия: «речевой общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» (Иссерс, 2003, с. 21). Актуальность исследования данного аспекта коммуникации определяется важностью обеспечения эффективного взаимодействия России с зарубежными странами в области правового сотрудничества, в связи с чем перед отечественными лингвистами возникает задача осмысления лингвопрагматических особенностей аргументативной составляющей юридического дискурса.

Аргументация представляет собой комплексное явление, многомерное междисциплинарное пространство, выступающее объектом исследования таких наук, как логика, социальная психология, культурология, психолингвистика, лингвопрагматика и др., демонстрирующих коммуникативную обусловленность характера аргументации. Аргументативный процесс изучается в рамках формально-логического, тактического, риторического, социально-психологического, социокультурного, психолингвистического подходов (Василенко, 2011, с. 17). Настоящее же исследование выполнено в рамках лингвокогнитивного

подхода, предполагающего анализ как собственно лингвистических, так и когнитивно-прагматических аспектов коммуникации (Красных, 2000, с. 41).

Задача данного раздела – установить особенности функционирования в текстах судебных решений речевых стратегий и тактик, реализующих категорию аргументации. Отметим присущую этому жанру высокую степень осознанности речевых действий, т.е. реализацию намеренного речевого воздействия посредством убеждения, аргументации.

В юридической литературе к основным требованиям, предъявляемым к судебному решению, обычно относят требования законности (соблюдение норм материального и процессуального права, письменной формы, реквизитов) и обоснованности (разрешение спора с учетом представленных доказательств). Однако для целей настоящего исследования наибольший интерес представляет требование мотивированности, ранее исключавшееся в качестве самостоятельного и лишь недавно получившее заслуженное признание. Мотивированность представляет собой «алгоритм мыслительной деятельности судьи по вопросам применения права, оценки фактических обстоятельств дела, доказательств» и проявляется в виде изложения аргументов, затрагивающих как вопросы факта, так и вопросы права, на основании которых суд приходит к тому или иному заключению (Сушкова, Кулиш, 2017, с. 3).

Мы разделяем точку зрения И.П. Хутыз о том, что «специфика персуазивных средств определяется требованиями жанра» (Хутыз, 2018, с. 393). Важно подчеркнуть, что целью судебной коммуникации является решение правового спора путем аргументированного убеждения реципиента в законности, обоснованности и мотивированности принятого решения, при этом ее эффективность напрямую коррелирует с задачами речевого воздействия. Мотивированность решения суда, таким образом, в значительной степени зависит от «правильности выбора стратегий речевого воздействия, то есть от умелого ведения стратегической коммуникации» (Мальцева, 2011, с. 153). Под стратегией речевого воздействия автор понимает «способ

оперирования информацией с целью изменения поведения объекта речевого воздействия в направлении, планируемом субъектом речевого воздействия» (Мальцева, 2011, с. 153). Вариативность избрания данных способов определяет необходимость обращения к понятию речевой тактики как одного или нескольких речевых действий, способствующих реализации стратегии. Речевые тактики, являясь прикладным инструментом говорящего, обеспечивают такой важный конституирующий признак речевой стратегии, как гибкость (Красных, 2000, с. 100), предполагающий использование различных языковых средств и приемов речевого воздействия, выбор которых определяет базовая речевая стратегия говорящего.

По мнению А.С. Александрова, необходимыми составляющими единого процесса стратегической коммуникации являются как рациональная аргументация, так и нравственное и эмоционально-психическое убеждение. Таким образом, подчеркивается психологическая составляющая речевого воздействия, а на первое место выдвигается фактор адресата (Александров, 2003, с. 34).

Характеризуя общий метод построения процесса аргументации в странах англо-саксонской системы права, заметим, что в науке зачастую отмечается приоритет, отдаваемый в англосаксонской правовой семье индуктивному методу аргументации над дедуктивным. Идея индуктивного метода судебной аргументации исходит из того факта, что часто судья извлекает необходимую для решения дела норму из одного или нескольких предшествующих решений.

Однако мы разделяем точку зрения Р. Кросса о том, что важно в первую очередь определить место аргумента в рассуждении. Так, «рассуждение будет дедуктивным, когда дело касается применения закона, поскольку из общего выводится частное, и индуктивным – когда дело касается прецедентного права, поскольку из частного выводится общее» (Кросс, 1985, с. 181).

Важно отметить, что для выделения основных и вспомогательных речевых стратегий исходным пунктом является разграничение основных и

второстепенных целей коммуникации (Мальцева, 2011, с. 154). Согласно нашим наблюдениям, данная классификация речевых стратегий в полной мере применима к текстам судебных решений. Основными разновидностями семантических (когнитивных) стратегий являются стратегии убеждения, деконструкции и интерпретации действительности. Принимая во внимание тот факт, что весь процесс доказывания судом построен, главным образом, на рациональной аргументации, убеждение как стратегия превалирует в текстах судебных решений. По мнению М.О. Осетровой, в рамках персуазивного процесса авторы «сознательно продуцируют сообщения, нацеленные на то, чтобы вызвать определенную реакцию у реципиента или повлиять на его точку зрения» (Осетрова, 2020, с. 207). Как показал проведенный анализ текстов судебных решений, стратегия убеждения находит свое выражение в виде таких тактик как:

- тактика экспликации причинно-следственных связей:

The Nixon standard also reduces the risk of subjecting a President to unwarranted burdens, because it provides that a prosecutor may obtain a President's information only in certain defined circumstances (Nebraska v. Parker, USSC, 2015). – *Стандарт Никсона также снижает риск необоснованного обвинения президента, поскольку он предусматривает, что прокурор может получить информацию от Президента только при определенных обстоятельствах;*

- тактика экспликации временных связей:

In 1988, M became the owner of 183,333 common shares of the Bank of Nova Scotia. In 1997, the Toronto-Dominion Bank offered M a loan for up to \$10.5 million (Mac Donald v. Canada, SCC, 2020). – *В 1988 г. М стал владельцем 183 333 общей доли акций Банка Новой Шотландии. В 1997 г. банк Торонто-Доминион предложил М кредит на сумму до 10,5 миллионов долларов;*

- тактика апелляции к авторитетам:

According to Marshall, the sole argument for exempting the President from testimonial obligations was that his «duties as chief magistrate demand his whole

time for national objects» (Trump v. Vance, USSC, 2020). – По словам Маршалла, единственным аргументом в пользу освобождения президента от дачи свидетельских показаний было то, что его «обязанности как главы государства требуют посвящать все время вопросам государственной важности».

В научной литературе указывается, что данная тактика находит свое выражение, в том числе, в способе апелляции к авторитетным источникам в виде норм законодательства (Мальцева, 2011, с. 155). На наш взгляд, этот перечень может быть расширен посредством включения апелляции не только к законам, но и к другим источникам:

- к правовым принципам: *Skidmore deference* – принцип судебного пересмотра действий федерального агентства (Серебрякова, Суетина, 2021, с. 130);

- к правовым доктринам: *Doctrine of constitutional avoidance* – правовая доктрина в конституционном праве США, согласно которой федеральные суды США должны отказываться выносить решения по конституционному вопросу, если дело может быть решено по какому-либо другому основанию;

- к правовым максима́м: *The public has a right to every man's evidence* - правовая максима общего права, корнями восходящая к парламентским дебатам в Англии 1742 г.;

- к прецедентам, занимающим приоритетное место в системе источников права в странах англо-саксонской правовой семьи.

О приоритетном характере судебного прецедента среди источников права в странах англо-саксонской правовой системы свидетельствуют многочисленные авторитетные источники. Так, еще в 1819 г. Президент США Т. Джефферсон написал: «Конституция есть не более чем воск в руках судей, и они могут по произволу придавать ей любую форму» (Ford, 1899, 141). Широко известна также цитата председателя Верховного суда США Дж. Маршалла, заявлявшего, что «конституция страны представляется каждый раз такой, какой ее истолкуют судьи» (Черниловский, 1982, с. 45). Закономерен

вывод о том, что верховенство права в США – это верховенство не столько главного закона страны, сколько актов его толкования. Примером широко известного судебного прецедента является *Marshall's ruling* – постановление главного судьи Верховного суда США Дж. Маршалла, закрепляющее возможность вручения президенту повестки о явке в суд.

Все вышеуказанные разновидности рассматриваемой тактики, на наш взгляд, могут быть объединены в общую группу «апелляция к источнику права», в рамках которой происходит варьирование в избрании той или иной тактики в зависимости от иерархии источников права, принятой в правовой системе, в рамках которой проходит конкретное судебное разбирательство.

Принимая во внимание, что процесс аргументации в рамках судебного дискурса невозможен без исследования доказательств в виде материалов дела, полагаем необходимым расширить применительно к судебному дискурсу содержание тактики апелляции к авторитетам следующими позициями:

- апелляция к вещественным доказательствам:

According to the police photographs taken by Constable Botelanga during the second search of the premises, there was a mattress... (Diehm v Director of Public Prosecutions, HCA, 2013). – **Согласно фотографиям полиции, сделанным констеблем Ботелангой во время второго обыска помещения, там был матрас...**;

- апелляция к показаниям свидетелей:

According to the witness, there was laughter in the background (Diehm v Director of Public Prosecutions, HCA, 2013). – **По словам свидетеля, на заднем плане раздавался смех.**

Как показал анализ, перечень тактик стратегии убеждения, характерных для судебной коммуникации, может быть дополнен, на наш взгляд, также тактикой апелляции к историческим фактам, широко используемой в текстах судебных решений Верховного суда США:

We now turn to the history surrounding the passage of the 1882 Act. The mixed historical evidence relied upon by the parties ... (Nebraska v. Parker, USSC,

2015). – *Теперь обратимся к истории, связанной с принятием Закона 1882 г. Смешанные исторические свидетельства, на которые опирались стороны...*

Необходимо обратить внимание на то, что в психолингвистических исследованиях устанавливается обусловленность речевого воздействия личностными особенностями коммуникантов. Например, в научной литературе описывается феномен «комплекса отцов-основателей», представляющий собой особое трепетное отношение граждан США к истории своей страны, ее знаковым эпизодам и персоналиям, что оказывает заметное влияние на сознание американцев (Кучерук, 2009, с. 90). В этой связи становится очевидной причина многократного обращения судом в процессе аргументации к историческим фактам. Таким образом, выбор речевых стратегий и тактик в процессе обоснования судом своей позиции обусловлен, на наш взгляд, как прагматическими, так и культурологическими факторами.

Еще одной когнитивной стратегией, реализуемой в текстах судебных решений, является стратегия деконструкции, основной тактикой которой является тактика дискредитации. В текстах судебных решений она направлена на разрушение или порождение сомнения «в доброкачественности смысловой структуры» (Мальцева, 2011, с. 155) аргументов одной из процессуальных сторон. Так, в ходе аргументации судьей приводится цитата из методического пособия «Импичмент: руководство» (2018) С. Блэка и П. Боббитта:

Does anyone really think ... that it is feasible to subject the president – and thus the country – to every district attorney with a reckless mania for self-promotion (Trump v. Vance, USSC, 2020). – *Неужели кто-нибудь действительно думает..., что возможно подчинить президента – и, следовательно, страну – всякому окружному прокурору с безрассудной манией саморекламы.*

Таким образом, судья подвергает сомнению смысловой тезис об объективной необходимости явки президента по повестке в суд. В противовес он выдвигает предположение о том, что вызов президента повесткой в суд

может быть связан не столько с объективной необходимостью, сколько с «безрассудной манией окружного прокурора к саморекламе».

Согласно нашим наблюдениям, текстам судебных решений присуще также использование и противоположной когнитивной речевой стратегии – стратегии созидательной конструкции и соответствующей ей речевой тактики восхваления, позволяющей укрепить «фундамент» аргументации:

The representations made on behalf of the Executive Branch ... merit our respectful and deliberate consideration (Clinton v. Jones, USSC, 1996). – *Заявления, сделанные от имени исполнительной власти..., заслуживают нашего уважительного и обдуманного рассмотрения.*

Двумя другими, противоположно направленными тактиками в рамках когнитивной стратегии интерпретации (Мальцева, 2011, с. 156), активно реализуемыми в текстах судебных решений, являются тактики:

- интенсификации:

... because «criminal litigation» poses unique burdens on the President's time and will generate a «considerable if not overwhelming degree of mental preoccupation» (Trump v. Vance, USSC, 2020). – *... потому что «уголовное судопроизводство» накладывает большое бремя на график президента и вызовет «значительную, если не ошеломляющую степень интеллектуальной озабоченности»;*

- приуменьшения:

But even if a tarnished reputation were a cognizable impairment, there is nothing inherently stigmatizing about a President performing the citizen's normal duty... (Trump v. Vance, USSC, 2020). – *Но даже если бы запятнанная репутация была ощутимым ущербом, в том, что президент выполняет обычный гражданский долг, по сути, нет ничего позорного...*

Вариативно гибкое чередование вышеуказанных тактик в рамках аргументативного процесса позволяет судьям одновременно расставлять акценты на выгодных для них элементах обоснования позиции и выборочно «затушевывать» или «дозировать» некоторые данные.

В числе вспомогательных речевых стратегий рассмотрим подробнее, в первую очередь, подгруппу прагматических стратегий, приобретающих важность в свете решения задачи убеждения реципиента в мотивированности принятого решения. Так, в текстах судебных решений выявлено функционирование в рамках данных стратегий таких тактик, как:

- статусно-ролевая тактика, призванная подчеркнуть ритуальность и регламентированность процесса принятия решения, а также обозначить положение сторон, чаще путем процессуальных наименований: *appellant, respondent, Justice, Court*;

- тактика построения имиджа, позволяющая создать определенный образ участников процесса:

These protections...«apply with special force to a President, in light of the office's unique position as the head of the Executive Branch» (Trump v. Vance, USSC, 2020). – *Эти средства защиты...«применяются с особым воздействием на Президента в свете его уникального положения как главы исполнительной власти»;*

- тактика создания эмоционального фона способствует формированию у адресата определенного настроения при восприятии текста:

We deal here not with an ordinary election, but with an election for the President... (Bush v. Gore, USSC, 2020). – *Здесь мы имеем дело не с обычными выборами, а с выборами президента....*

Кроме того, в рамках риторической вспомогательной стратегии обеспечения эмоционального воздействия актуализируются тактики:

- привлечения внимания, в том числе путем имитации интонационного выделения элементов текста:

... he directed the prosecutors to proceed with a misdemeanor (yes, misdemeanor) charge for inciting war against Spain (Trump v. Vance, USSC, 2020). – *...он поручил прокурорам выдвинуть обвинение в мисдиминоре (да, мисдиминоре) за разжигание войны против Испании;*

- драматизации:

*Constitutionally speaking, **the President never sleeps. The President must be ready, at a moment's notice, to do whatever it takes to preserve, protect, and defend the Constitution and the American people*** (Trump v. Vance, USSC, 2020). – С точки зрения Конституции, **президент никогда не спит. Президент должен быть готов в любой момент сделать все возможное, чтобы сохранить, защитить и отстаивать Конституцию и американский народ;**

- имитации диалога, часто посредством вопросно-ответных комплексов, риторических, делиберативных вопросов или вопросов в сослагательном наклонении:

*If a sitting President were charged in New York County, **would he be arrested and fingerprinted?*** (Trump v. Vance, USSC, 2020). – Если бы действующему президенту было предъявлено обвинение в округе Нью-Йорк, **был бы он арестован или подвергнут дактилоскопии?**

- аналогии:

*We instead drew a careful **analogy to the common law absolute immunity of judges and prosecutors...*** (Trump v. Vance, USSC, 2020). – Вместо этого мы провели тщательную **аналогию с абсолютным иммунитетом судей и прокуроров по общему праву...**;

- противопоставления:

*But, as Marshall explained, a king is born to power and can «do no wrong». **The President, by contrast, is «of the people» and subject to the law*** (Trump v. Vance, USSC, 2020). – Но как объяснил Маршалл, король рожден для власти и не может «сделать ничего плохого». **Президент, напротив, является «представителем народа» и подчиняется закону.**

По результатам нашего анализа указанный перечень тактик стратегии эмоционального воздействия может быть дополнен тактикой повтора. Так, например, в решении Верховного суда США по делу *Trump v. Vance* (2020) нами отмечено многократное упоминание двухсотлетнего исторического периода, когда президенты давали показания и представляли доказательства в суде:

Beginning with Jefferson and carrying on through Clinton (Начиная с Джефферсона и до Клинтона), Presidents have uniformly testified... (Президенты равно давали показания...); Drawing on the 200-year history of Presidents being subject to federal judicial process... (Опираясь на 200-летнюю историю президентов, являвшихся субъектами судебных разбирательств...); Marshall's ruling in Burr, entrenched by 200 years of practice... (Постановление Маршалла по делу Барра, подкрепленное 200-летней практикой...);...two centuries of experience confirm that... (...двухсотлетний опыт подтверждает, что...) и др.

Использование рассмотренной тактики в судебном решении позволяет, на наш взгляд, акцентировать внимание на значимых для суда аргументах и, тем самым, придать им «весомость», обеспечить убедительную аргументацию.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в текстах судебных решений категория аргументации реализуется посредством привлечения речевых стратегий (основных и вспомогательных) и вариативного использования соответствующих им тактик. К основным типам семантических (когнитивных) стратегий были отнесены стратегии: убеждения (и соответствующие ей тактики экспликации причинно-следственных и временных связей, апелляции к авторитетам), деконструкции (тактика дискредитации) и интерпретации действительности (тактики интенсификации и приуменьшения).

Как показал анализ текстов судебного решения, стратегия убеждения, может быть также реализована посредством использования ряда тактик: апелляции к источникам права (нормативным актам, правовым принципам, правовой доктрине, правовым максимам и судебным прецедентам), апелляции к материалам дела (вещественным доказательствам и свидетельским показаниям), а также апелляции к историческим фактам. Нами также выявлено функционирование стратегии созидательной конструкции и соответствующей ей речевой тактики восхваления.

В процессе анализа текстов судебных решений были также определены особенности реализации вспомогательных речевых стратегий и соответствующих им тактик, а именно, прагматических (статусно-ролевая тактика, тактика построения имиджа и тактика создания эмоционального фона) и риторических (тактики привлечения внимания, драматизации, имитации диалога, аналогии и противопоставления). К тактикам риторической стратегии, на наш взгляд, также может быть отнесена тактика повтора. Успешность реализации параметра мотивированности, предъявляемого к судебному решению, в значительной мере зависит от адекватного выбора стратегий и тактик речевого воздействия.

2.5. Лингвопрагматические особенности идиостиля судей Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы

Будучи жанровыми компонентами официально-делового стиля, тексты судебных решений характеризуются высокой степенью институциональности, что находит свое выражение как в структурно-композиционной, так и в лексико-семантической их организации. Коллективное авторство основных официальных решений, вынесенных судьями Верховных судов, ограниченных в своем речевом поведении ввиду институциональной дискурсивной принадлежности, не позволяет судить о проявлениях идиостиля этих мастеров профессионального языка.

Однако анализ текстов из нашей картотеки показал также наличие в текстах судебных решений такого факультативного, но не менее важного структурно-функционального компонента, как особое мнение, правом заявить которое обладает каждый судья коллегиального судебного органа.

Персонифицированный характер этих документов позволяет установить некоторые особенности идиостиля судей, являющихся авторами заявленных особых мнений в исследуемом нами корпусе текстов.

Необходимо отметить, что в настоящее время судейский идиостиль является недостаточно изученной областью в отечественной лингвистической науке (в частности, некоторые наблюдения по данному вопросу имеют место в работах Л.Н. Шевырдяевой (2008) и Н.П. Глинской (2013), что можно считать свидетельством необходимости их более глубокого исследования.

Считаем целесообразным предварить анализ идиостиля судей Верховных судов общепринятой трактовкой самого термина «идиостиль», введенного в широкое употребление В.П. Григорьевым (Григорьев, 1983). В современной лингвистике выделяют несколько подходов к интерпретации данного феномена:

- семантико-стилистический, в рамках которого идиостиль рассматривается как «структурно единая и внутренне связанная система средств и форм словесного выражения» (Виноградов, 1971, с. 105);

- лингвопоэтический подход, центром которого являются формально-стилистические параметры идиостиля, формирующегося «под воздействием всей экстралингвистической основы – как функционально-стилевой, жанрово-стилевой, так и индивидуально-стилевой» (Болотнова, 2014, с. 175);

- коммуникативно-деятельностный подход, основанный на концепции языковой личности Ю.Н. Караулова, под которой понимается «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» (Караулов, 2010, с. 245);

- когнитивный подход, согласно которому идиостиль представляет собой «систему способов языковой репрезентации доминантных личностных смыслов в эстетической речевой деятельности автора» и предстает как «система логико-семантических способов репрезентации концептуальной

системы автора поэтического текста, объективированная в эстетической речевой деятельности» (Пищальникова, 1992, с. 49);

- системно-структурный подход, трактующий идиостиль как «особый модус лингвистического конструирования миров, некоторую функцию, которая соотносит принимающие различные состояния языка с соответствующим определенному состоянию языка возможным миром» (Золян, 1989, с. 238).

Приведенные толкования свидетельствуют о корреляции категорий идиостиля и идентичности, поскольку последняя в современных исследованиях рассматривается как «конструкт, сформированный с помощью дискурса и влияющий на формирование дискурса» (Хустенко, Шерина, 2021, с. 110). В исследованиях дискурсов, основанных на принципах социального конструкционизма и постструктурализма, категория идентичности как концентрата социальной и дискурсивной деятельности является одной из ключевых.

Заметное место в изучении категории идентичности занимают представители дискурс-анализа, где каждый субъект представляется занимающим уникальную позицию, детерминируемую различными дискурсами. В исследованиях Э. Лакло и Ш. Муфф понятие идентичности отличается наибольшей стабильностью. Идентичность субъекта определяется его отождествлением с определенной позицией в структуре дискурса и конструируется через выстраивание цепочек эквивалентности (цит. по: Хустенко, Шерина, 2021, с. 110).

С точки зрения дискурсивной психологии, изучающей формирование и роль субъектных позиций, идентичность рассматривается как динамичный ресурс, вариативно используемый субъектами в зависимости от их потребностей.

В сторону языка смещается акцент в рамках критического дискурс-анализа и лингвистического анализа, где базовым понятием, описывающим

категорию идентичности, выступает противоречие как параметр категориальной оппозиции.

Разнятся исследовательские позиции ученых относительно вопроса соотношения индивидуальной и социальной идентичности. Так, основной исследовательский интерес М. Биллинга, Д. Эдвардса и Дж. Поттера направлен на использование отдельных идентичностей в коммуникации и социальных действиях. В социолингвистических же исследованиях, напротив, внимание сосредоточено исключительно на социальности идентичности, где принятие определенной роли и занятие индивидом конкретной дискурсивной позиции представляется динамическим выражением ситуационно релевантного аспекта индивидуальной идентичности (Хустенко, Шерина, 2021, с. 110).

Убедительной, на наш взгляд, представляется точка зрения исследователей критического дискурс-анализа, придерживающихся позиции о взаимообусловленности индивидуальной и социальной идентичности. Т.А. ван Дейк подчеркивает, что субъективная репрезентация, «эти ментальные модели специфичных событий, это знание, эти оценки и идеологии в конечном итоге влияют на дискурсы и другие социальные практики» (Дейк, 2013, с. 34).

В свете нашего исследования наиболее важным аспектом социальной идентичности является такая ее разновидность, как идентичность профессиональная, являющаяся, с одной стороны, воплощением представления человека о своем статусе в профессиональном сообществе, с другой стороны, о месте и роли профессионального сообщества, частью которого он является, в системе социальных отношений.

По мнению А.А. Хустенко и Е.А. Шериной, профессиональная идентичность воплощается в дискурсе «посредством оценок, определенных стереотипных установок, создаваемых и транслируемых индивидуумами в процессе профессионального взаимодействия» (Хустенко, Шерина, 2021, с. 110).

О.А. Богинская выделяет в судебном дискурсе по критерию детерминанты две разновидности нарратива: феноменологический и профессиональный (Богинская, 2021, с. 124). С учетом объекта нашего исследования отметим, что в отличие от нарратива, например, свидетельских показаний, детерминированных личным опытом свидетеля, для решения суда, равно как и для особого мнения, характерна доминанта профессионального нарратива, сформированного под влиянием правовых знаний и правового опыта нарраторов.

Принимая во внимание влияние социальной и профессиональной идентичности на формирование дискурса, в нашей работе мы ставим перед собой задачу исследовать характер этого влияния на идиостиль судьи, а также определить конституирующие параметры судейского идиостиля на примере особых мнений судей Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы.

В своей работе Л.Н. Шевырдяева указывает на реализацию в текстах особых мнений двух базовых типов аргументации: формально-логического и риторического, каждый из которых обладает собственным набором характерных параметров (Шевырдяева, 2008, с. 57). Полагаем правомерным согласиться с данной типологией и проиллюстрируем далее характер реализации данных типов аргументации на примерах особых мнений несогласия, заявленных судьями в отношении основных решений Верховных судов стран англо-саксонской системы права.

Рассмотрим особое мнение несогласия, заявленное судьей Верховного суда США К. Томасом по результатам рассмотрения резонансного дела *Trump v. Vance* (2020). Особое мнение судьи К. Томаса можно охарактеризовать как реализующее формально-логический тип аргументации, основанный на доказательствах и умозаключениях. Так, текст особого мнения структурирован, имеет разделы и подразделы: I (A (1,2), B); II (A, B (1,2)). Нарратив от первого лица (*I agree, I would vacate and remand to allow, I reached it, I would do so*) отражает персонифицированный характер особого мнения.

Аргументация особого мнения обеспечивается множественными интертекстуальными включениями в виде ссылок либо цитирования:

- положений Конституции США: *Art. I, §6, cl.1, Vesting Clauses*;
- релевантных судебных прецедентов: *Nixon v. Fitzgerald, Hamdi v. Rumsfeld, Clinton v. Jones*;
- статей политического эссе «Федералист», изданного в 1788 г. в поддержку ратификации Конституции США, в частности, статьи А. Гамильтона:

Alexander Hamilton stated that «[t]he President of the United States would be liable to be impeached, tried, and upon conviction of treason, bribery, or other high crimes or misdemeanors, removed from office; and would afterwards be liable to prosecution and punishment in the ordinary course of law». The Federalist No. 69, p. 416 (C. Rossiter ed. 1961). – Александр Гамильтон заявил, что «Президент Соединенных Штатов будет подвергнут импичменту, предан суду и после осуждения за государственную измену, взяточничество, другие тяжкие преступления или проступки отстранен от должности; и впоследствии будет подвергнут судебному преследованию и наказанию в обычном законном порядке» Федералист № 69, стр. 416 (ред. С. Росситера, 1961);

- других особых мнений:

Judges «simply lack the relevant information and expertise to second-guess determinations made by the President based on information properly withheld» Hamdi, 542 U. S., at 583 (THOMAS, J., dissenting). – Судьям «просто не хватает соответствующей информации и опыта, чтобы пересмотреть на основании тщательно сокрытой информации решения, принятые Президентом» (Хамди, 542, США, в 583 (судья Томас, особое мнения несогласия).

Использование интертекстуализмов обеспечивает реализацию принципов обоснованности и мотивированности особого мнения. Важно отметить, что судья К. Томас, будучи приверженцем консервативной

политико-правовой парадигмы, развивает в своем особом мнении связанные с нею концепты, такие как *Constitution* (Конституция), *nation* (государство), *powers* (полномочия), *duties* (обязательства), *responsibilities* (обязанности), системообразующим среди которых, безусловно, является концепт *Constitution*.

Другим ярким примером реализации формально-логического типа аргументации является особое мнение судьи Верховного суда США С. Сотомайор, заявленное в отношении решения по делу *Jesner v. Arab Bank, PLC* (2018).

Документ представляет собой яркий образец логически выстроенного, строго структурированного особого мнения, опирающегося в своей аргументации, главным образом, на правовую базу в сочетании с законами формальной логики. Логичность изложения обеспечивается при этом как в композиционном плане (деление на разделы и подразделы (I A B C D, II A B (1, 2) C, III)), так и благодаря средствам лексической когезии (например, *first* (во-первых), *second* (во-вторых), *finally* (наконец), *unlike* (в отличие), *moreover* (более того), *in contrast* (в отличие), *ultimately* (в конечном счете), *to the contrary* (напротив), *in fact* (фактически), *in addition* (в дополнение), *instead of* (вместо), *beginning with* (начиная с), *although* (хотя), *likewise* (аналогично), *moreover* (более того), *in sum* (в итоге), *on its face* (на первый взгляд), *by contrast* (в отличие), *furthermore* (кроме того), *in addition* (в дополнение)), обеспечивающим когерентность текста.

В тексте особого мнения категория диалогичности находит свое выражение, помимо использования интертекстуализмов, также в беспрерывной цепочке оппозиций аргументов суда и контраргументов несогласного судьи, апеллирующего «к ценностям и прерогативам, стереотипно закрепленным в общественном сознании» (Хустенко, Шерина, 2021, с. 115), как это наблюдается в следующем примере:

The plurality dismisses the relevance of this Convention because it does not require states parties to hold corporations liable in common-law tort actions... That

critique misses the point. The significance of the Convention is that the international community agreed that financing terrorism is unacceptable conduct and that such conduct violates the Convention when undertaken by corporations.—
Большинство (судей) отвергают актуальность этой Конвенции, поскольку она не требует от государств-участников привлечения корпорации к ответственности в рамках деликтных действий общего права... В результате этой критики упускается главное. Значение Конвенции заключается в том, что международное сообщество согласилось с тем, что финансирование терроризма является неприемлемым поведением и что подобное поведение корпораций нарушает Конвенцию.

В отношении характера реализации категории идентичности отметим также, что оппозиция из аргументов и контраргументов в тексте особого мнения является примером дискурсивного позиционирования, находящего свое выражение в оппозиции «свой-чужой», суть которого заключается в «процессе непрерывной конфронтации собственной идентичности с другими» (Хустенко, Шерина, 2021, с. 113).

Текст особого мнения насыщен интертекстуальными включениями в виде ссылок и цитации:

- международных правовых актов: *Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Convention Against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment;*

- прецедентных решений: *Sosa v. Alvarez-Machain, Kiobel v. Royal Dutch Petroleum Co., Russello v. United States;*

- правовых актов: *Alien Tort Statute, Torture Victim Protection Act, Antiterrorism Act;*

- научных трудов: *Louis Henkin, Foreign Affairs and the United States Constitution.*

Вместе с тем, эмоционально-оценочные средства в тексте рассматриваемого особого мнения фактически отсутствуют. И даже

бросающееся в глаза эмоционально-насыщенное *conscience-shocking behavior* (поведение, шокирующее сознание) в тексте особого мнения является не более чем цитированием правового стандарта, установленного в рамках дела *Rochin v. California* (1952), описывающего, было ли выполнено требование о надлежащей правовой процедуре, предусмотренное Четырнадцатой поправкой к Конституции США.

Являясь сторонницей центристских взглядов с либеральным уклоном, судья С. Сотомайор активно реализует в тексте особого мнения правовые концепты *individual* (личность), *human rights* (права человека), *liability* (ответственность), *law* (закон).

Повествование в тексте особого мнения подчеркнуто персонифицировано: *I would remand* (Я бы вернула), *I see no need* (Я не вижу необходимости), *I agree that* (Я согласна с тем, что) *I give significant weight to the fact* (Я придаю большое значение этому факту), *I would hold that* (Я бы придерживалась того, что), *I would reverse the decision* (Я бы отменила это решение), что свидетельствует о высокой степени осознания судьей своей индивидуальной профессиональной ответственности.

Проиллюстрируем характер реализации риторического типа аргументации на примере особого мнения судьи С. Алито, заявленного в отношении решения по делу *Trump v. Vance* (2020).

Текст особого мнения также является высокоструктурированным, имеет разделы и подразделы (I (A, B); II (A, B, C, D, E)). Как и судья К. Томас, С. Алито, будучи приверженцем консервативной политико-правовой парадигмы, реализует в тексте особого мнения концепты: *Constitution* (Конституция), *Presidency* (Президентство), *safety* (безопасность), *well-being* (благополучие), *responsibilities* (ответственность), *federalism* (федерализм), *powers* (полномочия). Текст особого мнения изобилует интертекстуальными включениями в виде ссылок и цитирования:

- Конституции США: *Art. II, §2, cl. 2, Art. II, §1, cl. 1;*

- судебных прецедентов: *Trump v. Mazars*, *Zivotofsky v. Kerry*, *Murphy v. National Collegiate Athletic Assn*, *McCulloch v. Maryland*;

- комментариев к Конституции судьи Дж. Стори:

Justice Joseph Story endorsed this reasoning in his famous treatise. He wrote that a President's responsibilities necessarily entail «the power to perform [those duties] without any obstruction or impediment whatsoever» and that, as a result, a President is not «liable to arrest, imprisonment, or detention» while in office. 3 Commentaries on the Constitution of the United States §1563, pp. 418–419 (1833). – Судья Джозеф Стори подтвердил это рассуждение в своем знаменитом трактате. Он писал, что обязанности президента обязательно влекут за собой «полномочия выполнять [эти обязанности] без каких-либо препятствий или помех» и что в результате президент «не подлежит аресту, тюремному заключению или задержанию» во время пребывания на своем посту. 3 Комментарии к Конституции Соединенных Штатов §1563, стр. 418-419 (1833);

- статьи А. Гамильтона из политического эссе «Федералист»:

This was how Hamilton explained the impeachment provisions in the Federalist Papers. He wrote that a President may «be impeached, tried, and, upon conviction ... would afterwards be liable to prosecution and punishment in the ordinary course of law» (The Federalist No. 69, p. 416). – Именно так Гамильтон объяснил положения об импичменте в документах федералистов. Он писал, что президент может «подвергнуться импичменту, предстать перед судом и после вынесения обвинительного приговора... впоследствии будет подвергнут судебному преследованию и наказанию в соответствии с обычным законом» (Федералист № 69, с. 416);

- методического пособия «Импичмент: руководство» (2018) С. Блэка и П. Боббитта:

Does anyone really think, in a country where common crimes are usually brought before state grand juries by state prosecutors, that it is feasible to subject the president – and thus the country – to every district attorney with a reckless

mania for self-promotion? – Неужели кто-нибудь, действительно, думает..., что возможно подчинить президента – и, следовательно, страну – всякому окружному прокурору с безрассудной манией саморекламы?

Широкое использование интертекстуализмов обеспечивает реализацию в тексте особого мнения принципов обоснованности и мотивированности.

Отметим, что в особом мнении судьи С. Арито категория диалогичности проявляет себя, помимо использования интертекстуальных включений, следующими языковыми средствами:

- образные оценочные средства: *this case is unprecedented* (этот случай беспрецедентен), *an indispensable role* (незаменимая роль), *this entire imagined scene is farcical* (вся эта воображаемая сцена смехотворна), *the most dramatic example* (самый драматичный пример);

- наличие объемного, многокомпонентного вопросного комплекса, «призывающего» читателя к диалогу, пусть и мысленного:

If a sitting President were charged in New York County, would he be arrested and fingerprinted? He would presumably be required to appear for arraignment in criminal court, where the judge would set the conditions for his release. Could he be sent to Rikers Island or be required to post bail? Could the judge impose restrictions on his travel? If the President were scheduled to travel abroad – perhaps to attend a G–7 meeting – would he have to get judicial approval? If the President were charged with a complicated offense requiring a long trial, would he have to put his Presidential responsibilities aside for weeks on end while sitting in a Manhattan courtroom? While the trial was in progress, would aides be able to approach him and whisper in his ear about pressing matters? Would he be able to obtain a recess whenever he needed to speak with an aide at greater length or attend to an urgent matter, such as speaking with a foreign leader? Could he effectively carry out all his essential Presidential responsibilities after the trial day ended and at the same time adequately confer with his trial attorneys regarding his defense? Or should he be expected to give up the right to attend his own trial and be tried in absentia? And if he were convicted, could he be imprisoned? Would aides

be installed in a nearby cell? etc. – Если бы действующему президенту было предъявлено обвинение в округе Нью-Йорк, был бы он арестован и подвергнут дактилоскопии? Предположительно, он должен был бы явиться для предъявления обвинения в уголовный суд, где судья установит условия для его освобождения. Мог ли бы он быть отправлен на остров Райкерс или потребовалось бы внесение залога? Мог ли судья наложить ограничения на его поездки? Если бы президент планировал выехать за границу – возможно, для участия в заседании Большой семерки, – пришлось бы ему получать разрешение суда? Если бы президенту было предъявлено серьезное обвинение, требующее длительного судебного разбирательства, пришлось бы ему откладывать свои президентские обязанности на несколько недель ради заседания зале суда Манхэттена? Во время судебного разбирательства могли бы помощники подойти к нему и сообщить на ухо о неотложных делах? Смог бы он отлучаться на перерыв всякий раз, когда ему нужно более подробно поговорить с помощником или заняться неотложным делом, например, поговорить с иностранным лидером? Мог бы он эффективно выполнять все свои основные президентские обязанности после окончания судебного дня и в то же время надлежащим образом консультироваться со своими адвокатами по вопросам своей защиты? Или следовало бы ожидать, что он откажется от права присутствовать на собственном судебном процессе и участвовал бы в нем заочно? А если бы его осудили, можно было бы его посадить в тюрьму? И разместились ли бы его помощники в соседней камере? и т.д.

- разнообразных речевых тактик, таких как:

А) тактика создания эмоционального настроя:

*This case is almost certain to be portrayed as a case about the current President and the current political situation, but **the case has a much deeper significance.** – Это дело почти наверняка будет представлено как дело о нынешнем президенте и нынешней политической ситуации, **однако оно имеет гораздо более глубокое значение.***

Б) тактика построение имиджа:

[t]he President is the only person who alone composes a branch of government. – Президент – единственный человек, который в одиночку образует ветвь власти;

President is ultimately responsible for everything done by all the departments and agencies. – Президент в конечном счете несет ответственность за все, что осуществляется всеми департаментами и ведомствами;

These weighty responsibilities impose enormous burdens on the time and energy of any occupant of the Presidency. – Эти тяжелые обязанности являются огромным бременем, которое накладывается на время и энергию любого человека, занимающего пост Президента.

В) тактика драматизации:

Constitutionally speaking, the President never sleeps. – Если говорить языком Конституции, президент никогда не спит.

The President must be ready, at a moment's notice, to do whatever it takes to preserve, protect, and defend the Constitution and the American people. – Президент должен быть готов в любой момент сделать все возможное, чтобы сохранить, защитить и защитить Конституцию и американский народ.

It has been aptly said that the President is the «sole indispensable man in government». – Было метко сказано, что президент является «единственным незаменимым человеком в правительстве»;

Г) тактика противопоставления:

Without a President who is able at all times to carry out the responsibilities of the office, our constitutional system could not operate, and the country would be at risk. – Без Президента, способного в любое время выполнять свои служебные обязанности, наша конституционная система не смогла бы функционировать, и страна оказалась бы в опасности.

Очевидно, что в особом мнении судьи С. Алито реализуется иной, нежели в предыдущих особых мнениях, тип аргументации, который можно охарактеризовать как риторический, отличающийся использованием эмоционально-оценочных средств, вопросительных предложений, а также разнообразных речевых тактик, реализующих категорию аргументации.

Проведенный анализ особого мнения судьи С. Алито также показал, что риторический тип аргументации не исключает широкого использования разноуровневых интертекстуализмов, что позволяет нам не согласиться с утверждением Л.В. Шевырдяевой о том, что для данного типа аргументации характерна минимальная степень интертекстуальности (Шевырдяева, 2008, с. 57).

Важно также обратить внимание на роль контекста в реализации идиостиля судья. Ранее мы упоминали о взаимосвязи категорий идентичности и идиостиля. В научной литературе отмечается важная роль контекста в становлении идентичности. Так, А. де Фина в качестве одного из способов идентификации выделяет контекстную обусловленность, отмечая, что «разные ситуации конституируют разные идентичности» (De Fina, 2018, p. 271). Однако, несмотря на взаимосвязь категорий идентичности и идиостиля, влияние контекста на последнюю весьма несущественно. В частности, мы разделяем точку зрения представителей системно-структурного подхода, о том, что идиостиль представляет собой структуру зависимостей, «в своем развитии обнаруживающую индивидуальный код иносказания творческой личности, который во многом *задан генетически и зависит от способа мышления* данной личности» (Федотова, 2013, с. 224; курсив наш – О.С.). Код иносказания состоит при этом из комбинации связанных с эпизодической и семантической памятью комплексов, лабильных и ригидных концептуальных установок индивида, а также систем композиционных функций и операционных единиц.

В качестве иллюстрации данного положения проанализируем еще одно особое мнение судьи С. Алито, заявленное в отношении другого,

контекстуально отличного решения суда по делу *United States v. Windsor* (2013), касающегося однополых браков.

Прежде всего, отметим прагматически обусловленное использование в особом мнении разнообразных эмоционально-оценочных языковых средств:

- эпитетов: *heated debate* (жаркие дебаты), *highly emotional and important question* (крайне эмоциональный и важный вопрос), *far-reaching consequences* (далекоидущие последствия), *now-shaky institution* (ныне шаткий институт), *striking request* (поразительный запрос);

- сравнений:

Windsor and the United States thus ask us to rule that the presence of two members of the opposite sex is as rationally related to marriage as white skin is to voting or a Y-chromosome is to the ability to administer an estate. – Виндзор и Соединенные Штаты просят нас принять решение о том, что присутствие двух представителей противоположного пола так же рационально связано с браком, как белая кожа связана с правом голосовать или Y-хромосома связана со способностью управлять имуществом.

или:

Acceptance of the argument would cast all those who cling to traditional beliefs about the nature of marriage in the role of bigots or superstitious fools. – Принятие этого аргумента поставило бы всех тех, кто придерживается традиционных убеждений о природе брака, в ряды фанатиков или суеверных дураков;

- метафор:

Unless the Court is willing to allow this to occur, the whiffs of federalism in the today's opinion of the Court will soon be scattered to the wind. – Если Суд не захочет допустить, чтобы это произошло, дух федерализма сегодняшнего мнения Суда скоро будет рассеян по ветру.

Кроме того, в процессе аргументации судья С. Аливо прибегает к использованию речевых тактик:

- создания необходимого для восприятия информации реципиентом эмоционального фона (во вводной части особого мнения):

Our Nation is engaged in a heated debate about same sex marriage. – Наша Страна вовлечена в жаркие дебаты об однополых браках.

- противопоставления:

Same-sex marriage presents a highly emotional and important question of public policy – but not a difficult question of constitutional law. – Однополые браки – крайне эмоциональный и важный вопрос государственной политики, но не сложный вопрос для конституционного права;

- драматизации:

At present, no one – including social scientists, philosophers, and historians – can predict with any certainty what the long-term ramifications of widespread acceptance of same-sex marriage will be. – В настоящее время никто, включая социологов, философов и историков, не может с какой-либо уверенностью предсказать, каковы будут долгосрочные последствия широкого признания однополых браков;

- исторической аргументации:

It is beyond dispute that the right to same-sex marriage is not deeply rooted in this Nation’s history and tradition. – Бесспорно, что право на однополые браки не имеет глубоких корней в истории и традициях этой страны;

- сравнительно-исторической аргументации:

Nor is the right to same-sex marriage deeply rooted in the traditions of other nations. No country allowed same-sex couples to marry until the Netherlands did so in 2000. – Право на однополые браки также не имеет глубоких корней в традициях других народов. Ни в одной стране однополым парам не разрешалось вступать в брак, пока Нидерланды не сделали это в 2000 г.

Важной чертой, отличающей идиостиль судьи С. Алито, является наличие объемных патетико-философских и гипотетических рассуждений (в первом случае – об институте президентства, в приводимом ниже фрагменте – об институте семьи и брака):

The family is an ancient and universal human institution. Family structure reflects the characteristics of a civilization, and changes in family structure and in the popular understanding of marriage and the family can have profound effects...We can expect something similar to take place if same-sex marriage becomes widely accepted. The long-term consequences of this change are not now known and are unlikely to be ascertainable for some time to come. There are those who think that allowing same-sex marriage will seriously undermine the institution of marriage. – Семья – это древний и универсальный человеческий институт. Структура семьи отражает особенности цивилизации, и изменения в структуре семьи и в распространенном понимании брака и семьи могут иметь глубокие последствия. ...Мы можем ожидать, что нечто подобное произойдет, если однополые браки станут широко признанными. Долгосрочные последствия этого изменения в настоящее время неизвестны и, скорее всего, будут очевидны в течение некоторого времени. Есть те, кто считает, что разрешение однополых браков серьезно подорвет институт брака.

Аргументация реализована в тексте особого мнения благодаря широкому спектру разноуровневых интертекстуализмов в виде цитации и ссылок на:

- конституционные положения: *Constitution*, §3;
- судебные прецеденты: *Hollingsworth v. Perry*, *Deposit Guaranty Nat. Bank v. Roper*, *Camreta v. Greene*, *INS v. Chadha*;
- правовые акты: *Defense of Marriage Act (DOMA)*;
- доктринальные положения: *J. Wallerstein, J. Lewis, & S. Blakeslee, The Unexpected Legacy of Divorce: The 25 Year Landmark Study (2000)*;
- особые мнения судей Верховного суда: *United States v. Virginia*, 518 U. S. 515, 524 (1996); *id.*, at 567 (SCALIA, J., dissenting).

Таким образом, проведенный анализ показал, что идиостиль судьи С. Алито обладает уникальными чертами: обилие эмоционально-оценочных языковых средств, разнообразие используемых речевых тактик, наличие

патетико-философских, гипотетических рассуждений, а также сочетание широкого спектра экспрессивных языковых средств с отчетливо выраженной аргументативной доминантой, вне зависимости от контекстуального наполнения.

Другим примером использования искусства профессиональной риторики является особое мнение судьи С. Брейера по резонансному делу *Bush v Gore* (2000). Так, в ходе аргументации своей правовой позиции по делу судья С. Брейер использует речевые тактики:

- драматизации:

...in this highly politicized matter, the appearance of a split decision runs the risk of undermining the public's confidence in the Court itself. That confidence is a public treasure. It has been built slowly over many years, some of which were marked by a Civil War and the tragedy of segregation. – ...в этом крайне политизированном вопросе появление раздельного решения рискует подорвать доверие общественности к самому Суду. Это доверие – общественное достояние. Оно создавалось постепенно в течение многих лет, некоторые из них были отмечены Гражданской войной и трагедией сегрегации;

- интенсификации:

It is a vitally necessary ingredient of any successful effort to protect basic liberty and, indeed, the rule of law itself. – Это жизненно необходимый компонент любых успешных усилий по защите основных свобод и, по сути, самого верховенства закона.

В целях реализации интенции убеждения читателя в своей правоте судья С. Брейер использует средства эмоционального речевого воздействия, такие как метафоры (*self-inflicted wound* – a wound that may harm not just the Court, but the Nation), эпитеты (*agonizingly long election process*).

Кроме того, по ходу текста зачастую используется курсив, позволяющий интонационно выделить значимые смысловые элементы текста.

Диалогичность повествования находит свое выражение в использовании интертекстуализмов в виде ссылок и цитации:

- конституционных положений: *3 U. S. C. § 5; 3 U. S. C. § 15;*
- нормативных актов: *Electoral Count Act of 1887;*
- прецедентов: *Bush v. Palm Beach County Canvassing, Gore v. Harris, Brown v. Board of Education;*

- документов создателей Конституции США: *Elliot's Debates on the Federal Constitution 363 (2d ed. 1876) Madison, July 25, 1787;*

- особых мнений других судей:

As Justice Stevens points out... (dissenting opinion), the ballots of voters in counties that use punchcard systems are more likely to be disqualified than those in counties using optical-scanning systems. – Как указывает судья Стивенс ... (особое мнение), бюллетени избирателей в округах, использующих системы перфокарт, с большей вероятностью будут признаны недействительными, чем в округах, использующих системы оптического сканирования.

- новостных репортажей:

According to recent news reports, variations in the undervote rate are even more pronounced. – Согласно последним сообщениям прессы, отклонения в степени недооценки голосов еще более выражены;

- крылатых высказываний предшественников:

Justice Brandeis once said of the Court, «The most important thing we do is not doing». – Судья Брандейс однажды сказал о Суде: «Самая важная вещь, которую мы делаем, – это не делать ничего».

Другим ярким проявлением диалогичности в текстах особых мнений является использование вопросительных предложений:

But what precisely is the distortion? – Но в чем именно заключается искажение?

I repeat, where is the «impermissible» distortion? – Повторяю, где же «недопустимое» искажение?

Важно подчеркнуть, что благодаря высокопрофессиональной риторике судьи, стремящегося обосновать свою правовую позицию, обеспечивается преемственность в рамках правовой системы. Так, судья С. Брейер стремится не просто процитировать выдержки из того или иного правового акта, но и осуществляет экскурс в законодательную историю его создания, а также транслирует интенцию, вложенную в правовой акт его создателями:

The legislative history of the Act makes clear its intent to commit the power to resolve such disputes to Congress, rather than the courts. – Законодательная история Акта ясно указывает на его намерение передать полномочия по разрешению подобных споров Конгрессу, а не судам.

Закономерным можно считать развитие судьей Брейером, придерживающимся либеральных политико-правовых взглядов, таких правовых концептов, как *fairness* (справедливость), *uniform standart* (единый стандарт), *equal protection* (равная защита), и, конечно же, *liberty* (свобода).

Повествование персонализировано, что свидетельствует об осознанном подходе судьи к индивидуальной профессиональной ответственности: *I agree* (Я согласен), *I need not decide* (мне не нужно решать), *I cannot agree that* (Я не могу согласиться с тем, что), *I fear* (Я боюсь), *I would repair the damage* (Я бы возместил ущерб).

Принимая во внимание объект нашего исследования, важно рассмотреть также лингвопрагматические особенности идиостиля судей на примере некоторых других Верховных судов стран англо-саксонской системы права.

Весьма интересными для анализа, с точки зрения лингвопрагматики, представляются особые мнения несогласия судьи Верховного суда Австралии М. Кирби, получившего прозвище *Great Dissenter* (Великий Возражающий). Его принято считать самым неоднозначным и знаменитым судьей, заявившим за свою карьеру в Верховном суде Австралии особые мнения в отношении приблизительно половины решений по конституционным делам, в разрешении которых он принимал участие.

Рассмотрим в качестве примера его особое мнение, заявленное по делу *Newcrest Mining v the Commonwealth (1997)*.

В данном особом мнении мы видим несколько иной способ сегментации текста, который также структурно подразделяется на части, но эти части не нумеруются, а имеют заглавия (*The proceedings, Compulsory acquisitions in the territories, Arguments for separating s 122 from s 51(xxxi), Application of s 51(xxxi) to territory laws under s 122, Interpretative principle, An alternative approach, Orders*), что прагматически обусловлено задачей обеспечить надлежащее восприятие информации реципиентом, позволяя ему легче ориентироваться в объемном правовом документе.

В тексте особого мнения достаточно широко представлены интертекстуальные включения, выполняющие функцию аргументации избранной правовой позиции судьи. Среди них широкий спектр интертекстуализмов, представленный ссылками на:

- судебные прецеденты: *Teori Tau v The Commonwealth, Australian National Airways Pty Ltd v The Commonwealth, Pay-roll Tax Case*;
- законодательные акты: *Wildlife Conservation Act 1975*;
- международные правовые акты: *Universal Declaration of Human Rights*.

Известный своим ораторским искусством, М. Кирби, аргументируя свою точку зрения, обращается не только к правовой базе, но и к истории вопроса:

Before federation, what is now the Northern Territory of Australia was «annexed to the Province of South Australia by Letters Patent in 1863». – До федерации территория, которая сейчас является Северной территорией Австралии, была «присоединена к провинции Южная Австралия посредством патентных писем в 1863 г.».

Прагматически значимой чертой идиостиля судьи М. Кирби является высокая степень выраженности личностного компонента повествования, что достигается благодаря использованию самым различных оборотов: *I accept (Я соглашаюсь), in my view (на мой взгляд), I shall return to this consideration (Я вернусь к рассмотрению), I first remind myself (Я, в первую очередь, напоминаю*

себе), *I would reject the suggestion* (Я бы отверг предположение), *in my opinion* (по моему мнению), *I have taken the pains* (Я приложил усилия), *I do not consider that* (Я не считаю, что), *the view to which I am driven by* (точка зрения, которой я руководствуюсь) и др.

В тексте особого мнения можно также наблюдать реализацию ряда речевых стратегий и тактик, способствующих обеспечению мотивированности и обоснованности заявленной правовой позиции:

- противопоставление:

It is one thing to expand a National Park for the benefit of everyone who will enjoy its facility. It is another to do so at an economic cost to the owners of valuable property interests in sections of the Park, whose rights are effectively confiscated to achieve that end. – **Одно дело расширять Национальный парк на благо всех, кто будет пользоваться его возможностями. Другое дело – сделать это с экономическими издержками для владельцев ценных имущественных прав на участках Парка, права которых фактически конфискованы для достижения этой цели.**

The duty of the Court is to interpret what the Constitution says and not what individual judges may think it should have said. – **Обязанность Суда состоит в том, чтобы интерпретировать то, что говорится в Конституции, а не то, что, по мнению отдельных судей, должно было быть сказано.**

- интенсификация:

Nevertheless, the result of such a course is so manifestly unjust that the mind inclines against an interpretation of the Constitution which has that consequence. – **Тем не менее, результат такого курса настолько явно несправедлив, что разум отвергает толкование Конституции, имеющее подобные последствия.**

Важно выделить некоторые правовые концепты, реализуемые в особом мнении судьи, такие как *Constitution* (Конституция), *constitutional doctrine* (конституционная доктрина), *power* (власть), *law* (закон), *fundamental rights* (фундаментальные права). При этом отдельного внимания заслуживает

характер реализации правового концепта *international law* (международное право) в идиостиле судьи М. Кирби, игравшего в своей карьере заметную роль в урегулировании конфликтов в международно-правовом поле (Sheller, 2001, р. 396). Среди многочисленных отсылок к международному праву можно отметить:

...international law is a legitimate and important influence on the development of the common law and constitutional law, especially when international law declares the existence of universal and fundamental rights. – ...международное право оказывает легитимное и существенное влияние на развитие общего права и конституционного права, особенно когда международное право провозглашает существование универсальных и фундаментальных прав.

The growing influence of the Universal Declaration upon the jurisprudence in the International Court of Justice may also be noted. – Можно также отметить растущее влияние Всеобщей декларации на судебную практику Международного Суда.

Реализуя концепт *international law* (международное право), М. Кирби приводит один за другим в качестве аргументов примеры из конституций Индии, Малайзии, Японии и Южно-Африканской республики, демонстрируя превосходное владение тактикой сравнительно-правовой аргументации, а также глубокое знание норм международного конституционного права.

Формально-логический тип аргументации, очевидно, иллюстрирует особое мнение судьи Верховного суда Канады С. Котэ, заявленное по результатам рассмотрения дела *MacDonald v. Canada* (2020).

Важнейшей характеристикой данного особого мнения является логичность и аргументированность изложения, которые обеспечивают ряд композиционных и языковых средств. Особое мнение представляет собой прекрасно структурированный текст, где каждая часть не только пронумерована, но и имеет заглавие: *Introduction (Введение)*, *Summary of the Relevant Facts (Краткое изложение релевантных фактов)*, *Trial Judge's*

Factual Findings and Standard of Review (Фактические выводы судьи первой инстанции и критерий пересмотра), *Meaning of Intent* (Содержание намерения), *Intent Is Necessary in Order to Find That the Forward Contract Was a Hedge* (Намерение необходимо для того, чтобы установить был ли форвардный контракт хеджированием), *The Credit Facility and the Securities Pledge Are Irrelevant* (Кредитная история и залог ценных бумаг не релевантны), *No Grounds to Interfere With the Trial Judge's Factual Findings* (Нет оснований вмешиваться в фактические выводы судьи первой инстанции), *Linkage* (Взаимосвязь). Подобная структурная организация текста облегчает рецепцию информации и позволяет реципиенту легко ориентироваться в правовом поле.

Аргументированность изложения достигается благодаря обширному использованию интертекстуализмов в виде ссылок на решение суда первой инстанции, а также на прецеденты (*Underwood v. Ocean City Realty Ltd.*, *Housen v. Nikolaisen*, *Symes v. Canada*).

Текст особого мнения характеризуется высокой степенью персонифицированности, о чем свидетельствуют такие обороты как: *I would, with great respect, hold* (Я бы, с большим уважением, придерживался) *I part ways with my colleague* (Я расхожусь во мнении со своим коллегой), *I see no basis for* (Я не вижу оснований для), *I would therefore allow the appeal* (поэтому я бы удовлетворил апелляцию), *I do not propose to duplicate* (Я не предлагаю дублировать), *I believe that* (Я считаю, что), *I am of the opinion that* (Я придерживаюсь мнения, что), *I would also point out* (Я также хотел бы указать), *I conclude this section* (Я завершаю этот раздел), *I pause here to explain* (Я прерываюсь здесь, чтобы объяснить), *I would therefore restore* (поэтому я бы восстановил).

Текстовая когезия обеспечивается как композиционно, так и благодаря использованию таких средств грамматической связи, как союзы и союзные слова (*but, however, in addition, moreover, unlike, therefore, although*).

Для текста рассматриваемого особого мнения, реализующего формально-логический тип аргументации, не характерно использование эмоциональных оценочных средств, метафорического языка, риторических вопросов, императивов, образных средств, восклицательных предложений или курсива как способа интонационного выделения значимой информации.

В ходе исследования, нами также был проведен анализ некоторых особых мнений, заявленных в отношении решений Верховного суда Великобритании (ранее – Апелляционный комитет Палаты лордов).

Важно отметить, что британской правовой доктриной сформулированы некоторые требования к аргументации доброкачественного (*good quality*) решения, которое должно отвечать следующим параметрам: «1) высказывания лордов, использованные в нем, обязаны быть ясными и понятными читателю, по возможности не допускать двузначного толкования; 2) в решении должно быть показано, каким образом оно вытекает из предыдущей судебной практики (специфика, объясняемая существованием в Великобритании прецедентного права); 3) в аргументации нуждается каждое положение или каждое утверждение, которое ведет от проблемы к решению» (цит. по: Евсеев, 2015, с. 60).

Кроме того, центральным техническим элементом учения о прецеденте является приведение аргументов судебного решения. Не случайно в работе исследователя Р. Кросса в качестве самостоятельной главы освещена тема «Прецедент и судебная аргументация» (Кросс, 1985, с. 175). В научной литературе отмечается, что «судья обязан составить мотивированное мнение (*opinion*) для обоснования выносимого им решения. Мнение судьи должно быть оформлено в полном соответствии с давнишними судебными традициями, включающими... традиционное требование системы общего права представить “мотивированное уточнение” (*reasoned elaboration*) судебного прецедента и другие стандарты “профессионального мастерства” (*craftsmanship*) в отношении мотивированного решения и составления письменного мнения по делу» (Головко, 2010, с. 16).

Использование в ходе аргументации разнообразных языковых средств может «трактоваться как проявление профессионализма судьи» (Евсеев, 2015, с. 57). Судья, таким образом, не только решает правовой спор по существу, но и наполняет свое мнение индивидуальным, уникальным видением, сформулированным на основании представлений данной языковой личности о законе, справедливости и нравственно-правовых принципах.

Рассмотрим в качестве примера особое мнение судьи, лорда Хоффманна по резонансному делу *Campbell v. MGN (2005)*, касающемуся иска манекенщицы Наоми Кэмпбелл к газете «Daily Mirror», опубликовавшей ее фотографии во время лечения в клинике для наркозависимых.

Диалогичность в тексте особого мнения судьи Хоффманна реализуется благодаря использованию:

- вопросов: *By what criteria should such an inquiry be conducted? – По каким критериям следует проводить такое расследование?*

- широкого спектра разноуровневых интертекстуальных включений:

а) Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод: *article 10 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms* – статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод;

б) прецедентов Европейского суда по правам человека:

*The Strasbourg court was fairly undemanding about this state of affairs...: see **McVicar v United Kingdom** (2002) 35 EHRR 22 and a number of earlier Commission rulings cited in para 34 of that judgment. – Страсбургский суд был довольно нетребователен к такому положению дел...: см. **McVicar против Соединенного Королевства** (2002) 35 EHRR 22 и ряд предыдущих решений Комиссии, упомянутых в пункте 34 этого решения.*

в) прецедентных положений Верховного суда: *Callery v Gray, Hollins v Russell, Lownds v Home Office*;

г) ссылок на сборник сочинений древнеримского писателя Авла Геллия:

...like the ancient Roman in the story of Aulus Gellius (*Noctes Atticae* 20.1.13) who was followed by a slave carrying a bag of coins to pay the depreciated statutory penalty to the people whom his master insulted. – ...как древний римлянин в истории Авла Геллия (*Аттические ночи* 20.1.13), за которым следовал раб, несущий мешок монет, чтобы заплатить низкий, установленный законом штраф людям, которых оскорбил его хозяин.

- разнообразных речевых тактик:

а) сравнительно-правовой тактики:

This may be compared with the £1.5m damages which the European Court of Human Rights in Tolstoy Miloslavsky v United Kingdom (1995) 20 EHRR 442 thought so disproportionate even for a foul and persistent libel upon a respected public figure that it infringed the right to freedom of expression guaranteed by article 10 of the Convention. – Это может быть сопоставимо с ущербом в 1,5 миллиона фунтов стерлингов, который Европейский суд по правам человека в деле Толстой Милославский против Соединенного Королевства (1995) 20 EHRR 442 счел настолько несоразмерным даже за грубую и настойчивую клевету на уважаемого общественного деятеля, что это нарушило право на свободу выражения мнений, гарантированную статьей 10 Конвенции.

б) тактики привлечения внимания: *It is important to notice (важно отметить), as I have said (как я уже сказал).*

- использованию оценочных средств:

I myself described it as a rational social and economic policy. – Я сам описал это как рациональную социальную и экономическую политику.

...the **blackmailing effect** of such litigation – эффект шантажа от подобных судебных разбирательств;

It is, however, only a palliative – Однако, это лишь паллиатив;

... **financially strong enough not to submit to pressure** – достаточно финансово сильных, чтобы не поддаваться давлению;

...**strong enough to absorb** – достаточно сильных, чтобы поглотить их.

Отличительной чертой анализируемого особого мнения является ярко выраженная модальность уверенности в избранной правовой позиции, которая реализуется посредством языковых средств: *no doubt (без сомнения), I am sure that (Я уверен, что), apparently (очевидно), I would certainly indorse (Я бы непременно согласился), could not exceed (не мог бы превысить), should not be liable at all (вообще не должен нести ответственности)*.

Проведенный анализ показал, что текст особого мнения, благодаря персонифицированному характеру, позволяет установить особенности идиостиля заявившего его судьи.

Идиостиль судьи представляет собой систему лингвопрагматических характеристик, уникальная совокупность которых детерминирует самобытный авторский способ реализации индивидуальной языковой и когнитивной картины мира, в которой находят отражение профессиональные, социальные, доктринальные и политико-правовые взгляды конкретного судьи.

При этом к конституирующим параметрам идиостиля судьи относятся: доминирующий тип аргументации, персонифицированность повествования, диалогичность, модальность, интертекстуальность и экспрессивность, способ структурной организации, а также характер системной организации актуальных концептов и правовых ценностей конкретно судьи.

2.6. Универсальные и культурно-специфические особенности текстов судебных решений стран англо-саксонской правовой системы

Важность исследования универсальных и культурно-специфических особенностей текстов судебных решений обусловлена рядом объективных

причин. В первую очередь, такое исследование имеет важное теоретическое значение, поскольку способствует более полному лингвистическому осмыслению природы текстов судебных решений и законов их порождения. Во-вторых, подобные исследования имеют практическое значение в связи с тем, что непосредственно влияют на точность интерпретации правовых процессов и текстов, являющихся продуктами судебного дискурса. И, наконец, необходимо подчеркнуть важное дидактическое значение изучения универсальных и культурно-специфических характеристик текстов судебных решений, способствующего укреплению позиций отечественной школы юрислингвистики в поле профессиональной межкультурной коммуникации.

Необходимо отметить, что в настоящем исследовании мы впервые ставим вопрос об описании характеристик англоязычных текстов судебных решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы с точки зрения оппозиции «универсальное – культурно-специфическое», чем определяется его новизна.

Под универсальными свойствами текста судебного решения мы понимаем его функционально и онтологически обусловленные характеристики, отражающие, вне зависимости от культуры, объективную реальность, факты идеальной и материальной деятельности людей в рамках профессионально-ориентированной правовой коммуникации. Под культурно-специфическими характеристиками текста судебного решения мы понимаем национально-детерминированные особенности порождения текста судебного решения, связанные с непосредственным влиянием сочетания факторов как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Проведенное в нашей работе исследование позволило сформулировать перечень типологических свойств текстов судебных решений, к которым относятся: письменная форма, информативность, официальность, императивность, перформативность, логичность, безэмоциональность, точность изложения и однозначность высказываний, терминологичность, высокая степень номинализации, стандартизованность, неличность,

клишированность лексических и синтаксических языковых средств, высокая степень структурированности, грамматическая усложненность, первичная информативность, информационная емкость (как диалектическое сочетание точности и избыточности), интердискурсивность, диалогичность, интертекстуальность (см. раздел 1.2).

Мы также разделяем мнение о том, что «национально-культурная детерминация текста имеет в своей основе, с одной стороны, вполне определенные конвенциональные нормы создания текстов (например, нормы написания деловых писем или объявлений и т.д.), с другой стороны, сформированные в культуре и усвоенные ее носителями правила построения текста, которые не являются эксплицитно выраженными, т.е. используются более или менее бессознательно» (Волкова, Сиротко-Сибирский, 2011, с. 106).

Прагматически значимыми текстовыми категориями при описании судебного решения являются его сегментация и архитектура, что особенно релевантно для англо-саксонской системы права ввиду исключительного места, которое занимает в ней судебный прецедент как источник права. Принимая во внимание острую потребность как профессиональных юристов, так и неспециалистов в оперативном ориентировании во внушительном массиве прецедентной базы, эффективность сегментации и архитектуры текста судебного решения выходит в контексте обеспечения адекватности восприятия информации на первый план.

Как уже отмечалось, все изученные в ходе анализа тексты судебных решений в общем плане структурированы в соответствии с общепринятой в теории права трехчастной композицией (вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная части) (см. раздел 2.1.1). В ходе нашего исследования отдельное внимание уделялось такому известному всем Верховным судам факультативному элементу решения суда, как особое мнение судьи. В сохранении описанной структурной организации текста всеми судами, являющимися продуцентами изучаемого нами корпуса текстов, проявляется ее универсальность. Вместе с тем, характер дальнейшего

структурирования текстов и расположения более мелких компонентов текста и реквизитов, в разных странах весьма различаются.

Так, наиболее удачно, с точки зрения сегментации и архитектоники, организованы, на наш взгляд, решения Верховного суда Канады, позволяющие максимально эффективно организовать и направить восприятие реципиентом необходимой информации. Проиллюстрируем данный тезис на примере решения Верховного суда по делу *R. v. Poulin (2019)*.

Вводная часть решения содержит в себе такие элементы как:

- название суда: *SUPREME COURT OF CANADA*;
- наименование дела для цитирования: *CITATION: R. v. Poulin, 2019 SCC 47*;
- даты рассмотрения апелляции: *APPEAL HEARD: March 25, 2019* и вынесения решения: *JUDGMENT RENDERED: October 11, 2019*;
- номер дела: *DOCKET: 37994*;
- наименование сторон: *BETWEEN: Her Majesty The Queen, Appellant and Rosaire Poulin, Respondent*;
- наименование третьих лиц: *Attorney General of Ontario, Association québécoise des avocats et avocates de la défense and Criminal Lawyers' Association, Interveners*;
- состав суда: *CORAM: Wagner C.J. and Abella, Moldaver, Karakatsanis, Côté, Brown and Martin JJ.*;
- пункты, в которых содержатся основания вынесенного решения: *REASONS FOR JUDGMENT: (paras. 1 to 121)*, а также список судей, вынесших и поддержавших данное мнение: *Martin J. (Wagner C.J. and Moldaver and Côté JJ. Concurring)*;
- пункты, содержащие особое мнение несогласия: *DISSENTING REASONS: (paras. 122 to 156)*, а также список судей, заявивших и поддержавших данное мнение: *Karakatsanis J. (Abella and Brown JJ. Concurring)*.

Характерной чертой решений Верховного суда Канады является наличие в них раздела, содержащего ключевые слова с разбивкой по отраслевой принадлежности (*Constitutional law, Criminal law*), что является, безусловно, примером прагматически обусловленной эффективной сегментации.

Далее, вводная часть решения содержит преамбулу, описывающую движение дела с момента возникновения и до его рассмотрения настоящим составом суда.

Еще одной прагматически значимой чертой решений Верховного суда Канады является наличие такого подраздела, как перечень источников, послуживших основанием вынесенного решения с разбивкой на вид источника и судью, применившего данный источник. Примечательно, что перечень релевантных оснований принятия решения построен с учетом иерархии источников, принятых в англо-саксонской системе права, а именно:

- судебные прецеденты: *Cases Cited*;
- статуты и регламенты: *Statutes and Regulations Cited*;
- договоры и другие международные нормативные документы: *Treaties and Other International Instruments*;
- цитируемые авторы: *Authors Cited*.

Описательно-мотивировочная часть решения разбита на пронумерованные параграфы, сгруппированные в четыре крупных раздела:

- I. Обзор – *Overview*;
- II. Факты и судебная история – *Facts and Judicial History*;
- III. Вопросы – *Issues*;
- IV. Анализ – *Analysis*,

за которыми следует раздел V. Заключение – *Conclusion*, являющийся резолютивной частью основного решения.

Завершается же текст решения особым мнением судьи А. Каракацаниса, параграфы которого продолжают нумерацию основного решения.

Анализ показал, что качественно-усложненная структурная организация решения Верховного суда Канады способствует эффективному решению

задачи быстрого ориентирования в текстовом поле решения и перцепции информации как профессиональным, так и непрофессиональным реципиентом.

Заслуживает внимания также исследование структурной организации текстов решений Верховного суда Австралии (на примере решения по делу *AUS17 v Minister for Immigration and Border Protection (2020)*), где наблюдаются некоторые схожие черты с решениями Верховного суда Канады, а именно: вводная часть также содержит такие необходимые реквизиты как: наименование суда, наименование дела, состав суда, даты слушания и вынесения решения, номер дела, наименование представителей, ключевые слова (с разбивкой по отраслям), а также перечень цитируемых статутов.

Специфической чертой, отличающей решения Верховного суда Австралии от прочих, является дублирование во вводной части резолюции суда в подразделе *ORDER*, что также способно ускорить процесс овладения контекстом решения. Другой положительной особенностью является наличие на каждом верхнем колонтитуле страницы перечня судей, составивших и поддержавших данное мнение (основное или особое), что существенно облегчает работу с текстом решения.

Описательно-мотивировочная часть решения характеризуется меньшей структурной усложненностью, однако она также подразделена на пронумерованные параграфы, объединенные в разделы (*Section 473DD in context; The present case; Orders*). Нумерация параграфов не прерывается особыми мнениями судей.

Решения Верховного суда Великобритании на фоне изученного в ходе исследования корпуса текстов отличаются особенной, заметно упрощенной структурной организацией.

Проиллюстрируем справедливость данного тезиса на примере решения Верховного суда Великобритании по делу *Scottish Widows plc v Commissioners for Her Majesty's Revenue and Customs (2011)*. Так, вводная часть решения содержит минимальный необходимый набор реквизитов: название дела,

состав суда, даты слушания по делу и вынесенного решения, а также наименования заявителя и ответчика.

Что касается описательно-мотивировочной части решения, необходимо отметить, что именно здесь прослеживаются наиболее отчетливые различия с решениями иных Верховных судов стран англо-саксонского права. Справедливо мнение А.П. Евсеева о том, что «говорить о решении Верховного Суда в континентальном понимании этого слова как о целостном, внутренне непротиворечивом и имеющем четкую формальную структуру акте можно с большой долей условности. Любое решение (judgment) высшего органа судебной власти Великобритании состоит из калейдоскопа индивидуальных решений судей...» (Евсеев, 2015, с. 58). Полагаем, что данная практика оказалась возможной в связи с исторически сложившейся в Палате Лордов (исторический предшественник Верховного суда) традицией поочередного выражения мнений (*OPINIONS OF THE LORDS OF APPEAL FOR JUDGMENT IN THE CAUSE*) каждым лордом верхней палаты по отдельности.

При этом из всех мнений в качестве доминантного выделяется решение (*leading judgment*), которое излагается первым. Далее возможны две различные схемы: либо каждым судьей в своем решении наращивается аргументативная база основного решения, либо (в большинстве случаев) остальные судьи солидаризируются с ним. Так, в рассматриваемом решении, солидарность судей выражается с помощью таких речевых оборотов как: *in full agreement with* (в полном согласии с); *in agreement with the fuller reasoning* (в согласии с более полной аргументацией); *considered the masterly judgment of Lord Walker* (с учетом виртуозного решения лорда Уокера); *I have found his reasoning compelling* (Я нахожу его рассуждения убедительными) и др.

Приведем в качестве примера выражения солидарности коллегам дело *Campbell v. MGN (2005)*, где лорд Николлс сообщает:

I have had the advantage of reading in draft the speeches of my noble and learned friends Lord Hoffmann, Lord Hope of Craighead and Lord Carswell. For the reasons they give, with which I agree, I would dismiss this petition. – Я имел

честь прочитать в черновиках речи моих благородных и ученых друзей лорда Хоффмана, лорда Хоупа из Крейгхеда и лорда Карсуэлла. По тем основаниям, которые они приводят и с которыми я согласен, я бы отклонил это ходатайство.

В науке существует мнение о том, что «ведущие черты английского характера – это конформизм и законопослушность, а также консерватизм» (Кирдяшкина, 2010, с. 81). Полагаем, что приведенные выше доводы о традиционности поочередного выражения мнения, а также тенденция к проявлению профессиональной солидарности подкрепляют данный тезис. Таким образом, проведенный анализ показал, как в характере визуально-пространственной сегментации находят свое отражения такие специфические национально-культурные черты, как английский конформизм и приверженность традициям.

Описательно-мотивировочная часть решения структурирована на пронумерованные параграфы, объединенные в разделы (например, *The statutory provisions, The approach to construction, Section 83(2), Conclusion*). Мнения, высказанные каждым отдельным судьей, не прерывают нумерации параграфов.

Относительно структурной организации текстов решений Верховного суда США необходимо отметить, что вводная часть решения предваряется кратким содержанием по делу (*Syllabus*) и содержит важнейшие необходимые реквизиты: наименование суда, название и номер дела, наименования сторон, а также дата вынесения решений. Важно также, что во вводной части решения отмечается имя судьи, сформулировавшего основное решение по делу, затем следует краткая преамбула, в которой сформулирована «задача», стоящая перед судом при рассмотрении настоящего дела.

Описательно-мотивировочная часть решения делится на разделы и подразделы, не имеющие наименований, а только цифровое и буквенное обозначения. Резолютивная же часть содержит решение по делу и, неизменно, завершается фразой: *It is so ordered (Постановлено)*.

Уникальной чертой в плане структурной организации решения суда является то, что каждое заявленное мнение судьи (как совпадающее, так и несовпадающее) начинается с новой страницы, и нумерация страниц при этом начинается заново, чем подчеркивается автономность и независимость профессионального мнения каждого судьи в составе коллегии.

Полагаем, что в подобном композиционном воплощении института особого мнения Верховным судом США находит свое выражение концепт индивидуализма, как ключевого фактора самоопределения американской нации.

Таким образом, проведенный компаративный анализ структурных особенностей решения судов США, Великобритании, Канады и Австралии показал, что, несмотря на всеобщее следование общепринятой в теории права композиции текста решения суда, исследуемые решения все же обнаруживают культурно и исторически детерминированные особенности. С этой точки зрения более эффективной структурной организацией отличаются решения Верховного суда Канады, характеризующиеся прагматически обоснованной сегментацией и архитектурной всех структурных элементов решения.

Проведенное исследование показало также, что особую значимость для изучения культурно-исторической специфики и информационного потенциала имеют функционирующие в текстах решений судов стран англо-саксонского права онимы, по определению являющиеся национально-маркированными элементами языковых систем. Изучение онимов в рамках судебных решений способно существенно обогатить когнитивную базу реципиента, расширить представления о национально-культурной и исторической специфике соответствующей картины мира.

Более подробно вопрос о типах онимов, функционирующих в пространстве исследуемого корпуса текстов, мы освещали ранее (см. раздел 2.3), здесь акцент будет сделан на некоторых культурно-исторических особенностях, которые «высвечивает» данная категория слов в текстах исследованных судебных решений.

Говоря об австралийской правовой системе, важно упомянуть, что она с самого момента возникновения испытывала на себе прямое влияние общего права ввиду неразрывной связи с колониационной политикой Великобритании. Посредством колониального права происходило распространение собственно английского права на британские колонии Австралии в конце XVIII – начале XIX вв. (Попова, 2005, с. 123).

Описанные процессы до сих пор находят свое отражение в современных решениях Верховного суда Австралии, где зачастую можно встретить ссылки на источники права Великобритании, которые одновременно являются источниками австралийского права, в том числе и содержащие британские оцифровки: *London Scottish Benefit Society v Chorley; Criminal Justice Act 2003 (UK)*.

Важно также обратить внимание на то, что зачастую стороной по делу в Верховном суде Австралии является Королева Великобритании как глава Содружества Наций и действующий монарх (см., например, решения: *The Queen v Beckett (2015)*, *Castle v The Queen (2016)*, *Bucca v The Queen (2015)*, *Miller v The Queen (1985)* и др).

Канада также является членом Содружества Наций, что находит свое отражение в названиях множества прецедентов, стороной разбирательства по которым является Королева Великобритании как монарх и глава Содружества Наций (см., например, решения: *Palmer v. The Queen (1979)*, *Guerin v. The Queen (1984)*, *Her Majesty the Queen v. Raymond Drolet (2021)* *Odain Gardner v. Her Majesty the Queen (2022)*).

Необходимо отметить, что на государственном уровне в Канаде признаны два официальных языка – английский и французский. Данное исторически сложившаяся особенность стала возможна в результате того, что именно французы основали первые постоянные колонии на этой территории и достигли значительных успехов в экспансии на североамериканском континенте. Так, к 1745 г. большая часть территории континента фактически находилась под контролем Франции и получила название Новая Франция (*La Nouvelle-France*).

В современной Канаде официальное двуязычие находит свое выражение, в первую очередь, в том, что законы на федеральном уровне обязаны приниматься на обоих языках, так же, как и оказываемые федеральными органами услуги. Так и в Верховном суде Канады делопроизводство ведется в двух языках, следовательно, любое вынесенное решение доступно для реципиента на двух языках. Подобным образом в языке находит свое отражение историческая и культурная традиция.

Важнейшей характерной чертой судебных решений Верховного суда Великобритании является их структурная самобытность, детерминированная исторически. То, что Верховный суд Великобритании был образован относительно недавно (2005 г.), в результате реорганизации государственного аппарата, и принял на себя функции, ранее реализуемые верхней палатой британского парламента, объясняет, по всей видимости, самобытная структурная организация данной категории решений, представляющих собой не столько консолидированный единой концепцией акт, сколько последовательное выражение каждым судьей своего мнения, которое зачастую совпадает с мнением, выраженным в «доминантном» мнении. В тексте судебных решений находят свое отражение такие специфические национально-культурные черты, как английский конформизм и приверженность традициям.

В структурной реализации института особого мнения Верховным судом США находит свое выражение концепт американского индивидуализма, являющегося поистине лидирующим фактором самоопределения американской нации, базирующего на постулировании абсолютной ценности свободы личности.

Другой культурно-специфической чертой, проходящей красной линией через большинство решений Верховного суда США, является феномен «комплекса отцов-основателей», представляющий собой трепетное отношение граждан США к истории своей страны, ее знаковым эпизодам и персоналиям и оказывающий заметное влияние на сознание американцев. В частности, этот

феномен ярко проявляется в способах обоснования судом своей позиции, где одной из доминирующих тактик является «историческая» тактика – обращение в процессе аргументации к истории страны, ее ключевым персоналиям и важнейшим событиям.

Уникальной чертой Верховных судов Австралии и Канады является членство обеих стран в Содружестве Наций, что находит отражение в названиях множества прецедентов, стороной разбирательства по которым по настоящий день является Королева Великобритании как глава содружества и действующий монарх.

Важно отметить исторически-сложившееся и закрепленное на государственном уровне официальное двуязычие судебного делопроизводства в Канаде, что является основанием двойного варианта исполнения текстов решений Верховного суда (на английском и французском языках).

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что несмотря на общность, выражающуюся в принадлежности к институциональному типу дискурса и общей правовой семье, тексты судебных решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы обнаруживают, помимо универсальных, также и специфические черты, детерминированные культурно-историческим базисом.

Подводя итог по результатам проведенного в настоящем исследовании комплексного анализа структурно-семантических и прагматических особенностей англоязычных текстов судебных решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы, полагаем возможным дифференцировать их универсальные и культурно-специфические черты следующим образом.

К универсальным характеристикам судебных решений, на наш взгляд, могут быть отнесены: информативность, императивность, перформативность, терминологичность, официальность, информационная емкость, логичность, структурированность, грамматическая усложненность, интертекстуальность,

денотативный характер семантики единиц языка, волюнтативная тональность, а также индуктивно-дедуктивный метод построения аргументации.

К культурно-специфическим чертам исследуемых текстов мы полагаем возможным отнести: характер сегментации текста решения; специфику аргументации и идиостиля судьи, детерминируемую историческими, культурными, социальными, политическими факторами действительности; степень и характер реализации категории диалогичности; использование национально-маркированных онимов и терминонимов, а также реализацию социально-культурных концептов и ценностей.

Выводы по второй главе

Комплексный анализ структурно-семантических и прагматических особенностей текстов судебных решений стран англо-саксонской правовой системы позволил сделать следующие выводы.

Реализация в текстах судебных решений такого важного принципа, как визуально-пространственная сегментация в сочетании с фиксированностью расположения компонентов текста, позволяет оптимально организовать и эффективно направить восприятие и интерпретацию реципиентом содержания рассмотренной категории текстов в целях однозначного и единообразного толкования их содержания.

Основные принципы семантической организации текстов судебных решений способствуют обеспечению успешной рецепции коммуникантами содержательной и смысловой структуры судебного решения, что представляет большую ценность ввиду особой социальной важности судебного решения как жанра юридического дискурса. Широкое использование национально-

маркированных терминов является специфической характеристикой судебного дискурса стран англо-саксонской правовой системы. Основными предметными областями использования в текстах судебных решений онимов и терминов являются: прецеденты, нормативные акты, правовые учреждения и должности, а также правовые принципы.

Проведенное исследование также выявило широкое использование онимов и терминов в ходе изложения судом своей аргументированной позиции, что исторически обусловлено функционированием соответствующих судов в рамках англо-саксонской правовой системы.

В ходе исследования нами было зафиксировано функционирование в текстах исследуемых судебных решений следующих групп прецедентов-терминов: эпонимические, эпонимо-топонимические и топонимические. Помимо вышеперечисленных номинаций полагаем возможным выделить также группы эпонимо-этнонимических и топонимо-этнонимических проприальных онимов.

Категория аргументации реализуется в текстах судебных решений посредством привлечения широкого спектра речевых стратегий (основных и вспомогательных) и вариативного использования соответствующих им тактик.

К конституирующим параметрам идиостиля судьи, находящим свое воплощение в тексте особого мнения, относятся: доминирующий тип аргументации, персонифицированность повествования, диалогичность, модальность, интертекстуальность, экспрессивность и характер системной организации актуальных концептов правовых ценностей конкретного судьи.

Характеристики изученного корпуса текстов судебных решений могут быть дифференцированы на универсальные (информативность, императивность, перформативность, терминологичность, официальность, информационная емкость, логичность, структурированность, грамматическая усложненность, интертекстуальность, денотативный характер семантики единиц языка, волюнтаривная тональность, индуктивно-дедуктивный метод построения аргументации) и культурно-специфические (характер сегментации

текста решения; специфика аргументации и идиостиля судьи, детерминируемая историческими, культурными, социальными, политическими факторами действительности; степень и характер реализации категории диалогичности; использование национально-маркированных онимов и терминонимов, а также реализация социально-культурных концептов и ценностей).

Заключение

Экспансия лингвистики в юридическую сферу, генетически и онтологически связанную с языком, привела к возникновению юрислингвистики – междисциплинарной области исследования на стыке языка и права. Современные исследования демонстрируют актуальность и глубину лингвистической проблематики в этой сфере.

Настоящее исследование представляет собой комплексный анализ структурно-семантических и прагматических особенностей англоязычных текстов судебных решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы, нацеленный на описание широкого спектра вопросов теоретического и практического характера. Новизна проведенного исследования определяется рядом факторов, первым из которых является сам его объект – англоязычные тексты решений Верховных судов США, Великобритании, Канады и Австралии как единое дискурсивное пространство.

Проведенный экскурс в междисциплинарные исследования юридического языка и текстов юридического дискурса показал, что научная сфера на рубеже языка и права, пройдя длительный путь становления, оформилась в междисциплинарное научное направление, получившее такое «зонтичное» наименование, как «forensic linguistics» (в зарубежных исследованиях) и «юрислингвистика» (в отечественной науке). В результате интеграции разноплановых феноменов на стыке языка и права исследуемые объекты получили новое теоретическое осмысление.

Комплексный анализ типологических характеристик исследуемого корпуса текстов позволил предложить собственное определение судебного решения как жанра судебного дискурса. Так, судебное решение представляет собой социально и профессионально значимый, структурно-организованный, первично-информативный, интердискурсивный письменный речевой жанр

юрисдикционного подстиля официально-делового стиля, который через систему взаимосвязанных категорий, а также универсальных и культурно-специфических черт, реализует основную координативно-разъяснительную интенцию судопроизводства – представить законное, обоснованное и мотивированное судебное решение.

Критический анализ научной литературы позволил установить функциональные особенности текстов судебных решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы, а также установить типы и характер интертекстуальных связей в текстах судебных решений, а именно: гипертекстуальность, архитекстуальность, метатекстуальность и интекстуальность. Многочисленные интертекстуальные включения реализуются в текстах судебных решений в различных формах – названиях, кратком пересказе содержания и цитировании: материалов дела, прецедентной базы, нормативных правовых актов различных уровней, источников доктринального толкования, правовых доктрин и максим, а также особых мнений судей.

Важным аспектом исследования явилась структурная организация текстов решений, анализ которой показал, что визуально-пространственная сегментация и фиксированность расположения компонентов текста являются прагматически значимыми принципами организации текстов судебного решения в странах англо-саксонской правовой системы. При этом, некоторые особенности реализации данных принципов позволяют наиболее оптимально организовать и направить восприятие и интерпретацию информации реципиентом.

Отдельное освещение получил также вопрос о месте жанра особого мнения в судебном дискурсе, по результатам которого нами предложено собственное определение особого мнения, а также состав его конституирующих параметров. Результаты исследования показали, что особое мнение являет собой факультативный структурно-функциональный элемент судебного решения, существование которого неразрывно связано с основным

текстом решения, определяющего его содержание и контекст. Вместе с тем, текст особого мнения, отличается вариативностью селекции речевых стратегий и тактик, реализующих категорию аргументации, а также средств выражения эмоциональности, образности и оценочности.

В результате анализа корпуса включенных в картотеку текстов были описаны основные принципы организации текста судебного решения на семантическом уровне, в число которых были включены: денотативный характер семантики единиц языка, селекция фактуальной информации с точки зрения ее соотнесенности с сутью правового спора, волюнтаристическая тональность, прямо и однозначно выраженная смысловая составляющая. Реализация указанных принципов обеспечивает успешную перцепцию коммуникантами содержательной и смысловой структуры судебного решения, что представляет большую ценность ввиду особой социальной значимости судебного решения как жанра юридического дискурса.

Проведенный анализ показал широкое использование онимов и терминонимов в ходе изложения судом своей аргументированной позиции, что исторически обусловлено функционированием соответствующих судов в рамках англо-саксонской правовой системы. В процессе исследования были установлены основные предметные области использования онимов в текстах судебных решений, а именно: прецеденты (предложено дополнить существующую классификацию этнонимическими и коммерческими терминонимами); нормативные акты, правовые учреждения и должности, а также правовые принципы.

Анализ реализации в текстах судебных решений категории аргументации выявил привлечение широкого спектра основных и вспомогательных речевых стратегий, и вариативного использования соответствующих им тактик. Так, основные семантические (когнитивные) стратегии представлены стратегиями: убеждения (посредством тактик экспликации причинно-следственных и временных связей, апелляции к

авторитетам), деконструкции (тактика дискредитации) и интерпретации действительности (тактики интенсификации и приуменьшения).

Важно отметить, что стратегия убеждения может быть реализована посредством широкого спектра тактик: апелляции к источникам права (нормативным актам, правовым принципам, правовой доктрине, правовым максимам и судебным прецедентам), апелляции к материалам дела (вещественным доказательствам и свидетельским показаниям), а также апелляции к историческим фактам. В ходе анализа было выявлено функционирование стратегии созидательной конструкции и соответствующей ей речевой тактики восхваления. Кроме того, в процессе анализа также определены особенности реализации вспомогательных речевых стратегий и соответствующих им тактик, а именно, прагматических и риторических.

Как показал анализ, успешность реализации параметра мотивированности, предъявляемого к судебному решению, в значительной мере зависит от адекватного выбора стратегий и тактик речевого воздействия.

Проведенное исследование позволило дать собственное определение идиостиля судьи, описать конституирующие его параметры с опорой на такой компонент текста судебного решения, как особое мнение судьи коллегиального органа. Так, идиостиль судьи представляет собой систему лингвопрагматических характеристик, уникальная совокупность которых детерминирует самобытный авторский способ реализации индивидуальной языковой и когнитивной картины мира, в которой находят отражение профессиональные, социальные, доктринальные и политико-правовые взгляды конкретного судьи.

В качестве конституирующих параметров идиостиля судьи были обозначены: доминирующий тип аргументации, персонифицированность повествования, диалогичность, модальность, интертекстуальность и экспрессивность, способ структурной организации, а также характер системной организации актуальных концептов правовых ценностей конкретно судьи.

Сопоставительный анализ англоязычных текстов судебных решений позволил подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что несмотря на общность, обусловленную принадлежностью к институциональному типу дискурса и единой правовой семье, тексты решений Верховных судов стран англосаксонской правовой системы обнаруживают, помимо универсальных (информативность, императивность, перформативность, терминологичность, официальность, информационная емкость, логичность, структурированность, грамматическая усложненность, интертекстуальность, денотативный характер семантики единиц языка, волюнтативная тональность, а также индуктивно-дедуктивный метод построения аргументации), также и культурно-специфические черты, к которым относятся: характер сегментации текста решения; специфика аргументации и идиостиля судьи, детерминируемая историческими, культурными, социальными, политическими факторами действительности; степень и характер реализации категории диалогичности; использование национально-маркированных онимов и терминонимов, а также реализация социально-культурных концептов и ценностей.

Перспектива дальнейшего исследования данной тематики видится, в частности, в возможности использования его результатов и выводов для изучения других типов юридического дискурса, а также судебной аргументации, что, безусловно, будет способствовать укреплению позиций отечественной школы юрислингвистики в сфере профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Абрегова, А. В. Специфика формирования и функционирования юридических терминов-аббревиатур в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Алла Владимировна Абрегова. – Саратов, 2005. – 24 с.
2. Аверинцев, С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции / С. С. Аверинцев. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 448 с.
3. Александров, А. С. Юридическая техника – судебная лингвистика-грамматика права / А. С. Александров // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2000. – С. 101–108.
4. Александров, А. С. Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. – 420 с.
5. Александров, А. С. Язык уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Александр Сергеевич Александров. – Н. Новгород, 2003. – 56 с.
6. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права (курс лекций) / С. С. Алексеев. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1966. – Вып. 3: Правовые акты. – 211 с.
7. Алексеева, И. С. Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – СПб.: Союз, 2001. – 288 с.
8. Алексеева, Л. М. Термин // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука, 2011. – С. 544–549.

9. Андриющенко, С. В. Коммуникативно-прагматическая структура высказываний в судебном диалоге: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сергей Валентинович Андриющенко. – Белгород, 2005. – 24 с.
10. Аринова, Б. Н. Изучение лингвистических особенностей письменного судебного дискурса Великобритании: формальное и содержательное обоснование подхода / Б. Н. Аринова // Неофилология. – 2020. – № 23. – С. 463–471.
11. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 496 с.
12. Баженова, Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001. – 269 с.
13. Барабаш, О. В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы / О. В. Барабаш // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – №2 (6). – С. 14–18.
14. Баринаова, Е. Е. Проблема классификации в теории литературных жанров / Е. Е. Баринаова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 6 (260). – С. 17–25.
15. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
16. Бахтин, М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159–206.
17. Беляева, И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ирина Васильевна Беляева. – Ростов-на-Дону, 2009. – 39 с.
18. Бойко, Л. Б. К вопросу о переводе интертекста / Л. Б. Бойко // Вестник РГУ им. И. Канта. – 2006. – № 2. – С. 52–59.
19. Богатырев, А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Александр Валерьевич Богатырев. – Волгоград, 2016. – 26 с.

20. Богинская, О. А. О типологиях судебного нарратива / О. А. Богинская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 4. – С. 122–127.

21. Болдырева, Н. Н. Особое мнение судьи в гражданском процессе / Н. Н. Болдырева // Auditorium. – 2014. – № 2 (2). – С. 155–157.

22. Болотнова, Н. С. Идиостиль или индивидуальный стиль / Н. С. Болотнова, М. П. Котюрова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник / под. ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во СибФУ, 2014. – С. 175–178.

23. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 520 с.

24. Борисенко, И. Н. Современный русско-английский юридический словарь / И. Н. Борисенко, В. В. Саенко. – М.: РУССО, 2006. – 528 с.

25. Борисова, Л. А. Специфика перевода судебных решений Европейского Суда по правам человека. / Л. А. Борисова // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2012. – № 10. – С. 181–190.

26. Босов, А. Е. Функционирование терминов в отечественных лингвистических и юридических текстах второй половины XX века – начала XXI века в свете данных дискурсивного анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Артем Евгеньевич Босов. – Н. Новгород, 2009. – 26 с.

27. Брайт, У. Введение: параметры социолингвистики / Уильям Брайт // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 34–41.

28. Братухина, И. А. Категория информативности в тексте судебного приговора / И. А. Братухина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – Т. 3. – № 4 (52). – С. 78–81.

29. Будаев, Э. В. Зарубежная юридическая лингвистика: становление и проблематика / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Н. Б. Руженцева //

Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы. – Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2017. – С. 7–61.

30. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.

31. Василенко, Л. Ю. Лингвокогнитивный анализ аргументации в тексте судебного решения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Лариса Юрьевна Василенко. – М., 2011. – 19 с.

32. Винник, С. В. Судебное решение как тип текста (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сергей Вячеславович Винник. – М., 2009. – 26 с.

33. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.

34. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.

35. Власенко, С. В. Правовая лингвистика в США: научное наследие Питера М. Тиерсмы / С. В. Власенко // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3 (53). – С. 250–256.

36. Волкова, Л. Б. Универсальные категории и культурно обусловленные параметры текста (к постановке проблемы) / Л. Б. Волкова, С. А. Сиротко-Сибирский // Социо- и психолингвистические исследования. – 2011. – № 15. – С. 106–114.

37. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Комкнига, 2006. – 144 с.

38. Галяшина, Е. И. Основы судебного речеведения / Е. И. Галяшина – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236 с.

39. Гамзатов, М. Г. Лингвистическая и сравнительно-правовая интерпретация и перевод юридической лексики / М. Г. Гамзатов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – 388 с.

40. Глинская, Н. П. Юридическая терминология в разных функциональных стилях английской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Нэлли Петровна Глинская. – М., 2002. – 24 с.

41. Глинская, Н. П. Специфика терминологии профессиональной языковой личности судьи Верховного суда США / Н. П. Глинская // Вестник ЧелГУ. – 2013. – №37 (328). – С. 79– 81.

42. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев// Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1999. – С. 11– 57.

43. Головкин, Л. В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений / Л. В. Головкин // Вестник гражданского права. – 2010. – Т. 10. – № 6. – С. 6–16.

44. Голощапова, Т. Г. Латинизмы в официальном юридическом дискурсе / Т. Г. Голощапова, Т. Н. Дьяконова // *Lingua mobilis*. – 2014. – № 3 (49). – С. 54–59.

45. Гордеева, М. Н. Особенности реализации категории связности в официально-деловом тексте / М. Н. Гордеева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 128–134.

46. Горяев, А. А. ДНК- и РНК-вакцины: современное состояние, требования к качеству и особенности проведения доклинических исследований / А. А. Горяев, М. В. Савкина, Ю. И. Обухов и др. // БИОпрепараты. Профилактика, диагностика, лечение. – 2019. – № 2. – С. 72–79.

47. Горяев, С. О. Коммерческое имя в мировой ономастике: современное состояние / С. О. Горяев, А. Бугешу // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 3 (17), С. 276–290.

48. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля / В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1983. – 224 с.

49. Гурвич, М. А. Решение советского суда в исковом производстве / М. А. Гурвич. – М.: Изд-во Всесоюзного юридического заочного института, 1955. – 128 с.
50. Данилевская, Н. В. Стилиевые функции речевых разновидностей / Н. В. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 696 с.
51. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
52. Дейк, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. Дейк. – М.: Либроком, 2013. – 340 с.
53. Дианов, В. Н. Концепция «господства права» в современной англо-американской мысли: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Виталий Николаевич Дианов. – М., 2008. – 28 с.
54. Дубровская, Т. В. Законодательные тексты как источник интертекстуальности в публичных речах судей / Т. В. Дубровская // Вестник Тамбовского университета. – 2009. – № 3. – С. 171–178.
55. Дускаева, Л. Р. Официально-деловой стиль / Л. Р. Дускаева, О. В. Протопопова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 273–277.
56. Евсеев, А. П. Аргументационная техника Верховного суда Великобритании / А. П. Евсеев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 3 (106). – С. 55–68.
57. Евстигнеева, Г. Б. Судебные решения как источник права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Галина Борисовна Евстигнеева. – М., 2007. – 25 с.
58. Евтюгина, А. А. Функциональная стилистика: учебное пособие / А. А. Евтюгина. – Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2018. – 75 с.
59. Жаббарова, Ф. У. Категории текста / Ф. У. Жаббарова // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 3. – С. 759–762.

60. Женетт, Ж. Палимпсестис: литература второй степени / Ж. Женетт. – Париж: Editions du Seuil, 1997. – 467 с.
61. Зайганова, С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15 / Светлана Константиновна Зайганова. – Екатеринбург, 2008. – 51 с.
62. Золян, С. Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля / С. Т. Золян // Язык русской поэзии XX века: сборник научных трудов. – М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1989. – С. 238–259.
63. Иванова, И. К. Новый Верховный Суд Соединенного Королевства / И. К. Иванова // Журнал российского права. – 2006. – № 11 (119). – С. 118–127.
64. Изварина, А. Ф. Акты судов общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Антонина Федоровна Изварина. – М., 1999. – 16 с.
65. Иконникова, В. А. Особенности семантики английских юридических терминов в текстах международного контрактного права: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Валентина Александровна Иконникова. – М., 2005. – 19 с.
66. Ильенко, С. Г. Русистика: Избранные труды / С. Г. Ильенко – СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 674 с.
67. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М: УРСС, 2003. – 284 с.
68. Исхакова, Р. Р. Когнитивно-прагматический аспект модальности в судебном дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Разиля Рамиловна Исхакова. – Уфа, 2013. – 27 с.
69. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. – 495 с.
70. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

71. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
72. Катышев П. А. Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике / П. А. Катышев, М. А. Осадчий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 24–34.
73. Киндеркнехт, А. С. Особенности перевода юридических текстов / А. С. Киндеркнехт // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 5 (68). – С. 123–127.
74. Кирдяшкина, Т. А. Особенности менталитета и познавательного стиля англичан / Т. А. Кирдяшкина // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2010. – №1. – С. 81–86.
75. Князев, А. А. Законная сила судебного решения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Алексей Александрович Князев. – М., 2004. – 32 с.
76. Коваленко, Е. Н. Судебное решение: теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Евгений Николаевич Коваленко. – Ростов-на-Дону, 2009. – 27 с.
77. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1986. – 91 с.
78. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
79. Конецкая, В. П. Социология коммуникации / В. П. Конецкая. – М.: Изд-во Международного университета бизнеса и управления (Братя Карич), 1997. – 302 с.
80. Коновалова, М. В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мария Владимировна Коновалова. – Челябинск, 2008. – 25 с.
81. Копытов, О. Н. Модус на пространстве текста / О. Н. Копытов. – Хабаровск. – Изд-во ХГИИК, 2012. – 299 с.

82. Косоногова, О. В. Национально-маркированные и национально-немаркированные термины в англо-американской терминологии права / О. В. Косоногова, М. В. Малащенко // Вестник БГУ. – 2015. – № 1. – С. 258–263.
83. Косоногова, О. В. Словообразовательные модели онимических терминов англоязычной юридической терминологии / О. В. Косоногова, М. В. Малащенко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 3 (59). – С. 174–180.
84. Косоногова, О. В. Онимы в юридическом дискурсе: система и функционирование (на материале современного английского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Владимировна Косоногова. – Ростов-на-Дону, 2011. – 17 с.
85. Крапивкина, О. А. Особое мнение судьи в жанровом пространстве судебного дискурса / О. А. Крапивкина // Юрислингвистика. – 2011. – № 11. – С. 145–151.
86. Красных, В. В. Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / В. В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – 148 с.
87. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
88. Кросс, Р. Прецедент в английском праве / Р. Кросс. – М.: Юридическая литература, 1985. – 239 с.
89. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина – Изд. 2-е, стер. – М.: УРСС, 2004. – 272 с.
90. Кучерук, И. В. Концепты «пространство» и «время» в структуре американского менталитета / И. В. Кучерук // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2009. – № 6. – С. 86–90.
91. Лебедева, М. В. Синонимия терминов права (на материале юридических терминов английского языка) / М. В. Лебедева // Молодой ученый. – 2019. – № 19 (257). – С. 398–404.

92. Лейкина, М. М. Структура текстов судебных решений: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Марина Маратовна Лейкина. – Орел, 2003. – 15 с.

93. Лёзов, С. В. Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях. Научно-аналитический обзор / С. В. Лёзов. – М.: ИНИОН, 1986. – 70 с.

94. Литвинов, А. В. Оценочность делового текста / А. В. Литвинов // Вестник Государственного университета управления. – 2014. – №4. – С. 258–262.

95. Лукашевич, С. В. Топика как способ создания аргументации в юридических текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Светлана Викторовна Лукашевич. – М., 2005. – 24 с.

96. Мазуркова, Т. В. Конституция и Верховный суд Канады: от апелляционного суда к высшему апелляционному суду / Т. В. Мазуркова // Legal Concept. – 2017. – № 4. – С. 141 – 148.

97. Мальцева, В. А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Валентина Александровна Мальцева. – Челябинск, 2011. – 26 с.

98. Мальцева, В. А. Судебные прения: речевые стратегии и тактики / В. А. Мальцева // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 13. – С. 152 – 159.

99. Маркова, В. А. К вопросу о составе стилевых черт официально-делового стиля / В. А. Маркова // Филология и человек. – 2018. – №1. – С. 62–73.

100. Марченко, Т. В. Манипулятивный потенциал интертекстуальных включений в политическом дискурсе / Т. В. Марченко. – Ставрополь: Параграф, 2014. – 170 с.

101. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. – 168 с.

102. Матвеева, Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста / Г. Г. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1984. – 132 с.

103. Матвеева, О. Н. Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Николаевна Матвеева. – Барнаул, 2004. – 283 с.

104. Месропян, Л. М. Речевой агрессивное манипулирование в юрислингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Лилит Месроповна Месропян. – Ростов-на-Дону, 2014. – 26 с.

105. Минасян, Г. М. Решения и определения судов первой инстанции общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Гоар Микаеловна Минасян. – М., 2009. – 31 с.

106. Моисеенко, Л. В. Таксономия лингвистических исследований в области юридического дискурса / Л. В. Моисеенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2017. – № 6 (785). – С. 99–105.

107. Мюллер, В. К. Большой современный англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – 10-е изд. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2009. – 832 с.

108. Надеина, Т. М. Юридическая лингвистика и судебное речеведение: соотношение объектов и предметных областей / Т. М. Надеина, Е. А. Чубина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 4. – С. 263–269.

109. Никитина, О. В. Описательная часть судебного решения: стилистическая модель и ее реализация / О. В. Никитина // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Филология. Журналистика. – 2012. – № 3. – С. 25–28.

110. Оглезнев, В. В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права / В. В. Оглезнев. – Томск: Изд-во Томского университета, 2012. – 216 с.

111. Осетрова, М. О. Риторические вопросы как реализация стратегии убеждения в судебном дискурсе / М. О. Осетрова // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12. – № 1. – С. 207–217.
112. Петербургский, М. Ю. Новый текстуализм Антонина Скалиа / М. Ю. Петербургский // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 7 (9). – С. 5–8.
113. Пищальникова, В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект / В. А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1992. – 73 с.
114. Пономаренко, В. А. Мотивированность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Василий Александрович Пономаренко. – М., 2007. – 25 с.
115. Попова, Е. В. Судебные решения как вид юридического текста / Е. В. Попова // Вестник Башкирского университета. – 2017. – № 4. – С. 1179–1185.
116. Попова, А. А. Распространение английского права в британских колониях Австралии / А. А. Попова // Теория и практика общественного развития. – 2005. – №2. – С. 123 – 126.
117. Правовая система Российской Федерации: учебник / под ред. Г.Ф. Ручкиной, А.П. Альбова. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2018. – 486 с.
118. Пригарина, Н. К. Судебный прецедент как интертекстуальное включение / Н. К. Пригарина // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2015. – № 3. – 50–56.
119. Рассказов, Л. П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники / Л. П. Рассказов // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 105. – С. 1–1
120. Сафонов, В. Н. К вопросу о судебном правотворчестве в деятельности Верховного суда США / В. Н. Сафонов // Новый ракурс. – 2016. – №17. – С. 85–96.

121. Севостьянова, И. Е. Верховный суд в системе государственных органов власти США: институционально-функциональные особенности / И. Е. Севостьянова // Вестник государственного и муниципального управления. – 2013. – №1. – С. 155–161.

122. Серебрякова, С. В. Концептуально-значимая информация как инвариант перевода / С. В. Серебрякова // LINGUA-UNIVERSUM. – 2007. – № 4. – С. 20–23.

123. Серебрякова, С. В. Когнитивный диссонанс как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей / С. В. Серебрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 1. – С. 137 – 143.

124. Серебрякова, С. В. Аддитивная информативность структурно-семантических элиминаций как когнитивно-дискурсивное событие / С. В. Серебрякова, Е. Г. Жукова // Наука. Инновации. Технологии. – 2011. – № 73. – С. 19–23.

125. Серебрякова, С. В. Дихотомия когнитивного пространства: о корреляции понятий «знание» и «информация» // С. В. Серебрякова, Е. Е. Плохая // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 3 (31). С. – 130 – 137.

126. Серебрякова, С. В. Особенности функционирования ономастических терминов в текстах решений Верховных судов стран англосаксонской правовой системы / С. В. Серебрякова, О. Г. Суетина // Русский язык в поликультурном и образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа. Намитоковские чтения: материалы XII Международной научной конференции Проблемы общей и региональной ономастики (Майкоп, 20-23 мая 2021 г.). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2021. – С. 129–131.

127. Сологуб, О. П. Структурно-семантические принципы организации делового текста (на материале судебных исков и обращений в официальные инстанции) / О. П. Сологуб // Сибирский филологический журнал – 2007. – № 1. – С. 107–118.

128. Суетина, О. Г. Специфика реализация текстовых категорий в текстах судебных решений (на материале решения Верховного суда Великобритании по делу «Perry v Raleys Solicitors») / О. Г. Суетина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 1. – С. 167–175.

129. Суетина, О. Г. Особенности реализации фактора антропоцентризма в текстах судебных решений / О. Г. Суетина // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2021 а. – № 2. – С. 53–58.

130. Суетина, О. Г. Речевые стратегии и тактики как способ реализации категории аргументации в текстах судебных решений / О. Г. Суетина, С. В. Серебрякова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2021 б. – № 3. – С. 131–135.

131. Суетина, О. Г. Реализация принципов сегментации и архитектоники в текстах судебных решений Верховных судов стран англосаксонской правовой системы / О.Г. Суетина // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021 в. – № 1. – С. 204–210.

132. Сушенцова, Т. В. Структурно-содержательная специфика аргументации в судебном решении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Вячеславовна Сушенцова. – Тверь, 2014 – 20 с.

133. Сушкова, И. А. Требования, предъявляемые к судебному решению в гражданском и арбитражном процессуальном праве / И. А. Сушкова, М. В. Кулиш // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 10. С. 143–145.

134. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 696 с.

135. Стилистика текста в коммуникативном аспекте: межвузовский сборник научных трудов / гл. ред. М. Н. Кожина. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1987. – 168 с.

136. Таюпова, О. И. Современные подходы к изучению текстов / О. И. Таюпова // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14. – № 3. – С. 775–779.
137. Ултургашев, П. Ю. Особые мнения судей в сравнительно-правовом контексте / П. Ю. Ултургашев // Сравнительно конституционное обозрение. – 2013. – № 6 (97). – С. 75–87.
138. Федотова, М. А. К вопросу о разграничении понятий идиостиль и идиолект языковой личности / М. А. Федотова // Записки з романо-германської філології. – 2013. – № 1 (30). – С. 220–226.
139. Харт, Г. Философия и язык права / Г. Харт. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. – 384 с.
140. Хасина, Л. И. Место и специфика глагольных лексем и словосочетаний в отраслевой терминосистеме: на материале русской и английской юридической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Людмила Игоревна Хасина. – Саратов, 2003. – 21 с.
141. Хахалева, Е. В. Обоснованность решения суда общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Елена Владимировна Хахалева. – Саратов, 2005. – 28 с.
142. Хустенко, А. А. Способы конструирования профессиональной идентичности в неофициальном юридическом дискурсе / А. А. Хустенко, Е. А. Шерина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 4. – С. 109–121.
143. Хутыз, И. П. Персуазивность: специфика феномена в некоторых типах институционального дискурса / И. П. Хутыз, В. А. Колчевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2-2 (80). – С. 391–394.
144. Черниловский, З. М. От Маршалла до Уоррена: очерки истории Верховного суда США / З. М. Черниловский. – М.: Юридическая литература, 1982. – 224 с.
145. Шевченко, С. М. Концептуальная структура терминосистем современного гражданского права в английском и русском языках: автореф.

дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Светлана Михайловна Шевченко. – М., 2006 – 17 с.

146. Шевырдяева, Л. Н. Язык современного американского судебного дискурса (на материале решений Верховного суда США): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Лилия Николаевна Шевырдяева. – М., 2008. – 190 с.

147. Шевырдяева, Л.Н. Идиостилии судей Верховного суда США: лексико-стилистический анализ / Л.Н. Шевырдяева // Записки Горного института. – 2008. – Т. 175. – С. 57–58.

148. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Елена Иосифовна Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.

149. Ширяева, Т. А. Когнитивная модель делового дискурса: Монография / Т. А. Ширяева. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006. – 256 с.

150. Шурыгина, Е. Н. Лингвокогнитивные характеристики концепта «Американский индивидуализм» (на материале англоязычных словарей и справочно-энциклопедической литературы) / Е. Н. Шурыгина // Russian Journal of Education and Psychology. – 2014. – № 10 (42). – С. 36–48.

151. Calabresi, G. A Common Law for the Age of Statutes / G. Calabresi. – Harvard: Harvard University Press, 1982. – 319 p.

152. Cotterill, J. Language in the Legal Process / J. Cotterill. – New York: Palgrave Macmillan Ltd., 2002. – 276 p.

153. Coulthard, M. An Introduction to Forensic Linguistics. Language in Evidence / M. Coulthard, A. Johnson. – New York: Routledge, 2007. – 237 p.

154. Coulthard, M. Author identification, idiolect and linguistic uniqueness / M. Coulthard // Applied Linguistics. – 2004. – № 25 (4). – P. 431–447.

155. Eemeren, F. H. A Systematic Theory of Argumentation. The pragma-dialectical approach / F. H. van Eemeren, R. Grootendorst. – New York: Cambridge University Press, 2004. – 216 p.

156. De Fina, A. *Discourse and Identity* / A. De Fina // *Discourse studies. A Multidisciplinary introduction* / ed. by Teun A Van Dijk. – Los Angeles; London; New Delhi; Singapore; Washington DC: Sage, 2018. – 414 p.

157. Ford, P. L. *The Writings of T. Jefferson* [Electronic resource] / P. L. Ford. – New York: Knickerbocker Press, 1899. – Vol. 10. – 470 p. – URL: <https://archive.org/details/writingsofthomas10jeffiala/page/n7/mode/2up> (accessed 02.03.2022).

158. Garner, B. *Legal Writing in Plain English* / B. Garner. – Chicago: University of Chicago Press, 2001. – 248 p.

159. Hart, H. *The Concept of Law* / H. Hart. – Oxford: Oxford Clarendon Press, 1961. – 262 p.

160. Langford, C. L. *Toward a Genre of Judicial Dissent: Lochner and Casey as Exemplars* / C. L. Langford // *Communication Law Review*. – 2009. – Vol. 9. – № 2. – P. 1–12.

161. Liebes-Plesner, T. *Rhetoric in the service of justice: The sociolinguistic construction of stereotypes in an Israeli rape trial* / T. Liebes-Plesner // *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. – 1984. – Vol. 4. – No. 1-3. – P. 173–192.

162. Mellinkoff, D. *The language of the law* / D. Mellinkoff. – Eugene, Oregon: Wipf and Stock Publishers, 2004. – 526 p.

163. O' Barr, W. *Language, Power, and Strategy in the Courtroom* / W. O' Barr. – New York: Academic Press, 1982. – 216 p.

164. Olsson, J. *Forensic Linguistics* / J. Olsson. – New York: Continuum International Publishing Group, 2008. – 256 p.

165. Orts, M. A. *Legal English and Legal Spanish: The Role of Culture and Knowledge in the Creation and Interpretation of Legal Texts* / M. A. Orts // *English for Specific Purposes*. – 2015. – Vol. 3 (1). – P. 25-43.

166. Philbrick, F. A. *Language and the Law. The semantic of forensic English* / F. A. Philbrick. – New York: Macmillan, 1949. – 254 p.

167. Probert, W. *Law, language and communication* / W. Probert. – Springfield, Illinois: Thomas, 1972. – 416 p.

168. Sheller, S. *The Oxford Companion to the High Court of Australia* [Electronic resource] / S. Sheller / eds. Blackshield T., Coper M. and Williams G. – 2001. – URL: www.oup.com.auhttps://cdn.hcourt.gov.au/assets/justices/coper_hca7_kirby.pdf (accessed 02.03.2022).

169. *Speaking of Language and Law* / ed. L. Solan. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 306 p.

170. Stason, E. B. *Men and Measures in the Law: Five Lectures Delivered in April, 1948, by Honorable Arthur T. Vanderbilt, Chief Justice of the Supreme Court of New Jersey* / E. B. Stason. – Michigan: University of Michigan Law School, 1948. – P. 45–54.

171. Suetina, O. G. *The Types Of Intertextual Connections In The Judicial Discourse* / O. G. Suetina, S. V. Serebriakova // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. – 2020. – Vol. 92. – London: Future Academy, 2020. – P. 2445–2452.

172. Tiersma, P. M. *The judge as a linguist* / P. M. Tiersma // *Loyola of Los Angeles Law Review*. – 1993. – Vol. 27. – P. 269-283.

173. Tiersma, P. M. *Writing, Text, and the Law* / P. M. Tiersma // *Legal Studies Paper*. – 2005. – № 31. – P. 3–32.

174. Tiersma, P. M. *The textualization of Precedent* / P. M. Tiersma // *Notre Dame Law Review*. – 2006. – Vol. 82. – P. 1186–1278.

175. Tiersma, P. M. *Some Myths about Legal Language* / P. M. Tiersma // *Speaking of language and Law. Oxford studies in language and law* / ed. by L. Solan. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – P. 27–34.

176. Vargas, D. *Two types of legal discourse: Transitivity in American appellate opinions and casebooks* / D. Vargas // *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. – 1984. – Vol. 4. – No. 1–3. – P. 9–30.

177. Yovel, J. In the Beginning Was the Word: Paradigms of Language and Normativity in Law, Philosophy and Theology / J. Yovel // Mountbatten Journal of Legal Studies. – 2001. – No. 5 (12). – P. 5–33.

178. Woll, P. Constitutional law: Cases and Comment / P. Woll. – New Jersey: Englewood Cliffs, 1981. – 923 p.

Источники материала

179. Конституция Австралии 1901 года. [Электронный ресурс]. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=23> (дата обращения 02.03.2022).

180. Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics [Electronic resource] // United States Supreme Court, 2013. – URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/12pdf/12-398_1b7d.pdf (accessed 02.03.2022).

181. Abrams v. US. [Electronic resource] // United States Supreme Court, 1919. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/250/616/> (accessed 02.03.2022).

182. Alabama Association of Realtors v. Department Of Health And Human Services [Electronic resource] // United States Supreme Court, 2021. – URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/20pdf/21a23_ap6c.pdf (accessed 02.03.2022).

183. Auer v. Robbins. [Electronic resource] // United States Supreme Court, 1997. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/519/452/case.pdf> (accessed 02.03.2022).

184. AUS17 v Minister for Immigration and Border Protection [Electronic resource] // High Court of Australia, 2020. – URL: <https://eresources.hcourt.gov.au/downloadPdf/2020/HCA/37> (accessed 02.03.2022).

185. Bank of Cyprus UK Limited v Menelaou [Electronic resource] // Supreme Court of the United Kingdom, 2015. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2013-0171-judgment.pdf> (accessed 02.03.2022).

186. Bell Lawyers Pty Ltd v Pentelow [Electronic resource] // High Court of Australia, 2019. – URL: <https://eresources.hcourt.gov.au/downloadPdf/2019/HCA/29> (accessed 02.03.2022).

187. Bent v. Platnick [Electronic resource] // Supreme Court of Canada. – 2020. – URL: <https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/18459/1/document.do> (accessed 02.03.2022).

188. Bush v. Gore [Electronic resource] // Supreme Court of the United States. – 2020. – URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep531/usrep531098/usrep531098.pdf> (accessed 02.03.2022).

189. Carpenter v US [Electronic resource] // Supreme Court of the United States. – 2018. – URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/17pdf/16-402_new_o75q.pdf (accessed 02.03.2022).

190. Campbell v. MGN [Electronic resource] // The House of Lords of the United Kingdom. – 2005. – URL: https://is.muni.cz/el/fss/jaro2011/ZUR328/um/6328442/6328444/campbell_v_MGN_Limited.pdf (accessed 02.03.2022).

191. Clinton v. Jones. United States Reports [Electronic resource]. – 1996. – Vol. 520. – P. 681-724. – URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/boundvolumes/520bv.pdf> (accessed 02.03.2022).

192. DeSilva v The Queen [Electronic resource] // High Court of Australia. – 2019. – URL: <https://eresources.hcourt.gov.au/downloadPdf/2019/HCA/48> (accessed 02.03.2022).

193. Diehm v Director of Public Prosecutions [Electronic resource] // High court of Australia. – 2013. – URL: <https://eresources.hcourt.gov.au/downloadPdf/2013/HCA/42> (accessed 02.03.2022).

194. Fleming v. Ontario [Electronic resource] // Supreme Court of Canada. – 2019. – URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/17947/1/document.do> (accessed 02.03.2022).

195. *Jesner v. Arab Bank, PLC* [Electronic resource] // United States Supreme Court. – 2018. – URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/17pdf/16-499diff_868c.pdf (accessed 02.03.2022).

196. *Canada (Attorney General) v. British Columbia Investment Management Corp* [Electronic resource] // Supreme Court of Canada. – 2019. – URL: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2019/2019scc63/2019scc63.pdf> (accessed 02.03.2022).

197. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. – URL: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 02.03.2022).

198. *MacDonald v Canada* [Electronic resource] // Supreme Court of Canada. – 2020. – URL: <https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/18199/index.do?q=MacDonald+v+Canada> (accessed 02.03.2022).

199. *McPhillamy v The Queen* [Electronic resource] // High Court of Australia. – 2018. – URL: <https://eresources.hcourt.gov.au/downloadPdf/2018/HCA/52> (accessed 02.03.2022).

200. *Miranda v Arizon* [Electronic resource] // United States Supreme Court. – 1966. – URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/384/436.html> (accessed 02.03.2022).

201. *Montréal (Ville) v. Octane Stratégie inc.* [Electronic resource] // Supreme Court of Canada. – 2019. – URL: <https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/18039/1/document.do> (accessed 02.03.2022).

202. *Nebraska v. Parker* [Electronic resource] // United States Supreme Court. – 2016. – URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/15pdf/14-1406_6536.pdf (accessed 02.03.2022).

203. *Newcrest Mining v Commonwealth* [Electronic resource] // High Court of Australia. – 1997. – URL: <https://jade.io/article/68005> (accessed 02.03.2022).

204. *Pell v The Queen* [Electronic resource] // High Court of Australia. – 2020. – URL: <https://eresources.hcourt.gov.au/downloadPdf/2020/HCA/12> (accessed 02.03.2022).

205. Perry v Raleys Solicitors [Electronic resource] // Supreme Court of the United Kingdom. – 2019. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2017-0092-judgment.pdf> (accessed 02.03.2022).

206. R v Docherty [Electronic resource] // Supreme Court of the United Kingdom. – 2016. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2014-0207-judgment.pdf> (accessed 02.03.2022).

207. R v Islam [Electronic resource] // The House of Lords of the United Kingdom. – 2009. – URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200809/ldjudgmt/jd090610/islam.pdf> (accessed 02.03.2022).

208. R. v. Poulin [Electronic resource] // Supreme Court of Canada. – 2019. – URL: <https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/17964/1/document.do> (accessed 02.03.2022).

209. R. v. Zora [Electronic resource] // Supreme Court of Canada. – 2020. – URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/18391/1/document.do> (accessed 02.03.2022).

210. Rochin v. California [Electronic resource] // United States Supreme Court. – 1952. – URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/342/165.html> (accessed 02.03.2022).

211. State of Florida v. State of Georgia [Electronic resource] // United States Supreme Court. – 2018. – URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/17pdf/142%20orig_h3ci.pdf (accessed 02.03.2022).

212. The Child Poverty Action Group v Secretary of State for Work and Pensions [Electronic resource] // Supreme Court of the United Kingdom. – 2010. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2009-0202-judgment.pdf> (accessed 02.03.2022).

213. The Financial Conduct Authority v Arch Insurance Ltd and others (Respondents) [Electronic resource] // Supreme Court of the United Kingdom. –

2021. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2020-0177-judgment.pdf> (accessed 02.03.2022).

214. The Queen v Beckett [Electronic resource] // High Court of Australia. – 2015. – URL: <https://eresources.hcourt.gov.au/downloadPdf/2015/HCA/38> (accessed 02.03.2022).

215. The Oxford Handbook of Language and Law / ed. by P. M. Tiersma, L. M. Solan. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 641 p.

216. The Routledge Handbook of Forensic Linguistics [Electronic resource] / ed. by M. Coulthard, A. Johnson. – London: Routledge, 2010. – 671 p. – URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9780203855607.ch3> (accessed 02.03.2022).

217. Threlfall v. Carleton University [Electronic resource] // Supreme Court of Canada. – 2019. – URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/17986/1/document.do> (accessed 02.03.2022).

218. Trump v. Vance [Electronic resource] // Supreme Court of the United States. – 2020. – URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/19pdf/19-635_o7jq.pdf (accessed 02.03.2022).

219. United States v. Windsor [Electronic resource] // Supreme Court of the United States. – 2013. – URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/12pdf/12-307_6j37.pdf (accessed 02.03.2022).

220. Scotch Whisky Association and others v The Lord Advocate and another (Scotland) [Electronic resource] // Supreme Court of the United Kingdom. – 2017. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2017-0025-judgment.pdf> (accessed 02.03.2022).

221. Scottish Widows plc v Commissioners for Her Majesty's Revenue and Customs [Electronic resource] // Supreme Court of the United Kingdom. – 2011. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2010-0177-judgment.pdf> (accessed 02.03.2022).

222. Shell Canada Ltd. v. Canada [Electronic resource] // Supreme Court of Canada. – 1999. – URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/1745/1/document.do> (accessed 02.03.2022).